

Г. А. Мачинцев

Мифы и сказки Древнего Египта

«Мифы и сказки Древнего Египта»: ПКФ "ОЮ - 92"; СПб; 1993
ISBN 5-86197-001-7

Аннотация

В книге представлены мифы, сказки, легенды и поэзия Древнего Египта, сопровождаемые иллюстрациями и комментариями. В приложение вошли рассказы о верованиях древних египтян и словарь терминов.

Издание адресовано детям среднего школьного возраста, учителям, всем читателям, любящим мифы и сказки.

Составитель Г. Мачинцев

Мифы и сказки Древнего Египта

К XVIII веку европейцы побывали уже почти во всех уголках земли. Великие географические открытия завершались. Они сопровождались не менее грандиозными открытиями в науке и культуре. Перед изумленной Европой предстали сокровища древних цивилизаций Индии, Китая, Японии и Америки. Во всем своем блеске снова предстал Древний Египет, некогда величественный, а затем почти позабытый.

Просвещенные европейцы сразу же оценили красоту и изящество изобразительного искусства воскресшей из небытия древней египетской культуры. В то же время эта культура изобиловала загадками. С ними столкнулись прежде всего археологи и ученые. Загадочны и малопонятны были великолепные, поражающие воображение статуи и фрески. Совершенно не поддающейся расшифровке казалась письменность древних египтян. Одним ученым она представлялась немим узором, сотканным из изображений животных и предметов, другим, напротив, в каждом рисунке виделась законченная фраза. Только в 1822 году французскому филологу Франсуа Шампольону (1790–1832) удалось разгадать тайну египетских иероглифов, и всему миру открылась таинственная страна древнеегипетских мифов и сказок.

Поначалу здесь удивляло многое: большое количество незнакомых богов, сложность их отношений между собой и с людьми. Оказалось, что один и тот же бог мог представлять в разных обликах. Его изображали то в виде животного, то в виде человека со звериной

головой, либо просто ставили символ-иероглиф. У некоторых богов имена менялись согласно времени суток. Так, утреннее солнце воплощал бог Хепри: он принимал облик жука-скарабея и катил солнечный диск до зенита. Дневное солнце воплощал бог Ра — человек с головой сокола, а вечернее, «умирающее» солнце — бог Атум.

Не менее непривычны для европейского сознания были и поступки, которые совершали божества. В одном и том же мифе бог, олицетворявший добро и справедливость, мог стать коварным и злым. Мифы Египта были настолько своеобразны, что уже древние греки и римляне воспринимали их как фантастические легенды и пытались толковать с присущей им логикой.

Мифический мир Древнего Египта с его сложным, архаическим языком, бесчисленные боги с перекрещивающимися родственными связями, действующие зачастую в полном противоречии со здравым смыслом, запутанность сюжетов все это представляло собой пеструю картину.

Ученым пришлось немало потрудиться, чтобы раскрыть секреты сложной символики древних сказаний, оценить глубину их содержания и поэтическую красоту.

Сейчас можно в принципе объяснить многочисленные противоречия в сюжетах и характерах героев мифов и сказок. Древнеегипетская литература развивалась на протяжении нескольких тысяч лет и, несмотря на необходимость следовать жесткому канону, менялась во времени. В разных регионах страны складывались варианты одних и тех же сказаний. Они передавались из уст в уста, переписывались с папируса на папирус. Первоначальный смысл текста искажался: вносились добавления, детали старого утрачивались. Сказания смешивались и переплетались, как в фольклоре любого народа мира. Но в то же время трудно понять, как из нагромождения логических несоответствий, которыми полны мифы, могла сложиться единая, цельная картина древнего мифического сознания. Египтянина, например, нимало не смущало, когда он сталкивался с воплощениями одной и той же богини то в облике танцующей девушки с бубенцами в руке, то в облике разъяренной львицы.

Мир древних египтян был во многом сложнее нашего и заполнен множеством символов. С детства египтянина окружали вещи и явления-символы, за которыми присутствовали незримые боги и демоны. Человек понимал, что корова, которую он каждый день видит во дворе, и небо с тысячами звезд — разные вещи. Но на его взгляд, символическое изображение неба в виде коровы, к вымени которой припало множество людей и животных, наиболее верно отражало суть неба, одаряющего всех теплом солнца и живительной влагой дождей.

Древние видели в мифах символическое описание сверхъестественных, потусторонних событий, непостижимых в своих деталях для человеческого разума. В божественном мире своя логика и смысл, непонятные простым смертным. Знать же и судить об этом мире можно только через символические изображения богов, в какой-то мере отражающие их непостижимые свойства, или через мифические события, позволяющие хоть как-то объяснить тайны окружающего мира. В мифах объяснялись явления природы и смысл человеческого существования.

Даже специалисту-египтологу бывает трудно понять смысл некоторых изображений и символов, представленных на древних фресках порой лишь несколькими линиями. Но именно в них может заключаться ключ ко всему сюжету.

Символичной является и сама иероглифическая система письма, которую создали египтяне. Там «буквы» не что иное, как весьма сложные рисунки (для быстрого письма египтяне использовали упрощенные знаки — иератику). Эта система была для своего времени весьма совершенной. К тому же египтяне относились к процессу письма и написанному с большим уважением. Они верили, что написанные слова обладают магическими свойствами и способны повлиять на окружающий мир. Именно поэтому до нас дошло огромное количество письменных памятников этой цивилизации.

Мифологические представления египтян запечатлены в разнообразных религиозных текстах: это гимны и молитвы богам, записи погребальных обрядов на стенах гробниц.

Наиболее значительные из них — «Тексты пирамид» древнейшие тексты заупокойных ритуалов, вырезанные на стенах внутренних помещений пирамид фараонов Древнего Царства (26–23 века до н. э.). Известны также «Тексты саркофагов», сохранившиеся на стенках саркофагов эпохи Среднего Царства (21–18 века до н. э.), «Книга мертвых» — составлявшаяся с периода Нового Царства и до конца истории Древнего Египта уже в нашу эру. Источниками сведений о египетской литературе являются, кроме того, труды античных авторов: Геродота, посетившего Египет в 5 веке до н. э., Плутарха (1–2 век н. э.), оставившего подробный труд «Об Исиде и Осирисе».

Мифы, как правило, вырезали иероглифами на камне, а сказки дошли до нас в основном записанными на папирусах, и поэтому здесь так много неточностей и потерь: папирус сохраняется хуже камня, да и иератика скоропись, которой пользовались писцы — зачастую очень неразборчива.

Такое разное отношение древних к мифам и сказкам не случайно. Каким бы сказочным ни было содержание мифа, все же между ним и сказкой всегда имеется четкое отличие. Мифы играли в жизни египтян очень важную роль: они были тесно связаны с религиозными представлениями, в них верили и считали, что от мифических персонажей — богов — зависит судьба человека. Богам поклонялись, рассказы о них сопровождались исполнением обрядов. Так, содержание мифа о богине Тефнут воплощалось в виде целого «театрального» представления — мистерии, происходившей в последние дни засушливого периода года.

В отличие от мифа, сказка — это заведомый вымысел. Сказочные герои, даже если это боги, не влияют на судьбу человека вне сказки. Те, кто рассказывал сказки и кто слушал их, хотя и верили в возможность чудес, всегда знали, что речь идет о том, чего на самом деле никогда не было. Таким образом, древние египтяне относились к сказкам примерно так же, как и мы.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, является одним из наиболее полных изданий мифов и сказок Древнего Египта, вышедших на русском языке. Книга предназначена для детей среднего школьного возраста, но может быть интересной всем любящим мифологическую и сказочную литературу. В ряде случаев тексты для облегчения восприятия адаптированы.

От составителя

МИФЫ

ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНИИ МИРА

Откуда на земле появились люди и животные, деревья и кустарники, травы и злаки? Когда стало светить солнце — яркое солнце, рассеивающее мрак, прогоняющее ночные страхи? Кто зажег в небе звезды и поместил месяц, чтобы он ночью заменял солнце? Как появились на земле люди и что ожидает человека после смерти?

Эти вопросы волновали людей в самые далекие времена, много тысяч лет тому назад. Задумывались над этим и древние египтяне, обитатели Нильской долины, края Та-Кемет — «Черной Земли», как они ее называли в противоположность «Красной Земле» — мертвой пустыне.

Жители Та-Кемет построили города, воздвигли роскошные дворцы и храмы. Один за другим плыли караваны груженных товарами кораблей. В городах трудились искусные ремесленники, создающие прекрасные творения. Тысячи рабочих строили изо дня в день громадные пирамиды, которым суждено было простоять века.

Египтянам казалось, что вся окружающая их природа и небесные светила, растения, горы — одушевлены. Все это живые существа, могущественные боги, обладающие безмерной властью, и от них зависят благополучие и жизнь людей.

Богов древние египтяне представляли себе в образе сказочных героев и грозных чудовищ, они наделяли их мощью и способностью помогать или вредить людям. Всех богов

было великое множество, ведь за каждым явлением природы стоял бог или демон.

Важную роль в Древнем Египте играл религиозный центр — священный город Иуну — Город Столбов (в этом городе в честь богов и фараонов египтяне воздвигли множество высоких четырехгранных столбов-obelisks). Греки дали этому городу свое название — Город Солнца — Гелиополь.

В городе Гелиополе рассказывали такую легенду о сотворении мира.

Не всегда цвела и благоухала Черная Земля. Давным-давно, много лет назад, на месте городов с их храмами и дворцами, шумными рынками и площадями, на месте орошаемых полей ничего не было. Именно — ничего. Не было даже земли. Повсюду простирались безбрежные воды — «великое озеро». Это не была нынешняя вода, а древняя, первозданная, вода бескрайнего и бездонного океана Нун.

Окаменевшие, холодные воды Нуна, казалось, навечно застыли в неподвижности. Не было ни воздуха, ни тепла, ни света: всюду царил мрак первозданный Хаос, и ничто не нарушало покоя.

Шли годы, проходили столетия, но еще не существовало времени, и не было никого, кто бы исчислил его. Долго, очень долго ничего не менялось в мире. Но вот однажды заколыхались древние воды, заплескались, и на поверхности их появился великий бог Атум-Ра.

— Я есть, я существую! — воскликнул он, и Хаос содрогнулся от громopodobного голоса, возвестившего начало жизни. — Я сотворю мир! Я сделаю это, ибо мое могущество велико — я сумел сам себя создать из вод океана! Нет у меня отца, нет матери; я первый бог во Вселенной, и я сотворю других богов!

А вокруг, как и прежде, все было объято непроглядным мраком и мертвенным безмолвием. В океане не было даже клочка твердой земли, на который могла бы ступить нога бога. Воспарил Атум-Ра над бездной, произнес заклинание, и вот среди волн и пенных брызг выросла первая суша — холм Бен-Бен.¹

Задумал в сердце своем Атум-Ра создать богов, представил он себе их образы... и выдохнул из своего рта первого бога Шу (Воздух) и выплюнул первую богиню Тефнут (Влага).

Но первые боги мгновенно потерялись в крошечной темноте, царящей вокруг.

Опечалился бог Атум-Ра. Может быть, Шу и Тефнут заблудились в океане, а может, и погибли в бездне.

В отчаянии Атум-Ра вырвал у себя глаз и повелел ему идти на розыски пропавших детей. Ярко светясь и словно солнце озаряя все вокруг, пошло божественное Око на поиски. Взамен этого глаза Атум-Ра сотворил себе новый.

Не скоро нашло Око потерявшихся во мраке детей и доставило их к отцу. Обрадовался Атум-Ра. И превратил он глаз свой в змею и поместил Солнечное Око себе на лоб. В честь этого с давних пор глаз-змеей украшает короны богов и фараонов. Зовут этого змея Урей. Зорко смотрит Урей вдаль, и если замечает врагов, то уничтожает их лучами света, исходящими из его глаз.

Стали первые боги жить на холме Бен-Бен. И вот бог Шу женился на богине Тефнут. От этих двух богов, от соединения Воздуха и Влаг, родились Геб (Земля) и Нут (Небо), а они в свою очередь породили двух богов и двух богинь: Осириса, Сета, Исиду и Нефтиду.

Стало теперь богов всего девять. Так и возникла Великая Девятка богов — Эннеада, как ее называли греки.

Заплакал Атум-Ра от радости, видя творения рук своих, и оросил слезами землю. Возникли из слез люди и расселились по всему свету. И затем создал Атум-Ра многих других

¹ Обелиски, в большом количестве возводившиеся в Гелиополе, символизировали собой первый холм, выросший из вод океана. На этом холме и был основан первый город людей Гелиополь. Прямоугольный, заостренный сверху монолит стал символом почитания солнца, первые лучи которого озаряли по утрам полированную верхушку обелиска.

богов.

По другой легенде, первых людей вылепил из глины на гончарном круге бараноголовый бог Хнум. Его часто изображали на барельефах держащим перед собой станок с маленькой фигуркой человечка на гончарном круге.

Здесь же, в Гелиополе, существовало красивое предание о том, что бог Ра родился в облике прекрасного младенца из белого лотоса. Этот лотос вырос прямо из вод первозданного океана, бутон раскрылся, и Ра вылетел оттуда, неся миру долгожданный свет солнца. Первичный океан, Мрак и Хаос изображали в образе древнего старика Атума, в отличие от младенца-Солнца.

Так рассказывали о сотворении мира жрецы города Иуну. Город Иуну Гелиополь — был главным культовым центром солнечного бога Ра.

Однако в разных крупных городах были свои боги-покровители, и почитались они гораздо больше, чем в других городах Египта. Жрецы-служители таких богов стремились придать их культу как можно большее значение. В некоторых городах существовали свои версии возникновения мира и людей.

В древнейшей столице Египта городе Хи-Ка-Пта² творцом мира считался бог Пта (или Птах), покровитель ремесел и искусств. Птах создал себя сам, затем создал Атума, — а уже Атум сотворил мир, действуя «по воле Птаха». Птах наделил богов могуществом, «вдохнул в людей жизнь», дал людям законы и письменность, сообщил им магические заклинания, научил их поклоняться богам, орошать поля, строить дома, высекать статуи и многому другому.

Мемфис по влиянию соперничал с Гелиополем и местные жрецы-богословы включили в свой миф о сотворении мира многих богов, принадлежавших разным религиозным центрам, и подчинили их Пта как творцу всего.

«Боги, возникшие из Пта:...

Пта-Нун, Отец, создавший Атума,

Пта-Наунет, Мать, родившая Атума,

Великий Пта — сердце и язык Девятки богов...

Она возникла из сердца, возникла из мысли в образе Атума. Велик и могуч Пта, давший силу свою всем богам и их божественным духам Ка через это сердце и язык.

И стали существовать Гор и Тот в образе Пта. И стало так, что сердце и язык завладел каждым членом, познав, что Пта — в телах и устах всех богов и людей, скота, пресмыкающихся и всех живых тварей, ибо все задуманное исполняется по желанию его...»³

В городе Шмуну или Гермополе, как его называли греки, учили по-другому. По красивой местной легенде, в первозданную тьму Хаоса влетела белая птица Великий Гоготун, и ее голос прорезал бесконечное безмолвие. Она снесла яйцо, которое раскололось, и оттуда излился свет и вышел воздух. Свет дал начало жизни на земле, а воздух разделил небо и землю.

Жрецы Гермополя утверждали, что их город стоит на самой древней земле. Именно на этом месте находился древний Остров пламени, на котором лежало первое яйцо, и скорлупа его зарыта в земле Гермополя. Здесь почитались и самые древние боги в Египте — боги первичного Хаоса. Богов было восемь, отсюда и название города Шмуну — город Восьми. Поэтому, считали местные жрецы, только Гермополю должна принадлежать ведущая роль во всей стране.

Самое замечательное — это то, что при таком обилии разных взглядов в Древнем Египте не было ни одного учения, вера в которое считалась бы обязательной и искусственно

² Хи-Ка-Пта — «крепость души Пта». По-гречески «Айгюп-тос». По-видимому, от этого названия произошло и современное название всей страны «Египет». Сам город Хи-Ка-Пта греки называли Мемфисом.

³ Текст со «Стеллы Шабаци» — около 710 года до н. э. Новое Царство.

навязывалась. Люди, верящие и поклоняющиеся одному богу, не враждовали с теми, кто ставил выше других богов.

НЕБО И ЗВЕЗДЫ

Родили боги Шу и Тефнут Геба — бога Земли и Нут. Нут была богиней неба. И взял в жены Геб богиню неба Нут, дочь бога воздуха Шу. Вначале они очень сильно друг друга любили и всегда были вместе, крепко обнявшись. Небо и земля пребывали слитыми воедино.

И родилось у Геба и Нут множество детей-звезд.

Плывут ночью звезды по телу Нут до самого края неба. Они поднимаются вверх, и все их видят. И когда они плывут по небу, засыпают все люди в селениях, отдыхает и Ра (солнце зашло на западе за горизонт).

А днем звезды плывут внутри их матери богини Нут. Тогда не поднимаются они наверх, и никто не видит их. Каждое утро подходят звезды к голове Нут на западе, открывает богиня рот и проглатывает своих детей.

И вот разгневался Геб на супругу за то, что она пожирает своих детей, и хотел покарать ее.

Узнал об этом отец Нут, бог воздуха Шу, поднял дочь выше своей головы и стал поддерживать ее своими руками.

И сказал Шу Гебу: «Не ссорься с Нут за то, что она поедает детей. Она проглатывает их каждое утро на западе и рождает их каждую ночь на востоке. И никто из них не упал, никто не был сброшен на землю... Я все же пришел разлучить вас, так как не ужиться вам в мире».

Бог ветра взмахнул руками и произнес заклинание. Пронесся страшной силы ураган, и небо отделилось от земли. По всему океану зачернели маленькие острова и огромные материки, вздыбились горы, потекли реки, и люди с холма Бен-Бен стали расселяться по всей необъятной земле.

Прошло время, и они построили города, воздвигли величественные храмы для богов и дворцы для вельмож, стали обрабатывать пашни и собирать богатые урожаи. Вокруг холма Бен-Бен вырос город Иуну, а на самом холме соорудили святилище солнечного бога Ра.

Наступил золотой век — время, когда люди и боги жили на земле вместе.

Египтяне изображали небо и землю так: бог Геб лежит, а богиня Нут стоит над ним. Бог Шу, подняв руки, поддерживает Нут, а на груди и на животе ее — звезды.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БОГИНИ ТЕФНУТ В ЕГИПЕТ

У солнечного бога Ра была любимая дочь — богиня Тефнут. В разных обликах представляла Тефнут в природе и перед людьми. Ее почитали как Сохмет — грозную богиню войны, а в другом случае ее звали Хатор или Хатхор, и она представляла богиней пляски и веселья. Много разных легенд рассказывали об этой богине, и часто говорилось о том, как она побеждает чудовищ — врагов отца-Солнца, либо наказывает людей за неповиновение божественному царю. В облике божественного Ока — Уджат — она следит за проявлением в мире добра и зла, за тем, чтобы все шло, подчиняясь божественному предначертанию и закону.

Счастливо жили люди во время золотого века. Бог воздуха Шу собирал дождевые тучи, богиня влаги Тефнут поливала пашни, щедрый Хапи — бог Нила удобрял поля, а великий Ра согревал землю своими лучами. Всем казалось, что жизнь всегда будет такой радостной и сытой. Откуда было людям знать, что уже в недалеком будущем на них обрушатся величайшие бедствия — засуха и мор.

А причиной этому послужила ссора, неожиданно вспыхнувшая между Тефнут и Ра.

В то время солнечный бог Ра еще жил на земле и был царем Египта. Тефнут жила вместе с отцом. Была Тефнут своенравной и гордой богиней.

Любила гордая богиня дождя принимать от людей жертвенные дары и слушать хвалебные песнопения. Но вдруг однажды на холме Бен-Бен, в храме солнца, зазвучала громкая музыка. Это земледельцы благодарили лучезарного бога Ра за свет и тепло, которое он дарит Черной Земле.

Помрачнело лицо Тефнут. Ей показалось, что египтяне гораздо больше почестей воздают солнечному богу.

— Как же так! — солнце иссушает почву, и, если б не мои дожди, ни одно зерно, брошенное под соху, не проросло бы.

— Ты не права, — возразил ей бог солнца Ра, услышав ее слова. Посмотри на землю:

по всей реке люди построили плотины и оросительные каналы. Они сами питают поля водой, даже если нет дождя. Но что бы они делали без моих лучей?

Так сказал Ра, и обиделась богиня:

— Если мои дожди никому не нужны, я навсегда покину землю Та-Кемет!

И вот обратилась Тефнут в львицу и ушла от Ра в Нубию, в далекую страну Бугем.

В образе львицы бродила она по пустыне, в ярости убивала людей, и кровь ее жертв наполнила все ущелья. Из глаз ее извергалось пламя, дыхание ее пасти было как огонь, и сердце ее пылало от гнева. Никогда не покидала она пустыни и уже совсем забыла Египет, родину своего отца Ра.

Солнце между тем палило все сильнее, и вскоре сухая жара сделалась совсем невыносимой. Густой слой пыли покрыл сады, огороды, крыши домов. Плодовые деревья ссохлись и стали теперь словно мумии со скрюченными руками-сучьями.

Пожелал Ра вернуть Тефнут из Нубии, чтобы снова иметь ее близ себя. Тосковал Ра без дивного Ока своего. Тефнут была любимой дочерью Ра, и при виде ее сердце его охватывала радость.

Долго думал Ра, кого послать за дочерью в Нубию и наконец выбор его пал на бога мудрости и письма Тота.

Тот славился своей хитростью и ловкостью, и мог он волшебными словами помочь привести Тефнут в Египет. А без колдовства и без помощи волшебных сил нельзя было укротить грозную богиню.

Принялся бог за дело. Обратился Тот в павиана и отправился в Нубию на поиски богини. Он пересек воды Кенем и нашел Тефнут, которая охотилась в пустыне на юге в дальней стране Бугем.

Недружелюбно встретила львица бога. Она подняла хвост и свирепо зарычала на павиана. Прекрасна и грозна была в своем гневе богиня. Шерсть ее блестела и переливалась на солнце.

— Здравствуй, могучая львица! Ра и все боги пребывают в великой печали, ибо ты покинула Та-Кемет. Выслушай же мой совет: не держи в сердце гнева, забудь свою обиду и вернись домой...

— Убирайся прочь, ничтожный павиан! — зарычала Тефнут. — Я не желаю тебя слушать. Уходи, или я растерзаю тебя в клочья!

Понял Тот, что против ярости богини все разумные доводы бесполезны. «Кто очень силен, часто бывает очень глуп, — подумал он про себя. — А глупый охотно принимает любую льстивую ложь!.. Есть у меня хитрость и ум против твоих острых клыков и когтей...»

— Не трогай меня, о львица! — произнес он вкрадчиво. — Я знаю, что ты самая могущественная из богинь!.. Но объясни мне: почему ты, такая сильная, боишься меня — маленькую слабую обезьянку? Почему ты испугалась? Я не понимаю этого.

— Я?! Тебя?! Боюсь?.. — удивилась львица.

— Но, богиня, рассуди сама! Если попадает в дом человека скорпион, человек сразу спешит убить его. Потому что, хотя человек и сильнее скорпиона, он все-таки боится его: боится, что скорпион его ужалит... Или змея: она боится, что ей причинят зло, и нападает на всех, кто подойдет близко, даже на безобидных коров и лошадей. И большая корова боится маленького слепня и убивает его хвостом, едва тот сядет ей на спину... И только владыка зверей лев, — вот кто воистину могуч! — если к его логову случайно приблизится шакал или обезьяна, он даже не взглянет на них; если он дремлет, то даже не подумает проснуться, услышав шум. Потому что он не знает страха. Ему не нужно убивать, чтобы доказать свое могущество. Убивает только тот, кто не уверен в своей силе и потому боится.

И стыдно стало Тефнут, когда услышала она слова павиана.

— Знай же: я не боюсь тебя, слабая обезьяна! Клянусь, я не трону тебя, потому что я — самая могущественная из богинь, и ты нисколько мне не страшен!

Поднял Тот кверху лапы и начал уговаривать ее отправиться с ним в Египет. Он говорил о красоте страны ее отцов, о прекрасном Ниле, дающем радость, обо всех чудесах

«та мери» — «возлюбленной земли» (так называли египтяне свою страну).

— Вместо бесплодной пустыни, где ты обитаешь, — говорил Тот, — ты попадешь в страну, которая благодаря тебе будет цветущей: с великой многоводной рекой, с зелеными лугами, с многолюдными городами и селениями. Для тебя построят храм, — продолжал он, — и люди будут чтить тебя. Тебе не нужно будет совершать разбойничьи набеги на зверей и людей, чтобы добыть себе еду. Ежедневно будут приносить тебе в жертву газелей и антилоп, горных козлов и дичь пустыни. Каждый день тебе будут доставлять вино, и от глотка его печаль будет уходить из твоего сердца. Никогда не прекратятся музыка, пение и пляска в твою честь.

Тефнут, поначалу не желавшая слушать Тота, была растрогана его красноречием. И вот тогда хитрый Тот предложил богине-львице чашу вина и великолепное благоухающее кушанье — убитую газель, приготовленную особым образом, так, как умели готовить только в землях Египта. Нараспев воздавал он ей похвалу.

— Ради твоего прекрасного лица, ради красоты твоего тела, ради взгляда, который светится радостью, возьми кушанье, о котором я говорил... Во всем мире нет пищи лучше...

Тот, хоть и выступал в скромном облике павиана, был настоящим льстецом и знал, как обуздать своенравную богиню.

Тефнут подошла к еде и испытала то, что испытывают, вкушая прекрасную пищу. Лицо ее посветлело, взгляд стал радостным. Она обернулась к Тоту, сияя.

И стал утихать гнев богини.

«Ты победила собственное сердце.
Поистине, из всего, что существует на свете,
Ничего не любят больше родной стороны,
То есть места, где ты родился.
Когда стареет крокодил,
Где б ни случилось это,
Приходит умирать он в водоем свой,
Ведь город то его родной».

Такие стихи читал Тот богине. Он рассказал о печали Египта, оставленного своей покровительницей:

— Какой мрак кругом. Твои музыканты касаются струн, но не звучат они под их пальцами, твои певцы печальны, твои возлюбленные в трауре. Стар и млад ждут твоего совета, владыки и вельможи всего мира надели траур по тебе. Хаос царит с тех пор, как ты бежала из Египта; твои праздники не отмечаются более. В твоих храмах не устраивают торжеств, мужчины печалются, красивые женщины уже не смеются...

Возвращайся, богиня, в землю, где ждет тебя отец, а я обещаю служить тебе и защищать от всех врагов!

— Как ты — маленький, беспомощный павиан, сможешь защитить меня сильную богиню? — вскричала удивленная Тефнут.

— Выслушай меня, могущественная богиня. Тебе странными кажутся мои слова, но послушай, я расскажу тебе притчу о льве и мышши.

Случилось так, что однажды попала под лапу льва мышшь, с виду хилая и совсем маленькая. Лев хотел уже ее раздавить, но мышшь взмолилась:

— Не дави меня, господин мой! Если ты меня съешь, мною ты все равно не насытишься. Если же отпустишь, голод твой не станет сильнее. Но зато, если ты подаришь мне спасение, я тоже когда-нибудь подарю тебе жизнь. Не причиняй мне зла, я когда-нибудь спасу тебя от беды.

Лев посмеялся над мышью и сказал:

— Что ты можешь сделать? Ведь нет никого на земле сильнее меня, никто не может причинить мне зла!

Но мышь поклялась ему:

— Клянусь, что избавлю тебя от гибели, когда придет для тебя черный день!

Лев принял это за шутку, однако подумал: «Если я съем эту мышь, сытым я и вправду не стану...» И он отпустил ее.

Прошло время, и случилось так, что один охотник, который ловил зверей в западни, выкопал яму как раз на пути льва. Лев провалился в яму и попал в руки охотника. Опутал его охотник сетью и крепко связал сухими ремнями, а сверху опутал ремнями сыромятными.

И вот связанный лев лежал и горевал. Но судьба пожелала, чтобы шутка мыши стала правдой. Захотела судьба посмеяться над надменными словами льва, сказанными когда-то, и ночью привела к нему маленькую мышку.

Сказала тут мышь льву:

— Разве ты не узнаешь меня? Я та самая маленькая мышка, которой ты подарил жизнь. Я пришла, чтобы сегодня отплатить тебе тем же. Попал ты в руки человека, но я избавлю тебя от гибели. Нужно быть благодарным к тем, кто оказал тебе благодеяние.

И вот принялась мышь грызть путы льва. Она перегрызла все сухие ремни и все ремни сыромятные, которыми он был связан, и освободила его от пут. Потом мышь спряталась в гриве льва, и он в тот же час отправился с ней в горы, подальше от опасных охотников.

Подумай о маленькой мышке, самой слабой из всех жителей гор, и о льве, самом сильном из всех зверей, живущих в горах!

Даже самый сильный может быть повержен, а самый слабый придет к нему на помощь и спасет...

Такими словами окончил свой рассказ маленький павиан.

Засмеялась нубийская львица, возрадовалось сердце ее словам Тота. Лесть маленького павиана и его разумные речи подействовали на своенравную Тефнут, и обратила она лик свой к Египту.

Она уже собиралась торжественно объявить свое решение Тоту, уже открыла рот, как вдруг замерла, пораженная внезапной мыслью.

— Как! — закричала она, бледнея от злости. — Я ведь поклялась не возвращаться! Я не послушалась бы даже самого Ра, если б он пришел за мной, — и вдруг какой-то маленький ничтожный павиан сломил мою непреклонную волю! Да я сейчас растерзаю эту наглую обезьяну!

Вздыбила она гриву, издала рычание, от которого содрогнулась пустыня и приготовилась к прыжку.

Маленького павиана охватил страх, ужасный страх, при виде ее силы... Съежился он и стал похожим на лягушку.

— Богиня! — закричал он. — Вспомни о своей клятве! Ведь ты поклялась не причинять мне зла!

Тефнут в нерешительности застыла.

— Хорошо, павиан, — прорычала она после некоторого раздумья. — Очень жаль, но мне придется сдержать свое обещание. Однако не смей думать, что ты взял надо мною верх! Это не ты заставил вернуться меня в долину Нила. Я сама решила так!

— О да, великая богиня! — подтвердил Тот. — Разве может быть иначе? Разве кто имеет власть над такой могучей богиней как ты? Ты решила вернуться на родину, и я восхищаюсь твоей мудростью! Я пойду впереди и буду развлекать тебя песнями и плясками.

Он взял в руки лютню и шел перед ней, танцуя, чтобы она с весельем явилась перед Ра.

Так достигли они границы Египта.

Не как дикая львица, а как кроткая газель пришла из пустыни богиня Тефнут и увидела красоту страны, о которой ей рассказывал Тот.

Быстро распространилась по всему Египту весть о приходе Тефнут.

Красивые девушки с цветами в распущенных волосах, с тамбуринами и систрами⁴ в

⁴ Тамбурин — ударный музыкальный инструмент, напоминающий бубен. Систр — древний струнный

руках вышли встречать радостное шествие. Жрецы играли на арфах и флейтах, они несли на плечах богатые жертвы; вино и гирлянды цветов подносили они богине; ее умастили благоухающим маслом и надели ей венок на голову.

Она омыла свое тело в озере Священного острова. И тогда превратилась львица в прекрасную юную деву Хатхор-Тефнут с сияющими глазами, с веселым лицом, с черными волосами, в деву с гордой осанкой, блистающую красотой.

Ра, узнав о возвращении дочери, пустился в пляс, и сердце его возрадовалось необычайно. Он почувствовал себя словно заново родившимся.

Увидел ее отец Ра, радостно заключил дочь в объятия и воскликнул: «Наконец-то ты пришла, и я обнимаю тебя, царица женщин, дочь моя любимая!»

В городе Филе, в первом месте, где остановилась богиня, был построен храм около святилища Исиды.

Отсюда процессия на судах поплыла вниз по Нилу. Девять дней длилось путешествие. И в каждом городе повторялась торжественная и радостная встреча богини — дочери Ра. Женщины пели и плясали, и вся страна ликовала и праздновала.

С приходом Тефнут кончилась засуха в Та-Кемет. Пошли дожди, и Нил разлился, напоив и удобрив иссохшую землю полей.

А Ра повелел считать праздником день прихода Тефнут в Египет и ежегодно устраивать торжества в честь его любимой дочери, его пламенного Ока.

С тех времен египтяне связывали окончание сухого периода года и разливы Нила с возвращением Тефнут на родину и отмечали особо эти дни.⁵ В храмах богини разыгрывали целые священные представления-мистерии, в которых каждый раз снова изображался уход и возвращение Тефнут.

Тефнут была богиней добра и зла. Она могла смеяться от души, и сердце ее было сладостным. В это время она выступала в облике Хатхор — юной и прекрасной девы, богини музыки и танцев. Но могла она стать и гневной, как разъяренная львица, глаза ее могли наливаться кровью от гнева, извергая пламя на виновных, тогда ее называли Сохмет, отождествляя с грозной богиней мести. Тефнут-Сохмет — царица женщин и владычица злых духов, она украшала себя гирляндами цветов и красилась кровью своих жертв. Когда Тефнут-Хатхор утомляли пляски и музыка, влекло ее вновь в пустыню, и грозно рычала она в горах, и все дрожало от страха перед нею.

Художники изображали Тефнут-Сохмет в образе стройной женщины с головой львицы. На голове у нее диадема — круг со змеей. Это символ божественного Ока — Уджат.

музыкальный инструмент: состоял из дужки с ручкой, в дужке были просверлены отверстия, и через них протягивались три-четыре проволочки. Когда сistr встряхивали, проволочки звучали.

⁵ Египтяне делили год на три равные части: ахет — «наводнение» начинался во время, соответствующее нашему июлю; перт — «прорастание» начало в ноябре; шему — «жатва» — период без дождей, начинавшийся в марте.

КАК БОГ РА НАКАЗАЛ ЛЮДЕЙ

Прошло много времени с тех пор, как солнечный бог Ра создал всех богов, мир и живущих в нем людей.

Ра жил на земле и правил Египтом — землями Та-Кемет. Править государством Ра помогали две богини. Южная часть Египта находилась под покровительством богини-коршуна Нехбет. Имя «Нехбет» означает «розовый лотос». Этот цветок считался эмблемой южной части страны. Эмблемой же северного Египта был папирус, и покровительница севера, богиня-кобра, звалась по цвету папируса — Уаджет, что означало «зеленая».

Много-много столетий жизнь текла своим чередом, по раз и навсегда заведенному порядку, установленному всемогущими богами. Но время сделало свое дело: стал Ра старым и дряхлым. Кости его превратились в серебро, золотом стали его руки и ноги, а волосы окрасились в цвет лазурита.

И вот перестали люди бояться старого, когда-то всемогущего бога. Не страшен был больше Ра, бог солнца, владыка вселенной. И восстали люди против бога, стремясь свергнуть его власть. Они вооружились и пошли к дворцу Ра, желая убить его и захватить трон.

Прознал Ра о злых замыслах людей и решил наказать их за неповиновение. Но как это сделать? Ушла его былая мощь, нет больше сил у Ра расправиться с непокорными.

И придумал Ра созвать всех богов и решить всем вместе, как следует поступать.

Выбрал Ра надежных гонцов и приказал им:

— Идите к богам и созовите всех сюда. Пусть явятся ко мне Шу и Тефнут, Геб и Нут! Пусть придет Нун, из которого я сам вышел, пусть придут боги, которые были со мной вместе в Нуне, когда еще ничего не было на земле; боги, древнее которых нет на свете. И

пусть с Нуном придет вся его свита!

Стали собираться в путь гонцы; на прощанье Ра предупредил их:

— Смотрите только, приведите всех богов ко мне так, чтобы никто не видел, чтоб люди ничего не узнали. Пусть придут они ко мне в Великий зал, и каждый скажет, что он думает. Пусть же это будет в глубокой тайне.

Привели всех богов, собрались они в Великом зале и приветствовали все бога Ра, царя вселенной, упав ниц перед ним.

А люди тем временем уже окружали дворец Ра и готовились к приступу.

И вот обратился Ра к собравшимся старейшим богам:

— Вы все, боги-предки! Вот смотрите — люди, которых я сам создал, восстали против меня, задумали злые дела. Скажите мне, что бы вы сделали с ними за это? Я не хотел их наказывать прежде, чем узнаю ваш совет!

Могучий бог воздуха Шу, его сын, сказал:

— О владыка наш, великий Ра, зачем тебе нужны наши советы? Беспощадная расправа — вот наказание, которого они заслуживают. Если бы ты даже собрал всех мудрейших богов во главе с Тотом, и они бы три года думали, как усмирить мятежников, все равно они не придумали бы ничего другого. Убей людей!

Так сказал Шу, и боги согласились. Поднялся Ра, произнес заклинание и кобра Урей, дремавшая на его короне, зашипела и сверкнула глазами. Из глаз змеи, подобно молниям, вылетели раскаленные лучи. Пущенные мятежниками стрелы вспыхнули и сгорели в воздухе, не долетев до дворца.

Но люди не кинулись врассыпную. Они отступили в пустыню и укрылись в горной расселине, куда не могли достать губительные лучи змеи Урея.

— Все люди убежали в пустыню и скрылись в скалах. Что делать? Как теперь достать мятежников? — снова спросил Ра.

Зашумели боги, совещаясь. Никто не хотел сам идти бороться со множеством злых людей. Тогда выступил вперед старейший бог Нун и сказал:

— Ты велик, Ра! Ты бог более великий, чем тот, из которого ты вышел. Крепок твой трон и велик страх перед тобой. Пошли усмирить мятеж. Пошли близкого твоего, самого любимого, того, кто ближе всех к тебе, как глаза твои и уши. Отправь твою дочь, Око твое, наказать тех, кто замыслил зло против тебя!

И боги повторили:

— Пошли Око свое, свою дочь Хатхор. Пусть она пойдет в пустыню и поразит там людей. Ведь нет никого сильнее Ока твоего, когда она превращается в богиню Сохмет.

Хатхор же имела облик юной девушки, она была богиней веселья, любви, пляски и музыки. Голову ее украшала корона в виде золотого диска и коровьих рогов. Эти рога символизировали небо — египтяне часто изображали небеса в виде коровы со звездами на животе. В руке она держала музыкальный инструмент систр с гирляндами бубенчиков. Когда богиня встряхивала систром, бубенчики издавали мелодичный звон.

Совсем не подобало такой богине творить возмездие и убивать людей.

Но вот воплотилась по приказу своего отца Хатхор в грозную и свирепую богиню Сохмет, чье имя означает «могучая». Гнев этой богини был страшен, он приносил засухи, эпидемии и мор. Египтяне боялись этой богини до ужаса и поэтому изображали ее как львицу или как женщину с львиной головой.

С кровожадным ревом ринулась Сохмет в пустыню, в горы, где спрятались люди, и принялась беспощадно их терзать за неповиновение великому богу. Горные склоны и равнины оросились кровью...

И вот увидел Ра, что люди уже достаточно наказаны, совсем мало осталось их в живых, уцелевших от лютой львицы.

И сжалился старый Ра над людьми, не пожелал их гибели и повелел богине прекратить истребление. Но Сохмет опьянела от крови и продолжала губить людей. Никакие увещевания не действовали на нее. Все посланцы Ра в страхе бежали от обезумевшей

львицы.

Но решил Ра даровать жизнь оставшимся людям, чтобы не исчезли с лица земли те, кого он когда-то сам создал. По совету мудрого бога Тота он хитростью решил отвлечь гневную Сохмет от крови и убийств.

Ра позвал слуг и приказал:

— Приведите ко мне быстроногих гонцов. Пусть побегут они так же быстро, как тень за телом.

Гонцов немедленно привели к царю, и послал их Ра к южной границе Египта на остров Элефантину. Там в горах есть каменоломни, а в них добывают красный камень «диди».

Немедля отправились гонцы выполнять поручение его величества, и камень «диди» срочно был доставлен царю богов Ра.

Повелел бог Ра этот диди смолоть в порошок, а служанки в это время растерли ячмень, чтобы изготовить пиво.

Положили порошок диди в пивную массу, и получилось пиво красное, как кровь. В семь тысяч кружек разлили это пиво. Пришел Ра с богами и обрадовался, увидев, что напиток, приготовленный по его приказу, выглядит совсем как человеческая кровь.

Он позвал слуг и приказал:

— Снесите эти сосуды туда, где она убивает людей, и вылейте там пиво!

Пошли слуги ночью и выполнили приказ бога.

И разлилось пиво по полям и наполнило их красной влагой, как повелел его величество бог Ра. А утром пришла богиня, увидела поля, залитые кровью; обрадовалась она и стала пить эту кровь, захлебываясь от восторга. Много этой крови выпила богиня, но так как это было хмельное пиво, то она опьянела и перестала узнавать людей. В изнеможении лежала львица, и не было сил у нее гоняться за новыми жертвами.

Подошел к Сохмет бог солнца и сказал:

— Успокойся, любимая моя дочь. Прими свой прежний облик — облик юной богини Хатхор — и ступай отдыхать в мой дворец. Люди никогда не забудут, как жестоко поплатились они за свою дерзость.

Так и произошло. Сохмет обратилась в юную Хатхор, а Ра повелел ежегодно устраивать праздник в честь богини Хатхор и приносить ей в дар в храмы, посвященные ей, сосуды с пивом.

И стали люди ежегодно приносить богине пиво в дар в день ее праздника.

Так были спасены люди по велению Ра.

Сам же Ра устал управлять людьми и держать их в повиновении. Ослабел великий бог и не захотел он, чтобы узнали про это люди и боги, и решил удалиться от людей на небо.

Любимая дочь Ра, богиня неба Нут, превратилась в небесную корову, Ра сел ей на спину и сказал:

— Вознеси меня на небо! Там я буду царствовать над миром. Но пусть мои враги — крокодилы, змеи, гиппопотамы и злые люди — знают: хоть я и удаляюсь с земли, я все равно остаюсь властителем Вселенной. Я буду безжалостно пресекать любое зло, которое они замыслият. Земной же престол я передаю Гебу. Поклонитесь ему, боги: отныне он ваш повелитель и царь.

Сказав это, Ра вручил Гебу — богу земли — царский жезл.

И вот Нут стремительно взмыла ввысь, унося Ра на спине. Бог ветра и воздуха Шу сопровождал Ра в пути на небо.

Высоко над землей поднялся Ра. Задрожала Нут от вида такой высоты, заколебалась ее широкая спина. Тогда Ра обратился к богу воздуха Шу и повелел ему:

— Сын мой Шу, стань под дочерью моей Нут, поддержи ее головой своей!

И стоит Шу, подняв руки под небом, и поддерживает Нут руками и головой. Так обычно и изображали его художники Египта.

С тех пор бог солнца Ра живет на небе, где сияет и светит на весь мир Солнечный диск.

РА И ЗМЕЙ

Ра был великий бог. Он создал себя самого. Он сотворил небо и землю, воду и дыхание жизни, огонь, богов и людей. Он создал зверей, птиц и рыб и стал царем всех людей и богов. Велико было его могущество и много имен было у него.

И была Исида — мудрая богиня. Она знала многое о небе и о земле. Но ей было мало этого. Захотела Исида стать подобной самому Ра и получить власть даже над солнечным богом.

Много колдовских заговоров знала Исида, но не было в них никакой волшебной силы, пока она не произнесла имени того, над кем она колдовала. Ведь было известно, что у богов и людей есть несколько имен. Есть имена обычные, даваемые при рождении и служащие обычным образом. А есть имя тайное, заключающее в себе жизненную силу живущего. Знающий это тайное имя с помощью колдовства может получить полную власть над тем, кто это имя носит. Пока Исида не знала тайного имени Ра, не имело ее колдовство власти над великим богом. И задумала Исида узнать его тайное имя.

И вот состарился Ра, стали дрожать у него руки и ноги и стала спина гнуться к земле. Видела Исида, что ослабел некогда могучий бог, тогда подняла она с земли пыль, размешала ее со своей слюной и вылепила из этого змея. Колдовством оживила она этого змея, и был это могучий змей с ядовитыми зубами, от которого никто не мог уйти живым.

Положила Исида змея на дорогу, по которой совершал Ра обход всей земли.

И когда шел великий бог, как фараон — да будет он жив, здоров и невредим — впереди своих телохранителей, ужалил его змей, и словно огонь обжег ногу Ра.

И бог открыл рот и закричал, и голос его достиг неба, и боги удивились: «Что это?» — и стали расспрашивать Ра о том, что же с ним случилось.

А Ра упал на дорогу, и не было сил у него отвечать, он весь дрожал, и яд заливал его тело, как Нил заливает землю во время половодья.

Собрался бог с силами и сказал своим приближенным:

— Ужалило меня нечто смертоносное. Сердце мое чувствует это, но я не вижу ничего и не знаю, кто сделал это со мной. Никогда не чувствовал я подобной боли, и нет боли сильнее этой... Я вышел, чтобы осмотреть все, что мною создано, и когда я проходил через Египет, укусил меня змей, которого я не знаю. Мое сердце в огне, я весь дрожу и страшно болит мое тело. Пусть ко мне придут все мои дети, все боги, умеющие колдовать!

Пришли все и с рыданиями стояли около отца. И пришла Исида, великая волшебница, чьи чары исцеляют больных и возвращают жизнь умершим.

И спросила она бога, лицемерно глядя на него:

— Что это с тобой, мой божественный отец? Не змей ли ужалил тебя? Я околдую его своими чарами и заставлю его отпустить тебя!

Бог опять повторил свой рассказ о том, как его укусил змей:

— И вот теперь я холоднее воды и горячее огня, я весь в поту, все тело мое дрожит. Я не вижу неба, и жар на моем лице, как знойным летом.

Тогда сказала Исида:

— Скажи мне твое имя, божественный отец! Открой мне свое тайное имя, и я смогу тогда изгнать яд из тебя, ибо будет жить тот, чье имя я произнесу.

И ответил Ра:

— Я великий бог, у меня много имен. Я тот, который создал небо и землю, горы и все, что находится на них. Я открываю глаза — и становится светло, я закрываю глаза — и наступает мрак. Я тот, кто повелевает разливами Нила и кто сотворил пламя. Я — Хепри утром, Ра — днем и Атум вечером! Но одно имя тайное, и оно скрыто во мне. Никто не должен знать этого имени, чтобы не было ни у кого власти надо мной, чтобы никто не мог колдовать моим именем.

Но яд не выходил из тела Ра, и боль не утихала.

Тогда Исида сказала:

— Не произнес ты своего настоящего имени. Скажи мне его, и яд уйдет из твоего тела.

А яд все сильнее жег Ра, и жар его был сильнее, чем пламя.

Тогда Ра сказал Исиде свое тайное имя, и она стала произносить заклинание:

— Сказал бог свое имя. Пусть живет Ра, а яд пусть умрет.

Знала теперь Исида тайное имя и имела власть над Ра и над ядом, что был внутри него. Вышел после этого яд из тела Ра, и боль оставила его.

И была довольна Исида тем, что получила власть над Ра, и воскликнула:

— Знаю я Ра под его собственным тайным именем!

С тех пор почитают Исиду как великую колдунью, покровительницу магии и заговоров. В некоторых городах Египта ее считают не менее могущественной, чем сам великий солнечный бог. Ничто не может устоять против чар великой богини. При случае Исида даже может распространить свое колдовство на Ра и заставить его выполнить свою волю.

БОРЬБА РА С АПОПОМ

С тех пор, как солнечный бог Ра вознесся на небо, многое изменилось в мире.

Уже не видели люди великого бога рядом с собой и могли обращаться к нему со своими просьбами только с помощью жрецов, жертвоприношений и молитв.

Но, несмотря на это, солнце все так же продолжало сиять днем, гасло вечером и вновь вспыхивало утром. Боги — Ра и его свита — теперь перевозили Солнечный диск в Небесной

Ладье.

Каждый день плывет Ра по небесному Нилу на дневной ладье Манджет. Ладья плывет с востока и достигает вечером Западных гор, где находятся ворота подземного царства.

Под звуки песни Ра выходит торжественно из ладьи Манджет, садится в ночную ладью Месектет и плывет под землей через Загробный Мир, даря тепло солнца мумиям, лежащим в саркофагах.

Путь по подземному Нилу проходит в длинной и узкой долине с двенадцатью воротами, расположенными по всей долине на одинаковом расстоянии друг от друга. Каждый час проплывает Ра мимо ворот, и выходят к нему обитатели подземного царства, чтобы приветствовать солнце и радоваться его свету.

На рассвете Ладья через пещеру в восточных скалах вновь выплывает на небосвод, и все повторяется сначала — изо дня в день, из года в год, из столетия в столетие.

Много опасностей подстерегают богов, плывущих в Небесной Ладье. Есть враги у светлого бога Ра. Это разные чудовища мрака, змеи, таящиеся во мгле ущелий или зарывающиеся в норах подземелья, крокодилы и гиппопотамы, живущие в водной пучине.

Медленно плывет по небу ладья Манджет. Ра, как и полагается великому богу, восседает на украшенном искусной резьбой золоченом троне. У трона, на камышовой циновке, скрестив ноги, сидит бог-писец Тот. Он держит на коленях развернутый папирусный свиток, справа от него, как у всех писцов, находятся приспособления для письма — дощечка с красками и несколько тростинок, служащих перьями.

Вся свита владыки находится здесь. На носу Ладьи стоят богини Маат и Хатхор. Головной убор Маат украшает пушистое перо, являющееся символом справедливости. Ведь Маат — богиня справедливых законов и мудрого миропорядка. Зорко глядит вперед Маат, следя за выполнением законов. В этом ей помогает Хатхор.

Крылатый Гор в образе сокола, сверкая разноцветными перьями, летит впереди Ладьи, готовый по приказу Ра ринуться в бой и сокрушить злых демонов.

Крокодилы, гиппопотамы и ползучие ядовитые твари всегда пытаются напасть на Ладью врасплох. Крокодилы с огромной пастью хотят проглотить Солнечный диск. Иногда им это удается, и тогда наступает солнечное затмение. Но борются слуги Ра с демонами, и в это время волнуется природа, дуют ураганы, и сотрясается земля. Неизменно побеждают боги, и Солнце продолжает свой путь по небу.

Впереди, в предзакатном маревае, чернеет силуэт западного горного хребта. За кормой остались города, селения, храмы, поля и полноводный Нил. Внизу теперь пустыня.

Увидев приближающуюся Ладью, священные горные павианы поют приветственный гимн:

Великий Ра!
Ты сотворил птиц, зверей и растения.
Мы воздаем тебе хвалу!
Мы услаждаем твой слух
Мелодичным пением
И пляшем для тебя...

Ладья подплывает к каменным воротам подземного царства и останавливается.

В новой ладье Месектет к Ра присоединяются змей Мехен, грозный Акер, Нехебкау, имеющий человеческое туловище и змеиную голову, и бог-волк Упуаут. Это привратники. Они охраняют вход в Загробный Мир.

Каждый из двенадцати участков подземного пути Ладья должна проплывать строго в определенный час. Врата между ними охраняются чудовищами-стражами. Для того чтобы неумолимые стражи пропустили Ладью, надо произнести магические заклинания. Эти тайные заклинания знает только Упуаут. Поэтому бога-волка называют «Открывателем Путей».

— Отверзни свой Загробный Мир для Ра! Открой врата Обитающему на горизонте! — воскликнул Упуаут и произнес священные слова, обращаясь к первому стражу Ворот — Стражу Пустыни.

Раздался оглушительный грохот. Каменные глыбы, преграждавшие вход в пещеру, разошлись в стороны, Ладья миновала вход в Преисподнюю, и врата опять захлопнулись.

Гребцы налегли на весла. Ставить парус не имело смысла. В Загробном Мире нет воздуха и нет ветров. Чтобы умершие не задохнулись в своих гробницах, им кладут маленькие деревянные фигурки бога воздуха Шу.

Когда Ладья миновала вторые ворота, навстречу солнечному богу, приветствуя его, вышел бог урожая Непри. Его тело с ног до головы обвито пшеничными колосьями. В загробном царстве Непри кормит души умерших, и на земле он также заботится о полях египтян и об урожае.

Вот и третьи врата остались позади. Ладья Месектет плыла теперь мимо гробниц и захоронений. Солнце осветило богато украшенные погребальные камеры вельмож с расписными стенами, гранитные и деревянные саркофаги и статуэтки богов — хранителей сна запеленутых мумий; и бедные погребения без золота и украшений. Оживленные сиянием солнца покойники встали, с молитвенно воздетыми руками вышли они навстречу Ладье и запели хором:

Слава тебе, Ра!..

Почитают тебя обитатели Дуата,⁶

Поклоняются тебе обитатели Преисподней.

Восхваляют они тебя, грядущего в мире.

Ликут сердца подземных,

Когда ты приносишь свет обитающим на западе.

Полны радости их сердца,

Когда они смотрят на тебя.

Все спящие поклоняются твоей красоте,

Когда твой свет озаряет их лица.

Проходишь ты, и вновь покрывает их тьма,

И каждый вновь ложится в свой гроб...⁷

Ра взмахнул жезлом — знаком власти фараона, и гребцы остановили Ладью. Бог солнца повернулся к поющим и произнес:

— Знайте и помните! Вы все после смерти не превратились в прах, а воскресли к вечной жизни в Загробном Мире только потому, что о вас заботятся люди, которые остались на земле. Они чтут умерших, молят богов быть к ним благосклонными, приносят жертвенные дары в храмы и к вашим гробницам. Делая так, они спасают не только вас, но и себя. Ведь довольно скоро каждому предстоит переселиться сюда, и если они сейчас не научат детей заботиться об умерших, то сами будут после смерти забыты, брошены и не смогут воскреснуть для вечной жизни.

Сказал так Ра и умолк, обвел толпу умерших величественным взглядом и дал знак гребцам трогаться в путь. Мумии улеглись обратно в саркофаги.

Прошло немного времени, и на пути Ладьи вырос огромный дворец, окруженный гранитными колоннами. Это был Великий Чертог Двух Истин — зал, где собиралось Загробное Судилище. Здесь боги подземного мира в присутствии владыки Преисподней Осириса судят умерших египтян за их грехи. Анубис, бог с головой шакала, проводит

⁶ Дуат — одно из названий загробного мира.

⁷ Перевод стихов М. Э. Матье.

умерших в зал. Мудрый Тот записывает приговоры на папирусе. У трона Осириса стоят Исида, Маат и другие боги и богини.

Так плывет Ладья по подземному Нилу. Ворота за воротами открываются перед ней, подчиняясь заклинаниям волка Упуаута.

Близится полночь. Солнце плывет по подземной реке на восток. По мере его движения бледнеет и гаснет за кормой световой ореол, и подземный мир погружается опять в темноту. Зато впереди мрак рассеивается. Вскоре лучи высвечивают круто вздыбленные скалы, между которыми, исчезая за поворотом, извивается подземная река, выходя вскоре на поверхность земли.

— Боги! Я вижу пещеру Апопа. Приготовьтесь к бою! — воскликнул Ра.

Глубоко во мраке подземелья в пещере живет дракон Апоп. Страшен огромный змей, большими кольцами выгибает он свое длинное тело, извивается и шипит отвратительное пятнистое чудовище. Огромен Апоп — его тело 450 локтей⁸ в длину.

И вот внезапно вода вспенилась, забурлила; река в одно мгновение превратилась в бешеный поток. Казалось, Ладья подплыла к водопаду. С ревом разбрызгивая пенные хлопья, поток несся вперед, увлекая все за собой. Гребцы вонзили в клокочущую воду лопасти весел и с трудом остановили Ладью.

Уровень воды стал быстро падать. Потом она совсем исчезла. Слово ее и не было: сухое каменистое русло напоминало о том, что еще минуту назад здесь текла полноводная река. Ладья проскребла речное дно и легла на днище.

За скалой раздалось рычание, от которого с уступов с грохотом повалились камни.

Это рычал Апоп — повелитель злых сил, враг солнца. Каждую ночь подстерегает он Ладью у подземных скал. Заметив ее, Апоп вылил всю воду подземной реки и улегся на образовавшейся при этом песчаной косе, поджидая прибытия Ра и оставаясь во мраке.

И каждую ночь бог Ра и его свита бьются с исполинским змеем, чтобы утром солнце снова вошло на небосвод.

Солнечная Ладья не может преодолеть мель иначе как при помощи колдовства. Читает заклинания Упуаут, начинает творить свое колдовство бог Тот.

Силой заклинаний Апопа лишают его могущества. Все боги помогают Ра в борьбе и пронзают копьями каждый изгиб тела Апопа.

— Дрожи, Апоп! Сгинь, Апоп! Пропади, Апоп! — кричат они, сражаясь с Апопом.

Но не сдается Апоп, мощным хвостом он сбивает с ног приближающихся к нему богов. Сражение идет с переменным успехом, на помощь к Апопу приходят чудища мрака и злые демоны.

И вот наступает полночь, то есть, по египетскому исчислению последний час перед рассветом.

Бой достигает своей кульминации. Мощным ударом хвоста Апоп выбивает Солнечному богу глаз и проглатывает его. И вот Ра обращается в кошку хитрое и ловкое животное — и та, вооруженная мечом, вскакивает змею на спину. Взмах меча — и отрубленная голова змея отлетает в сторону. Из побежденного безголового Апопа обратно вытекает вся проглоченная вода подземной реки. Тот возвращает глаз богу Ра и исцеляет его. Теперь Ладья снова может продолжить свой ход, неся всей земле солнечный свет и тепло.

Нелегкой была эта победа. Каждый раз отмечают в Египте самый длинный день года как праздник исцеленного глаза, а амулеты с изображениями глаза — Уджат считают дающими здоровье, силу и приносящими удачу во всех начинаниях.

Торжественно на Ладье плывет Солнечный Ра, и боги славят его:

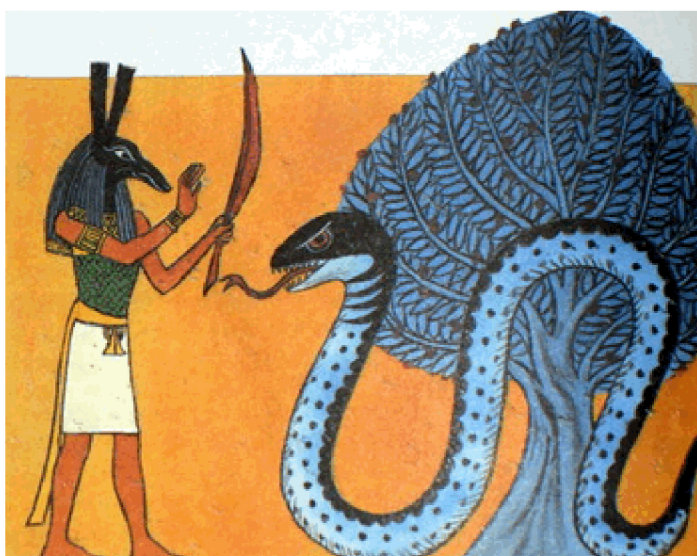
Силен Ра
Слабы враги!

⁸ Локоть — одна из самых древнейших мер длины, около 50 см.

Высок Ра
Низки враги!
Жив Ра
Мертвы враги!
Велик Ра
Малы враги!
Вознесся Ра
Пали враги!
Есть Ра
Нет тебя, Апоп!

Плывет Ра по подземному Нилу и достигает он восточных гор. Открываются перед ним ворота горизонта, выходит Ра из ночной ладьи Месектет, умывается в водах прозрачного священного озера, надевает красные одежды и садится в дневную ладью Манджет, чтобы плыть по небесному Нилу и озарять землю своим сиянием.

А следующей ночью, когда гигантский змей Апоп с помощью темных сил и колдовства оживает, снова начинается борьба.

Священная кошка и все ее собратья с давних пор стали пользоваться в Египте особым почетом и уважением. Для них строили специальные храмы, в каждом египетском доме жило несколько кошек, которые чувствовали себя в нем полными хозяйками. Люди окружали их любовью и заботой, прощали им любые шалости, помня о той важной услуге, которую оказывает каждую ночь кошка всем на земле.

Кошки считались самыми красивыми животными. Египетские модницы наблюдали за повадками кошек и стремились перенять их грациозные движения.

Археологи раскопали священный древний город, в котором жили только кошки — несколько тысяч, и люди-слуги, специально за ними ухаживавшие.

РОЖДЕНИЕ ОСИРИСА

Еще до того, как Ра покинул землю и стал плавать в Ладье по небесам и по Царству Мертвых, богиня Маат создала времена года. Она разделила год на три равные части и дала им названия: время Разлива, время Восходов и время Урожая.

Затем Маат поделила все три времени года на месяцы, по четыре в каждом. Каждый месяц состоял из тридцати суток. Сутки же поровну делились между луной и солнцем. Таким образом, солнечный год был в точности равен лунному: и в том и в другом было по двенадцать месяцев и по триста шестьдесят дней.

Хранительницей этого порядка Маат назначила Луну.

Но Луна не справилась с доверенным ей делом. Богу мудрости Тоту удалось ее перехитрить и изменить существующий миропорядок.

А началось все с того, что Ра однажды разгневался на богиню неба Нут жену бога земли Геба — за непослушание. Разгорелась ссора. Слепленный яростью бог воскликнул:

— Знай же, непокорная: страшное наказание ждет тебя! Отныне и навеки я обрекаю проклятию все триста шестьдесят дней года. Ни в один из них ты не сможешь рожать детей и навсегда останешься бездетной!

Нут ужаснулась. В отчаянии она пала перед владыкой на колени. Но было уже поздно. Проклятие уже было наложено, и пути назад не было. Великий бог Ра не отменял свои решения. На все дни года он наложил проклятие. В мире все подчинено воле Ра. Ей, Нут, не суждено иметь детей! Хлынул проливной дождь — это безутешно плакала убитая горем богиня неба Нут.

— И ничего нельзя поделать! Нет такой силы на свете, которая могла бы хоть что-то изменить! — печалилась богиня. К ней подошел бог Тот и спокойно сказал:

— Силы такой и вправду нет. Зато есть хитрость! Знай: ум — это нечто гораздо большее, чем сила. Там, где сила бесполезна, выручит ум. Ты скоро в этом убедишься.

Он превратился в ибиса, вспорхнул и скрылся с глаз.

Не веря ему вполне, Нут все же стала ожидать, что предпримет известный своей мудростью бог.

А Тот между тем прилетел на небо к хранительнице времени Луне. Добродушная Луна обрадовалась гостью. Ей было скучно одной среди неразговорчивых звезд. Редко случалось, чтобы кто-нибудь навещал ее.

Луна усадила гостя на циновку, расставила перед ним изысканные кушанья: финики, медовые лепешки, орехи и кувшин пальмового вина.

— Угощайся, любезный гость, а заодно Расскажи, что нового происходит в мире, — сказала она, села напротив Тота и приготовилась слушать.

Тот отведал яства, выпил вина, вежливо похвалил их и рассказал хозяйке новости, умолчав только о ссоре Нут и Ра. Когда Тот умолк, Луна сказала ему:

— Давай теперь играть в шашки!

Ей очень не хотелось, чтобы гость уходил.

— Что ж, давай играть. А на что мы будем играть?

Луна растерялась:

— Не знаю... Что я сделаю ставкой в игре? Ведь у меня ничего нет, кроме света, которым я по ночам освещаю небо.

— Вот и хорошо. Сыграем на твой свет.

— Я не могу этого сделать, — возразила Луна. — Я хранительница времени, и я не вправе отдать ни одного дня из лунного года.

— Да и не надо целого дня, это слишком много. В лунном году триста шестьдесят дней. Убавь от каждого дня по несколько минут — никто и не заметит... А впрочем, как знаешь, — холодно добавил Тот, встал с циновки и сделал вид, что собирается уходить.

— Подожди! — остановила его Луна. — Так и быть. Сыграем на мой свет. Но учти: я убавлю от каждого дня очень маленькую часть, всего одну семьдесят вторую его часть. Если ты и выиграешь партию, то никто и не заметит, что дни стали короче.

Так сказала Луна, и Тот согласился на ее слова.

Но не знала Луна, что нет равных в любых играх умному и хитрому богу Тоту. Тот скоро выиграл партию, и Луне ничего не оставалось как сдаться.

— Возьми свой выигрыш, он причитается тебе по праву, — сказала Луна.

И тут выяснилось, что как ни мала доля суток, отданная Луной, в сумме ее проигрыш составил целых пять суток.

Тот получил свой выигрыш — пять дней — и прибавил их к солнечному году. С тех пор лунный год сделался короче: в нем осталось лишь 355 дней. А солнечный год увеличился, и дней в нем стало 365.⁹

Но самое главное было в том, что на пять лишних дней солнечного года не распространялось проклятие Ра! Ведь когда владыка вселенной обрекал проклятию все дни года, их было только 360.

Правда, Ра немедленно проклял бы и эти новые пять дней и вдобавок наказал бы Тота за столь дерзкую проделку. Но мудрый и хитрый бог Тот все предусмотрел заранее. Пять новых дней, которые он прибавил к году, он посвятил богу Ра. Не станет же владыка проклинать дни, посвященные ему самому!

Как Тот и рассчитал заранее, так и вышло. Ра рассердился сначала, а затем, задобренный таким богатым подарком, смирил гнев и простил богу мудрости его поступок.

И вот прошло некоторое время, и в конце года, в те самые пять дней, которые были посвящены Ра, у Нут родилось пятеро детей — пятеро богов.

В первый день на свет появился прекрасный младенец, и было дано ему имя Осирис. Мальчик заплакал так громко, что земля задрожала, раздался голос с неба, который возвестил о рождении великого бога: «Только что родился могучий царь, творящий добро — Осирис! Он владыка всего, что существует на земле до границ ее!»

Услыхали этот клич все живущие на земле, и велика была их радость, повсюду люди ликовали и устраивали празднества.

Дошла эта весть и до бога Ра в его дворце в Дельте Нила. Взглянул Ра на младенца

⁹ Египетский год состоял из 365 дней (високосных годов египтяне еще не знали) и распадался на три равных периода, каждый из которых состоял из четырех месяцев по 30 дней и имел свое название: ахет — примерно современный июль, август, сентябрь, октябрь; перт — ноябрь, декабрь, январь, февраль; шему — март, апрель, май, июнь.

Пять дополнительных дней в конце года не относились ни к одному из месяцев и считались священными.

Осириса, увидел его прекрасное лицо, красоту его и доброту, и великая любовь к Осирису вошла в сердце Ра.

Действительно был прекрасен Осирис. Большие темные глаза сверкали на смуглом лице, а его волосы были блестящими и черными, как сама черная и плодородная земля.

Осирис был старшим сыном, наследником своего отца бога земли Геба.

Во второй день родился Гор с белым лицом, светлыми волосами и ясными, сияющими, как само солнце, глазами. Впоследствии Гор получил прозвище Гор Бехдетский по названию местности Бехдет, где он в сражении одолел врагов Ра.

В третий предновогодний день родился Сет. Он появился в неположное время и не обычным образом, а выйдя из бока своей матери. Маленький и злобный, он был очень уродлив. Огненно-рыжими были его волосы и на красном лице узкие воспаленные глазки враждебно смотрели на мир. Он получил прозвище «красногривый».

Казалось, что он дышит злобой, горячее, как испепеляющий зной пустыни, и цветом своим он напоминал раскаленный бесплодный песок.

Этот третий день считался в Египте несчастливым. Фараоны и придворные сановники не занимались в этот день государственными делами, не принимали никаких важных решений и не допускали к себе иноземных послов, чтобы не накликать на все предстоящие дела несчастий.

В четвертый и пятый день родились две сестры, небесные богини Исида и Нефтида.

С тех пор в Египте каждому богу, родившемуся в предновогодние дни, был посвящен свой один день в году. У этих пяти дней не было числа, они не входили ни в один из двенадцати месяцев, на которые египтяне делили свой год. Обычно их вставляли между концом старого года и началом нового.

Когда старший сын Геба Осирис вырос, он унаследовал трон царя всей земли Та-Кемет.

ЦАРСТВОВАНИЕ ОСИРИСА

Старшие братья, родившиеся первыми — Осирис и Гор — были дружны между собой, и только младший, Сет, люто ненавидел Осириса. Он ненавидел его за то, что Осирис красив и все его любят, за то, что день рождения Осириса был счастливым и все дела, начатые в

этот день, кончались успешно. А день рождения Сета считался несчастливым: в этот день нельзя было приступать ни к какому делу, так как оно никогда не приводило к добру. Но больше всего злился Сет из-за того, что Осирис родился первым и как старший сын должен был получить трон отца и власть над всей страной.

А Осирис ничего не замечал. Добрый и доверчивый, он любил всех, и все окружающие казались ему такими же хорошими, как он сам.

С тревогой следили за сыновьями Геб и Нут, их беспокоила злоба Сета, его коварные насмешки и злые шалости по отношению к старшему брату. Не раз говорил Геб жене: «Защити Осириса от Сета и охраняй его, чтобы он не погиб». И Нут зорко следила за сыновьями и не давала в обиду кроткого Осириса.

Выросли братья. Осирис женился на богине Исиде, а Сет взял в жены ее сестру Нефтиду.

Прошло много лет, и старшие боги состарились. Стал дряхлым и немощным Ра, люди перестали его почитать и бояться. Состарился и Геб и не мог уже управлять страной и держать в повиновении своих подданных. И решили боги удалиться от людей, подняться на небо и в солнечной барке днем объезжать землю по небесному Нилу, а ночью спускаться под землю и плыть в ночной барке по подземной реке. Царство свое Геб передал старшему сыну Осирису, мужественному и доброму юноше, и его верной подруге — жене Исиде.

Трудна была жизнь людей в то время. Египтяне были диким и темным народом. Они питались кореньями растений и плодами, которые находили в зарослях кустарников и тростников. Они ловили мелких животных, убегая со страхом от крупных хищников, а во время засухи, когда наступал страшный голод, они иногда набрасывались даже друг на друга.

Люди были невежественны — не знали целебных трав, не умели лечить самые простые болезни и часто умирали еще в молодости. У них не было ни письменности, ни законов. Селения враждовали друг с другом, и вражда эта то и дело выливалась в кровавые побоища.

Поэтому мудрый и добрый Осирис, став царем, решил, что прежде всего нужно дать народу знания.

Он разъяснил людям, какие поступки благородны, а какие нет, установил с помощью бога Тота справедливые законы. Осирис научил людей узнавать съедобные растения, он показал, как надо вспахивать землю, сеять ячмень и пшеницу, как уберечь посевы от засухи, поливая поля водой из Нила, как собирать урожай и сохранять его, чтобы не было голода. Осирис научил людей разводить сады и виноградники. Это избавило страну от засух и голода.

Мудрый Тот старательно помогал Осирису в его делах. Он дал людям письменность, обучил их медицине, астрономии — науке наблюдения за звездами, математике и другим наукам.

Жена Осириса Исида на глазах у всех взяла зрелые колосья и, растерев их меж камней, показала людям, как делать муку и печь лепешки. Осирис выдавил виноградный сок и сам выпил первую чашу вина, а там, где нельзя было разводить виноградники, он показал, как приготавливать пиво из ячменя.

Осирис запретил людям убивать друг друга; он научил их мастерить оружие для охоты и орудия для обработки земли. Во всем помогала Осирису Исида и его первый помощник — бог Тот, которому Осирис поручил творить суд и решать по справедливости все дела.

Эти боги научили людей музыке и танцам. В Египте наступила счастливая жизнь, это были лучшие дни золотого века. Любовь к Осирису, доброму и мужественному, наполнила сердца благодарных людей. Они прозвали его Веннофре, что значит прекрасный.

Отправился Осирис, сопровождаемый музыкантами и певцами, в путешествие и вскоре преобразил другие земли так же, как некогда преобразил Та-Кемет Египет. Ни разу не прибегнув к насилию, покоряя сердца людей только красноречием и добром, Осирис подчинил себе большинство племен. Даже старшие боги признали его мудрость и подчинились его власти.

Пока бог путешествовал, в Египте правила его жена Исида. Она была богиней колдовства и магии. Вместе с Тотом она учила людей совершать религиозные обряды, творить чудодейственные заклинания и делать амулеты, спасающие от бед. Кроме того, добрая богиня научила женщин вести домашнее хозяйство и стала покровительницей домашнего очага.

Шло время, и вот уже двадцать восемь лет минуло с тех пор, как Осирис стал царем. За годы его царствования Египет изменился до неузнаваемости. Появилось много новых городов, а старые увеличились во много раз, перекинулись с черной плодородной землей на пески, а окраины дотянулись уже до самого восточного предгорья. Там, на окраине, в тени высоких пальм, стояли роскошные усадьбы вельмож. Ближе к берегу Нила селился незнатный люд: тесно лепились друг к другу дворики с небогатыми лачугами из кирпича-сырца.

Жилые кварталы городов находились на восточном берегу Нила. А западная часть любого города принадлежала мертвым. Там египтяне хоронили тех, кто ушел в Дуат. Боги еще не научили людей делать мумии, поэтому тела, облаченные в погребальное убранство, просто клали в деревянные или каменные футляры — саркофаги и закапывали в песок. Только высекатели саркофагов и гробовщики жили за рекой, около своих мастерских. Суда доставляли им по реке гранит и песчаник из каменоломен и кедровые бревна из чужеземных стран. По ночам на западном берегу, в городе мертвых, уныло выли шакалы священные животные бога покровителя мертвых Анубиса.

В восточной же части города с раннего утра закипала жизнь. Многие люди спешили пораньше на рынок — купить и продать свои товары. Пчеловоды торговали на площадях медом, пекари — пышным хлебом и лепешками, пивовары разливали в кружки пахучее ячменное зелье; гончары, высекатели статуэток и другие ремесленники громко нахваливали свои товары. Кто-то возделывал деревья в саду, чинил запруды в оросительных каналах либо брал челнок и отправлялся на реку рыбачить.

Так продолжалось до полудня, пока Ладья Ра не достигала зенита. В полдень жара делалась уже невыносимой. Все живое пряталось в тень, люди отдыхали в тени домов или пальмовых рощ. К вечеру горожане вновь собирались в людных местах или принимались каждый за свою работу.

А вдаль, у подножия гор, красовались дворцы, в которых жили боги...

Все жители Та-Кемет любили своего повелителя. Один Сет продолжал ненавидеть Осириса, и ненависть и злоба его становились все яростнее.

Чем больше почитали Осириса, тем сильнее становилась зависть Сета, и он вместе со своими друзьями, такими же злыми, как он сам, придумывал, как погубить Осириса, убрать его со своей дороги и воссесть на трон царем вместо него. Его жена Нефтида ничего не знала об этих замыслах, она нежно любила сестру свою Исиду и мужа ее Осириса и не позволила бы Сету выполнить его злодейские планы.

Зато Исида, помня заветы Нут и Геба, охраняла Осириса, оберегала его от Сета, защищала его от всего злого и враждебного. Исида была великой волшебницей, она останавливала кровь, заговаривала рану от укуса змеи, умела вылечить человека от болезни, она своими чарами прогоняла врагов Осириса и разрушала их злые замыслы. Ничего не мог поделаться Сет со своим братом, пока тот находился под защитой Исиды.

Но вот как-то раз пришлось Исиде отлучиться на долгий срок. Этим воспользовался Сет. В одну из ночей, когда Осирис крепко спал на своей постели, Сет тихонько подослал к нему своих помощников, чтобы украдкой снять с Осириса мерку. По этой мерке был срочно сделан деревянный сундук-гроб. Сундук получился очень большим, так как Осирис был высокого роста, выше всех людей. Сет, держа в уме коварный план, велел богато украсить этот сундук.

Прошло некоторое время, и вот во дворец Осириса прибежал гонец от Сета.

— Слава царю всех людей, да будешь ты жив, здоров и благополучен. Мой хозяин Сет — твой брат — устраивает званый пир. Он смиренно просит тебя пожаловать сегодня в гости

и занять почетное место за столом.

— Скажи своему хозяину, что я с благодарностью принимаю его приглашение, — ответил Осирис. — Ступай в сокровищницу: я велю слугам одарить тебя богатыми подарками.

Вечером собрал Сет своих друзей-демонов и устроил пир. Было их число семьдесят два. И была среди них кровожадная темнокожая царица Эфиопии Асо. Осирис, облаченный в праздничные одежды, ничего не подозревая, пришел один, без своих телохранителей и без Исиды.

Его встретила большая процессия музыкантов и рабов, несших опахала. Они сказали слугам Осириса, что те могут сейчас же, не дожидаясь своего господина, возвращаться назад и отдыхать, потому что пиршество затянется до утра. А утром рабы Сета сами доставят Осириса домой.

Носильщики ушли. Царя Египта торжественно, под музыку, проводили в зал, где в ожидании гостей сидел сам хозяин — красногривый бог пустыни.

— Привет тебе, любимый мой брат! — воскликнул Сет. — Благодарю тебя, ты оказал великую честь моему дому. Сам царь Та-Кемет, сам великий Осирис будет сегодня моим гостем!

Осириса усадили во главе стола на почетное место. Вокруг расселись заговорщики — друзья Сета, в сердце своем ненавидевшие его.

— Угощайтесь, дорогие гости! Отведайте вот этого ячменного пива. Более вкусного напитка вы не найдете во всей земле Та-Кемет!.. А вот пальмовое вино! Эй, слуги! Несите новые кувшины! — нахваливал яства Сет.

Вино действительно было вкусным. Гости — друзья Сета — наперебой расхваливали его, а потом, не скупясь на похвалы, стали превозносить самого Сета. Какой у него роскошный дворец! Какой вид открывается из окон! Чудесная мебель изготовлена искуснейшими мастерами, а каменотесы украсили стены великолепными рельефами!

— Да, — согласился Сет. — Я могу гордиться моими рабами-ремесленниками. Видите вы ту статую в саду? Они высекли ее за десять дней из цельной глыбы гранита. А недавно мне изготовили сундук — такой великолепный, что я не могу найти достойных слов, чтобы описать эту красоту! Посмотрите сами, что это за чудо. Эй, слуги! Принесите сундук!

Застолье возбужденно зашумело. Когда рабы принесли сундук, все вскрикнули от восхищения и повставали с мест.

Изделие было воистину достойно богов. По украшенной черным деревом поверхности сундука змеились золотые ленты. В центре полыхал огромный рубин, изображавший солнце. Его катил по небосводу лазуритовый жук-скарабей — символ Солнечного бога. Вокруг вспыхивали драгоценные камни — звезды. Сундук имел тяжелую крышку, украшенную орнаментом из золотых иероглифов, обрамленных кружевной резьбой.

— Великий Сет! — произнесла царица Асо, зачарованно глядя на сундук. Я согласна отдать все мои богатства, лишь бы только получить это сокровище.

— И я! И я! — закричали наперебой демоны, стараясь не смотреть на Осириса, чтобы по неосторожности как-нибудь себя не выдать.

— Великолепная работа, — вежливо сказал Осирис. Ему тоже очень понравился сундук. Но бог был спокоен. Он никогда не терял головы при виде богатств.

— Вижу, я угодил вам, дорогие гости! — воскликнул Сет. — Так и быть, я дам этот сундук одному из вас. Я подарю этот сундук тому, кому он придется впору, тому, кто ляжет в него, и заполнит его своим телом так, что не останется свободного места.

Слуги с трудом подняли тяжелую крышку и гости — а все это были друзья и помощники Сета — один за другим ложились в сундук, но он был слишком велик для них, ведь никто не был так высок, как Осирис; Сет заранее все предусмотрел.

Наконец дошла очередь до Осириса. Ничего не подозревая, он встал, спокойно направился к ящику и лег в него, вытянувшись во весь свой огромный рост, и сундук пришелся ему как раз впору, и в нем не осталось свободного места.

Сет только этого и ждал.

— Сокровище твое! — воскликнул он.

Это было сигналом заговорщикам — они захлопнули и приколотили крышку.

— Этот сундук теперь навеки твой! — кровожадно захохотал Сет. — Умри в нем! Это твой гроб!

Демоны обмотали сундук-гроб сыромятными ремнями и в темноте вынесли его из дому, спустились незаметными тропинками к Нилу и бросили саркофаг с Осирисом далеко в воду, на середину реки.

Течением подхватило гроб и понесло его вниз по Нилу до самого Танитского устья. А там волна вынесла его в открытое море. С тех пор это устье считается у египтян ненавистным и проклятым.

И случилось это на двадцать восьмом году земного царствования Осириса, в семнадцатый день третьего месяца Разлива, когда солнце проходило созвездие Скорпиона.

СТРАНСТВОВАНИЯ ИСИДЫ

Тихо под покровом ночи совершил Сет со своими помощниками злодеяние «красное дело», как называли египтяне злые дела и преступления. Убив своего старшего брата, он вернулся домой. Наконец-то исполнилась его заветная мечта: он избавился от своего соперника, и теперь сможет занять его трон и стать царем всей земли Египта.

Лесные существа паны, жившие неподалеку от дворца Сета, первыми узнали о случившемся и разгласили печальную весть. Услышали о злодеянии демонов жившие неподалеку люди и бросились бежать, боясь, как бы Сет не начал убивать всех подряд, мстя людям за их любовь к Осирису. Потому внезапную тревогу и волнение толпы до сих пор называют «паникой».

Рано утром, когда еще над берегами Нила стелился туман, в покои Иисиды вбежал запыхавшийся слуга.

— Беда, великая богиня! Горе! Нет больше твоего мужа! Нет нашего любимого царя Осириса!

— Что случилось? — Исида побледнела, предчувствуя самое худшее, ведь Осирис не

ночевал этой ночью дома.

— Не спрашивай, о богиня! Беги! Сюда идет Сет и ведет за собой целую армию злодеев. Он убил Осириса и хочет захватить трон, чтобы стать царем. Он не пощадит тебя! Спасайся!

Во дворе уже были слышны топот, громкие голоса и грубый смех. Дворец обступила толпа. Среди общего шума прозвучал самодовольный голос Сета:

— Вот дворец Осириса — теперь он принадлежит мне! Отныне я царь Египта, царь Севера и Юга!

Распахнулась дверь. Толпа заговорщиков ворвалась в тронный зал и застыла на пороге.

— Как! Ты еще здесь? — изумился Сет, увидев Исиду. — Известно ли тебе, что произошло сегодня ночью? Осирис мертв, и я теперь царь.

Исида молча смотрела на него, и Сет, не в силах вынести ее взгляда, отвел глаза.

— Убирайся! — крикнул он. — Теперь это мой дворец!

— Придет день, и ты дорого заплатишь за свои злодеяния, — грозно проговорила Исида, с ненавистью глядя на Сета. — Где Осирис? Отвечай, что ты сделал с моим мужем?

— Твой муж умер, и я не желаю, чтобы ты нашла мертвое тело, похоронила его и воздвигла обелиск на месте погребения. Ведь тогда люди будут приходить к этому памятнику и поклоняться ему. Нет! Память об Осирисе должна быть стерта в людских сердцах. Люди скоро забудут его. Уходи, я не скажу, где искать его.

Исида встала. Злодеи расступились, освобождая ей дорогу, и богиня вышла из дворца.

И только оставшись одна, она дала волю своим чувствам и разрыдалась. Где искать Осириса? Куда идти? Сет погубил ее любимого мужа и куда-то далеко в неведомое место спрятал гроб с его телом.

Она обрезала волосы в знак своей скорби, надела траурные одежды и пошла искать Осириса по всему Египту. Она шла и горестно причитала:

Сливается небо с землею, тень на земле сегодня,
Сердце мое пылает от долгой разлуки с тобою...
О брат мой, о владыка, отошедший в край безмолвия,
Вернись же к нам в прежнем облике твоём!
Руки мои простерты приветствовать тебя!
Руки мои подняты, чтоб защищать тебя!
Сливается небо с землею,
Тень на земле сегодня,
Упало небо на землю.
О, приди ко мне!

Исида останавливала всех встречающихся на ее пути и спрашивала, не знают ли они что-нибудь об Осирисе.

И вот вскоре узнала она, что Сет положил тело Осириса в большой красивый сундук, а сундук бросил в реку. Дошла Исида до устья Нила достигла уже самого моря и в горе села на берегу. Невдалеке от нее играли дети. Она спросила их:

— Маленькие друзья мои, вы играете весь день на берегу. Ответьте, не видели ли вы саркофаг, не проплывал ли он мимо вас?

Дети обступили ее и ответили:

— Видели мы красивый и большой ящик, что плыл по реке мимо нашего города. Пока мы хотели достать его и искали лодку, ящик уплыл.

— Только это было очень давно, — добавил самый старший мальчик. Теперь его уже наверно унесло далеко в море.

Исида очень обрадовалась. Это была первая весточка об Осирисе за много дней. Желая отблагодарить ребятшек, богиня произнесла волшебное заклинание и навеки наделила всех детей вещим даром. С тех пор египтяне считают, что по крикам детей, играющих возле

храмов, можно предсказывать будущее. Для этого надо мысленно о чем-нибудь спросить богов и сразу же выйти во двор, где слышны крики ребятишек. Первое, что удастся услышать, и будет ответом.

Исида была богиней колдовства, и с помощью заклинаний она узнала, что саркофаг с телом Осириса понесло морское течение, и волна выбросила его на берег у города Библа на восточном берегу Великого Зеленого Моря.¹⁰

Волна бережно уложила сундук у самой воды под кустом вереска. Ветки его целиком закрыли гроб так, что он был совсем незаметен. И вдруг произошло чудо — куст начал быстро расти. Вскоре вереск превратился в высокое могучее дерево, ствол его окружил саркофаг и теперь саркофаг с телом Осириса был скрыт внутри ствола.

Богиня тотчас отправилась в Библ. Но когда она пришла туда, дерева уже не было. От него остался лишь уродливо торчащий пенёк. Она узнала, что царь Библа Малакандр гулял по берегу моря и увидел великолепное огромное дерево. Его прямой и гладкий ствол был так хорош, что царь приказал срубить дерево и сделать из него колонну, чтобы поддерживать крышу дворца.

— Я опоздала! Горе мне! — вскричала в отчаянии Исида, села на камень у родника и заплакала. — Никогда я не увижу своего возлюбленного супруга, не воздам ему погребальных почестей!..

— Отчего ты так убиваешься, прекрасная чужестранка? Тебя кто-то обидел? — произнес вдруг кто-то за ее спиной.

Исида обернулась. Возле родника стояли три женщины с расписными пузатыми кувшинами и дружелюбно улыбались.

— Мы служанки нашей госпожи Астарты, царицы города Библа, — сказали женщины. — А ты, видимо, пришла издалека? Сандалии твои стоптаны, одежда порвана, ноги исцарапаны терновником.

Исида приветливо отвечала:

— Да, я пришла издалека. Я здесь никого не знаю, но вижу, что люди здесь добрые и красивые. Какие у вас чудесные волосы. Дайте я причешу вас, и вы станете еще красивее, чем были.

Женщины удивились, но незнакомка смотрела так ласково и казалась такой доброй, что они согласились. Причесала их Исида своим волшебным гребнем, и волосы у них стали красивыми и блестящими.

И когда служанки вернулись домой, благоухание их волос наполнило весь дворец и удивленная царица спросила, каким образом их локоны приобрели такой изумительный запах.

— На берегу моря у родника сидит какая-то чужеземка, — ответили служанки, — она расчесала наши косы, и они стали благоухать.

Царица приказала немедленно привести Исиду во дворец, и так ей понравилась эта кроткая и добрая женщина, что царица оставила ее у себя в услужении. Она велела одеть Исиду в красивые одежды и поручила ей кормить и воспитывать своего маленького сына. Так осталась Исида жить во дворце, там, где стояла колонна, скрывающая саркофаг с телом ее убитого мужа.

Так прошло некоторое время. Исида нежно ухаживала за мальчиком, кормила его волшебным образом, давая ему сосать свои пальцы. В благодарность Астарте за ее доброту она решила сделать ее сына бессмертным. Для этого по ночам Исида зажигала огонь и опаляла им мальчика. Она произносила заклинания, и смерть, ожидающая в будущем сына царицы, должна была сгореть в священном пламени.

Богиня превращалась в ласточку и с криком летала вокруг колонны, поддерживающей крышу. Своим печальным щебетаньем она как будто хотела дать знать Осирису, что она

¹⁰ Великое Зеленое Море или Великая Зелень — египтяне так называли Средиземное море.

близко, она спасет его.

И это продолжалось до тех пор, пока однажды царица не заметила случайно необыкновенный свет в комнате сына. Царица вошла в комнату и, увидев своего мальчика в огне, закричала от ужаса — огонь сразу погас.

— Хватайте ее, злодейку! — закричала Астарта.

Прибежали на крик рабы-телохранители, бросились к Исида. Но Исида лишь посмотрела на них — и рабы тут же как подкошенные рухнули на пол. Богиня встала и повернулась к вошедшим лицом. Она произнесла волшебное заклинание и вдруг вся преобразилась на глазах у замершей толпы. Все увидели перед собой не простую служанку, а грозную богиню. От пальцев ее струился свет, а над головой золотом вспыхнул солнечный диск со змеей-уреем.

Испугались люди, попадали на колени и стали в один голос молить богиню о пощаде.

— Несчастливая! — воскликнула Исида, гневно глядя на Астарту. — Зачем ты ворвалась сюда и помешала мне!? Знай же: я — Исида, великая богиня колдовства и магии. Я хотела сделать твоего сына бессмертным, но ты своими криками разрушила чары — и исправить этого нельзя. Теперь твой сын, как и все люди, состарится и умрет... Он может умереть и раньше от болезни или несчастного случая. Плачь, рви на себе волосы, несчастная! Ты сама во всем виновата!

— Ступайте все прочь! — приказала Исида толпе слуг, и все, кто был в комнате, в одно мгновение исчезли за дверьми. Только царь Малакандр и царица Астарта остались с Исидой. Исида взяла ребенка на руки и передала его Астарте.

— Вот твой сын! Он цел и невредим.

Затем одной рукой Исида без труда вынула колонну и разломила ее пополам. Внутри колонны был сундук.

Царь и царица отпрянули в изумлении.

А Исида, едва увидев сундук, встала перед ним на колени, обняла его, прижалась лицом и закричала от горя.

И был ее крик таким громким, что младший сын царя не вынес его и умер на руках у матери.

Так судьба наказала Астарту за то, что она помешала Исида сделать царевича бессмертным.

ПОХОРОНЫ ОСИРИСА

Сундук с телом Осириса Исида отнесла в укромное место, находившееся в Дельте Нила. Забросав его ветками и прикрыв листьями пальмы, богиня отправилась к своей сестре Нефтиде.

Нефтида была женой Сета. Но после того, как всем стало известно о злодействе красногривого бога, Нефтида сбежала от него. Зная, что рассвирепевший Сет будет преследовать ее и безжалостно отомстит, если найдет, Нефтида скрылась в глухом уголке среди болот и жила там вместе с сыном — шакалоголовым богом Анубисом, втайне рожденным ею от Осириса.

К ним и направилась Исида. Она хотела вместе с сестрой оплакать убитого Осириса и с почетом его похоронить.

А в это время Сет охотился в тех местах на диких зверей. Ночь была лунная, светлая, и Сет заметил на берегу знакомый ящик. Он кинулся к нему, открыл крышку и увидел убитого брата. Даже мертвый Осирис был страшен Сету.

— Вот, оказывается, куда тебя прибили волны! — Сет не знал, что Исида нашла гроб. — Я вижу, ты до сих пор не похоронен! Но я похороню тебя по-царски, так, как никого еще не хоронили!

Он в ярости вытащил тело Осириса, разрезал его на четырнадцать кусков и разбросал их по всей египетской земле. Теперь-то уж не соберет Исида тело своего мужа и никаким колдовством она не сможет оживить его! Так вновь надругался Сет над своим братом.

Вернулась Исида вместе с Нефтидой и Анубисом к тому месту, где находился гроб.

— Здесь был Сет! — сказала Нефтида. — Смотри, сестра! Вот его следы!

Они бросились к сундуку и увидели, что он пуст. Безмерно было горе Исиды. Она лишь тихо промолвила:

— Скоро у меня родится сын. Он отомстит за смерть отца!

— Так пусть же скорей наступит этот день! — воскликнул Анубис. — А сейчас мы должны собрать тело Осириса по частям: я могу их срастить при помощи снадобий и целебных трав. Так не будем же медлить и отправимся на поиски. Пусть каждый из нас, найдя какую-либо часть, поставит в том месте надгробную плиту. Чем больше будет плит, тем потом труднее Сету будет найти настоящую могилу. К тому же эти плиты будут напоминать людям, какой добрый бог правил ими раньше и какой злодей царствует теперь. Люди перестанут приносить жертвы Сету и понесут их к надгробиям Осириса.

— Сын мой, ты изрек мудрые слова, — сказала Нефтида, — так мы и поступим.

И вновь пошли они бродить по всей стране, собирая разбросанные куски тела Осириса. В каждом месте, где они находили их, они устраивали гробницу и хоронили слепок то с руки, то с ноги, с груди, или головы. Вот почему жители разных городов — Абатона и Абидоса, Александрии и Саиса, Бусириса и Мемфиса, Филе и Коптоса, Пелузия и Навкритиса и других — спорили между собой о том, где похоронен Осирис.

Двенадцать дней продолжались поиски останков Осириса.¹¹

Анубис обошел пустыню, Нефтида — горы, Исида же в тростниковой ладье плавала по рекам и болотам. С тех пор крокодилы, живущие в воде, из уважения к богине не трогают тех, кто плавает в папирусных лодках.

И вот, когда собрали все части тела Осириса и сложили их вместе, Анубис погрузил тело покойного в благовонную смолу и пропитал его соком целебных растений, предохраняющих от тления. Он произнес заклинания, и разрозненные части срослись в тело, так, что не осталось швов. Исида завернула тело в чистые пелены, умастила благоухающим маслом. Умерший бог лежал на погребальном ложе. Это была первая на земле мумия. Именно с того дня среди людей Египта утвердился обычай мумифицировать своих покойников.

Анубис зажег волшебные факелы у входа, чтобы злейшие враги Осириса Сет и его друзья — не смогли сюда проникнуть.

А Исида рыдала над дорогим покойником, орошая его грудь горячими слезами.

О, прекрасный юноша, приди в свой дом!
Вернись ко мне поскорее!
Жажду я видеть лицо твое,
Тьма здесь предо мною,
Хоть Ра и находится в небе!
Сливается небо с землею,
Тень на земле сегодня.
Сердце мое пылает от долгой разлуки с тобою,
Сердце мое пылает, отвернулся ты от меня!

¹¹ Двенадцать дней поисков частей тела Осириса праздновались в Египте ежегодно в четвертый месяц весны как Двенадцать дней Пахоты.

А ведь ты не нашел ни разу во мне вины!
Взрыты обе Страны и спутаны дороги,
В городе без валов крепостных.
А я все ищу, желая увидеть тебя,
Рыдаю о любви твоей ко мне!
Приди! Не будь одиноким! Не будь далеким!..
Брожу я одна, блуждая в болотах,
И много злобствуют на сына твоего.
Прошла я пути, свернула за тобою,
Напрасно покинувшим меня.¹²

У изголовья стояла Нефтида: ломая руки, в отчаянии складывая их на груди, плакала она вместе с сестрой своей Исидой.

Плачем мы по владыке,
Не исчезла любовь к тебе среди нас!
О, владыка любви,
О, царь Севера, господин вечности,
Вернись к жизни.
О, владыка, отошедший в край безмолвия!
Вернись же к нам в прежнем образе твоём!

Вместе с двумя сестрами горевали духи гор, полей и городов. Услыхав причитания Исиды и Нефтиды, они слетелись к погребальному ложу и стали танцевать танец печали. Они ударяли в ладоши, избивали плетками свои тела и рвали на себе волосы.

Приближается Исида,
Приближается Нефтида,
Одна — справа,
Другая — слева.
Нашли они Осириса...
Спешите, спешите!
Плачь о брате твоём, Исида!
Плачь о брате твоём, Нефтида!
Плачь о брате твоём!¹³

Так велика была скорбь Исиды, что услышал Осирис плач жены своей, и начала пробуждаться в нем жизнь. Но не мог он совсем воскреснуть, так как жил еще на земле его обидчик Сет, не отомщено было зло, которое он причинил Осирису.

Четырнадцать надгробных плит установили Исида и Нефтида в Египте. И сбылись слова Анубиса: люди стали поклоняться этим надгробиям. Напрасно надеялся Сет, что египтяне, забыв Осириса, будут почитать лишь его одного. Люди помнили доброго царя, рассказывали о нем и всей душой ненавидели убийцу. Жители многих городов (там, где стояли плиты) спорили о том, где же находится настоящее захоронение — то, в котором находится мумия Осириса, но не могли прийти к соглашению. Не знал об этом и Сет и не мог, пока еще царская власть была у него, разрушить могилу.

Прошло время. И у Исиды родился сын. Богиня назвала его Гором.¹⁴ И когда Гор

¹² Перевод Р. И. Рубинштейн.

¹³ Перевод М. Э. Матье.

вырос, он отомстил Сету за смерть отца и восстановил справедливость, став царем всей страны.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ГОРА

Расправился Сет с Осирисом и воцарился в земле Египта. И было его царствование недобрым для страны. Он не любил людей, а люди помнили об Осирисе и не приносили Сету жертв.

Но вот вскоре у Исида родился сын — сын царя Осириса. Богиня назвала его Гором.

В тайне ото всех Исида растила малыша и с нетерпением ждала того дня, когда он окрепнет, возмужает и сделается непобедимым богатырем. Тогда отомстит он Сету за убийство отца и сядет на престол Та-Кемет. Никто другой из богов и людей не решался оспаривать трон у могущественного Сета.

Не знала Исида, что ей делать, как уберечь сына. Но вот однажды пришел к ней бог Тот и передал слова солнечного бога Ра:

— Иди, о божественная Исида, в Дельту, укройся со своим сыном от козней Сета, не оставит он в покое твое дитя! А когда вырастет Гор, станет мужественным и окрепнет его тело, ты сможешь вернуть ему царский трон, и станет он владыкой Обеих Земель.

¹⁴ Не следует путать Гора — сына Исида с Гором Старшим сыном Нут, рожденным во второй день перед Новым годом (после Осириса), — хотя египтяне часто объединяли этих богов, считая Гора Младшего воплощением Гора Старшего. Обычно, в современной литературе, когда речь идет именно о Горе-младенце, то его называют Хароерис или греческим именем — Гарпократ.

Собралась в путь Исида, и темной ночью ушла тайком из дому. Никто не видел, как шла она своим путем, никто не узнал богини в бедно одетой женщине с ребенком на руках.

Так достигла она болот дельты Нила, и рыбаки перевезли ее на остров. На острове рос густой тростник-папирус и укрывал всякого, кто был там. Построила Исида шалаш из тростника. В нем кормила и воспитывала она своего сына.

Но однажды едва не настигла Гора беда. Опасно было для него знойное дыхание пустыни; подул страшный ветер Хамсин, ветер Сета, жар проник в заросли, и пламя охватило Гора.

— О горе, горе, — закричала Нефтида, — позовите Исиду!

Крик ее был так силен, что он разбудил Геба:

— Зачем ты кричишь? Зачем зовешь?

— Пламя накинлось на этого ребенка!

— Пусть отнесут мальчика к его матери, и она спасет его!

Прибежала Исида и потушила огонь молоком своей груди. Так вновь спасла богиня сына.

Прошло некоторое время, и как-то снова ушла Исида с острова далеко в город за едой, а Гор остался один играть рядом с шалашом. Весело резвился ребенок, как вдруг наступил на скорпиона. Ужалил скорпион Гора, и стало покидать его дыхание жизни.

А Исида, ничего не зная, шла домой. Но когда она вернулась, страшная картина предстала перед ней: ее Гор, ее золотой прекрасный младенец, лежал неподвижно на своем ложе, глаза его были наполнены слезами, руки опущены вниз, лицо искажено от страданий, а сердце почти перестало биться.

Бросилась Исида к ребенку и крикнула:

— Вот я! Сейчас я исцелю тебя! — и дала ему грудь. Но от волнения пропало у нее молоко, а Гор хотел есть, но ничего не было у матери.

Ужас охватил Исиду. Какой враг сделал зло ее сыну? Кто придет ей на помощь? Любимый муж в гробу, сраженный врагами, убитый тем, кто замышляет зло против ее младенца. Кто же придет к ней на помощь?

И закричала от нового горя Исида, и дошел ее крик до неба, и услышали его боги. Повелел Ра богам исцелить Гора. Явилась богиня-владычица болот и стала успокаивать Исиду:

— Не бойся, не волнуйся за сына. Заросли тростника непроходимы смерть не пройдет через них; не сможет Сет войти сюда и настигнуть Гора. Ищи настоящую причину болезни; ребенка, вероятно, укусила змея или скорпион!

Тогда Исида наклонилась к ребенку, открыла его ротик и слушала его слабое дыхание. И узнала она болезнь своего божественного ребенка — он ужален скорпионом.

Заметалась Исида с Гором на руках, как рыба, брошенная на жаровню:

Ужален Гор! Ужален невинный младенец, сирота, отец которого убит врагами! Ужален сын мой, которого я лелеяла, которого я растила, как мстителя за отца!

А мальчик плакал и кричал от боли, и никого не было, кто бы мог ему помочь.

Тогда остановилась Солнечная Ладья, встало солнце и мрак спустился на землю.

Спустился из Ладьи к Исиде посланец богов, мудрый Тот.

— Я пришел к тебе из Солнечной Ладьи. Знай, что Ра ведает о твоём несчастье и пока не выздоровеет Гор, солнце не сдвинется с места — не рассеется тьма, не будет света!

Так сказал Тот, но Исида не могла больше видеть страданий своего ребенка.

— Что ты медлишь, Тот, — закричала она. — Ведь ты можешь исцелить дитя. Смотри, как мучительны его страдания от яда скорпиона! Он умрет, и тогда наступит мой конец! О, Гор! Гор! Останься на земле, — в отчаянии рыдала она, прижимая младенца к груди, и Нефтида — ее сестра — печально стояла рядом.

— Не бойся, не бойся, богиня Исида! Не плачь, Нефтида! Знаю я заклятие против яда, знаю слова, что изгонят смерть, — успокоил сестер Тот.

И произнес Тот над ребенком волшебное заклинание, сказал тайные слова, чтобы

изгнать из его тела змеиный яд:

— Пробудись, Гор, защита твоя крепка! Обрадуй сердце своей матери! Ликуйте вы, находящиеся в небе, и ты, Гор, защитник своего отца! Удались же, яд! Будет бродить дух тьмы, не будет он видеть во мраке, пока не исцелится Гор для матери своей Исиды! Выйди же на землю, о яд, и обрадуются все сердца, когда разольется свет солнца!

Так говорил Тот, и по мере того, как он произносил заклинания, яд выходил из тела Гора, и ребенок стал оживать. И когда было окончено заклинание, исцеленный Гор снова стал весел и здоров.

— Яд умер! Погашено его пламя, пронзавшее сына Исиды. Идите в свои дома. Жив Гор для своей матери! — облегченно сказал Тот.

Когда Гор выздоровел, обратился Тот ко всем жителям Та-Кемет:

— Слушайте меня! Слушайте все и помните: все должны беречь Гора, заботиться о нем и спасать его. Гор — сын фараона Обеих Земель, да будет он жив, здоров и благополучен. И придет время ему стать царем и править людьми! Если же вы не будете делать этого, то земля не станет рождать, и придет голод, воцарятся мрак и запустение.¹⁵

И снова Небесная Ладья возобновила свой ход, засияло солнце и рассеялся мрак.

Прошло время. Гор — сын Исиды вырос и стал красивым юношей. Окрепло его тело, и достиг он большой силы.

Сет же узнал о сыне Исиды и помышлял о том, чтобы убить его.

И вот вышел Гор против Сета, открыто вызвал он его на бой.

Но неостало сил у юноши, слишком могуч был его враг. Сет вырвал у Гора глаз, упал Гор, и изрубил Сет поверженного на мелкие кусочки. На шестьдесят четыре части разрубил он Гора и разбросал их по всей земле.

На помощь Гору пришел бог Тот. Собрал он все части воедино, срастил их, и вот снова ожил Гор, только нет глаза у него.

— Вот тебе твой глаз. Ступай с ним к могиле Осириса и дай мумии отца твоего глаз. Проглотит мумия глаз и обнимешь ты отца своего, ибо будет отец твой жив, — сказал Тот юноше.

Гор так и поступил. Мумия проглотила глаз, ожил Осирис, и обнял отца своего Гор. Вот что произошло по колдовству Тота.

Воскрес Осирис, но не вернулся на землю, где правил красногривый Сет. Он удалился в Загробный Мир и стал там царем и судьей над всеми умершими.

Тогда пришел к отцу юный Гор и сказал ему:

— Я пришел, чтобы увидеть моего отца Осириса! Я отомщу Сету за злодеяние, за муки, которые он причинил тебе, за страдания матери моей Исиды.

— Сын мой! Ты проиграл первый бой с Сетом. Готов ли ты вновь встретиться с ним? Подумай: Сет могуч. Знаешь ли ты, как с ним сражаться?

— Я готов с ним биться! — отвечал Гор, не задумываясь.

— Ответь мне, какой из поступков ты считаешь самым благородным?

Отвечал Гор:

— Помочь тому, кто пострадал невинно.

Осирис понял, что сын его справедлив и добр. И спросил его вновь:

— Какое животное более всего может пригодиться воинам в бою?

— Больше всего пользы в сражении от коня, — сказал Гор.

И удивился Осирис, ведь самое могучее животное — это лев.

— Лев полезен тому, кто защищается, конь же преследует убегающего. Я собираюсь нападать в бою, а не защищаться!

Так ответил отцу Гор, и обрадовался Осирис. Увидел он, что силен его сын, храбр и

¹⁵ Египетские фараоны считались «земными воплощениями» Гора. Эти слова Тота, обращенные к египтянам, говорят им: если люди не будут заботиться о фараоне, боги в наказание обрушат на них смертоносные бедствия — засуху и голод.

готов к сражению.

И пошел Гор искать Сета, чтобы сразиться с ним и отомстить за отца.

СПОР ГОРА И СЕТА

Вырос Гор, стал сильным, храбрым юношей, могущественным богом.

Часто любил он спрашивать мать об отце, о его жизни и смерти. И вот наступило время исполнить Гору свой сыновний долг — отомстить за отца. Никто не был страшен молодому сильному богу, и он отправился искать своего противника, убийцу отца — коварного Сета. Все любили Гора, и в этой любви была его сила.

— Я иду искать Сета, — сказал он матери, — я могуч, потому что все люди любят меня, и сердце мое спокойно. Пусть же трепещет сердце Сета! Я иду искать тебя, злодей, и как только ты будешь найден мною, я убью тебя.

Поднялся Гор вверх по Нилу, дошел до Сиута, и там нашел он Сета. Встретились противники, и начался между ними жестокий бой. Десять дней шла борьба между дядей и племянником, не могли они одолеть друг друга.

Вот уже, кажется, Сет начинает побеждать, слабеет Гор, но Исида своим колдовством вливает в Гора новые силы:

— Я говорю тебе, я — твоя мать Исида, ты победи свою слабость!

И с новым ожесточением вступает Гор в поединок. Падает духом Сет, но его помощники демоны поддерживают в нем бодрость.

Вот изловчился Сет, кинул острый камень и попал Гору прямо в глаз. Закачался Гор, и Сет вырвал глаз у юноши. С криком бросился Гор на Сета, нанес ему тяжкие раны и сломал ему бедро. Обессилел Сет от ран и от борьбы, и Гор крепко связал его толстыми веревками.¹⁶

Исида позвала бога-врачевателя Тота и с его помощью залечила Гору раны его, и он снова стал видеть, как прежде. Взял Гор свой вырванный глаз, чтобы отдать его отцу; пошел он к Осирису и повел с собой связанного Сета.

Пришел Гор к отцу со своим пленником. Взял он за руку Сета и подошел с ним к неподвижно лежащему Осирису.

— Встань! Проснись! Взгляни на твоего сына, посмотри, что он сделал для тебя! Он поразил твоего убийцу, он привел к тебе связанного Сета.

Гор снял сандалию с ноги отца, поставил ее на голову Сета в знак того, что он отдает Сета в подчинение отцу. И задрожал Сет под сандалией брата, страшна была ему власть Осириса.

Потом Гор открыл Осирису рот и положил в него свой вырванный глаз, говоря:

— Отец, вот я пришел к тебе! Я Гор, сын твой. Я отдаю тебе свой глаз, в нем твоя душа, твоя сила.

Осирис проглотил глаз и жизнь начала трепетать в нем. Он открыл глаза, вытянул руки, стер песок с лица своего. Потом приподнялся Осирис на левом боку, повернулся на правую сторону и овладел своим телом. Встал Осирис, проснулся, пробудился усопший бог. Ожил он и стал снова могучим и сильным, каким был прежде.

Ликут все люди, радуются боги. Торжествуют Исида и Нефтида, обнимает Гор любимого отца.

Отдал Осирис свой трон Гору, своему сыну и наследнику, победившему врага его.

И стал Гор царем Египта. Радовалась вся земля. Зло исчезло, и правда утвердилась в стране.

¹⁶ По другой версии, первый бой с Сетом Гор проиграл. Сет убил его и разрезал на шестьдесят четыре кусочка. Только после того, как бог Тот срастил все части и оживил Гора, ему удалось взять верх над убийцей своего отца.

А Осирис удалился в подземное царство и стал царем вечности, судьей над всеми умершими.

Но не сложил Сет своего оружия. Не сумел он погубить Гора в детстве, не одолел он юношу Гора в открытом бою, и задумал Сет обвинить Гора перед богами, сказать, что неправильно занял Гор отцовский престол. Ведь не сыну, а ему, брату, к тому же старшему возрастом, принадлежит наследство, и он, Сет, после Осириса должен править Египтом.

Обратился Сет к богам с просьбой рассудить его с Гором. «Незаконно занял Гор царский трон, — говорил он. — Я должен получить царский сан и править страной после Осириса».

Собрались боги на суд в Золотом Чертоге, чтобы решить спор Сета и Гора. Пришли оба противника в зал суда и сели перед владыкой всего мира, перед богом Ра. Здесь же находились бог мудрости Тот, бог воздуха Шу, богиня влаги Тефнут и другие — вся Великая Девятка собралась, чтобы рассудить спор богов.

— Владыка, — промолвил Тот, — мы должны решить, кто будет царем Севера и Юга.

— Справедливость — великая сила! — произнес Шу. — Сотвори же справедливость, великий Ра! Отдай достойному жезл и корону фараона.

Юный Гор, еще совсем ребенок в сравнении с Сетом, смело обратился к богам и потребовал отдать ему наследство после отца — право быть царем Египта.

— Это миллион раз истинно! — сказал Тот судьям. И решили боги, что Гор, верный сын, отомстивший за смерть отца и отдавший ему свой глаз, должен стать царем, и хотели одеть боги корону на голову Гора.

Обрадовалась Исида приговору богов и радостно воскликнула:

— Северный ветер, лети на Запад и обрадуй сердце Осириса — да будет он жив, невредим, здрав!

Однако ее радость была преждевременна — поднялся вдруг солнечный бог Ра и произнес:

— Почему это вы судите и выносите приговор, не спросив, что думаю я? Власть надо отдать Сету. Гор слишком молод, чтобы быть царем. Неверно отдавать царство сыну умершего царя, когда жив еще брат покойного.

Обрадовался Сет. Он даже не пытался скрыть свое торжество и начал восхвалять себя:

— Я Сет — могучий, самый сильный среди богов. Каждый день я убиваю врагов Ра. Никто из богов не сможет сделать этого. И я возьму трон Осириса!

Но тут выступил Гор с гневной речью:

— Нехорошо так поступать со мною. Нельзя отнимать у сына корону и царство отца!

Начался спор между богами. Одни боги считали, что надо сделать Сета царем, другие находили, что Гор прав. В волнении стояла Исида, ожидая решения суда, а Сет, чувствуя, что боги готовы уступить Гору, в злобе стал угрожать им:

— Вот схвачу я свою тяжелую палицу и буду убивать каждый день по одному богу. Власть — это удел сильных! Чем сильнее царь, тем могущественней страна.

— Нет! — возразил бог мудрости Тот. — Часто сила служит беззаконию. Перед судом прав не тот, кто сильнее, а тот, на чьей стороне справедливость. А по справедливости, как издавна установлено в мире, имущество отца всегда наследует сын. Гор должен унаследовать трон Осириса, титул и корону царя.

Тогда решили боги устроить состязание между Гором и Сетом, пусть победителю достанется царство Осириса.

Но Сет боялся, что Исида своим колдовством поможет Гору, поэтому было решено переправится обоим противникам и девятерым богам на уединенный остров Срединный, и там решать спор. Анти — лодочнику на переправе — был дан строгий приказ не перевозить на остров ни одной женщины, похожей на Исиду.

Боги переправились на остров. Распря и спор всех утомили, поэтому они решили отдохнуть и устроили пир в пальмовой роще.

Но Исида перехитрила Сета и всех богов. Она обратилась в старуху и подошла,

согнувшись, к перевозчику Анти, когда он сидел в своей лодке.

— Доставь меня на остров Срединный, — попросила она, — я везу еду юноше пастуху; он караулит там стадо, и вот уже пять дней, как он голодает!¹⁷

Отказался Анти выполнить ее просьбу.

— Велено мне: не перевози никакой женщины, похожей на Исиду.

— То, что тебе велели, относится к Исиде. А я — старуха, разве похожа я на нее?

— Ты права, — сказал лодочник, глядя на старую женщину. — А что ты дашь, если я перевезу тебя?

— Возьми этот хлеб!

— Вот еще, что мне в твоём хлебе? Стану я нарушать приказ ради него. Ведь мне сказано «не перевози никакой женщины».

Тогда Исиды сняла золотое кольцо с пальца и протянула его перевозчику:

— Вот возьми мое кольцо, оно золотое.

Жадно посмотрел Анти на золото и взял кольцо. После этого он усадил Исиду в лодку и перевез на остров.

И когда она, выйдя из лодки, шла по острову, увидела она издали пирующих богов и сидящего вместе с ними Сета. И вот захмелели боги. Тогда Исиды произнесла заклинание и превратилась в молодую девушку, прекраснее которой не было на свете. В таком виде она приблизилась к богам.

Сет взглянул на нее со своего места и сразу же влюбился в нее, так она была прекрасна. Он встал из-за стола и пошел ей навстречу. Потом спрятался за дерево и подождал, когда она пройдет мимо. Когда Исиды поравнялась с ним, он тихонько окликнул ее:

— Я тут стою, прекрасная девушка!

Но девушка-Исиды отшатнулась от него:

— Не зови меня, великий господин! Я была женою пастуха, и у нас родился сын. Муж мой умер, и сын взял скот своего отца. Но вот пришел чужой человек, вошел в мой дом, прогнал сына и отнял у него скот. Я прошу тебя, вступишь за моего сына, верни ему наследство. Сет возмутился:

— Неужели будет отдан скот чужому человеку, когда остался сын хозяина? Злодея, захватившего скот силой,¹⁸ надо побить палкой и прогнать.

Тогда Исиды превратилась в коршуна, взлетела на верхушку акации и сказала оттуда Сету:

— Оплакивай себя! Твои собственные уста сказали, и твой разум осудил тебя!

Заплакал от злости Сет и пошел к великому Ра — жаловаться на Исиду, как она, приняв образ красавицы, коварно обманула его.

— Что же ты ответил Исиде? — спросил Ра.

— Я сказал ей — пусть чужого человека побьют палкой, прогонят его, а сына поставят на место отца.

— Что же теперь делать, — вздохнул Ра, — ведь ты сам осудил себя!

Потом Ра велел привести перевозчика Анти и строго наказать его палочными ударами по подошвам за то, что он нарушил повеление богов и перевез на остров Исиду. С тех пор Анти проклинал золото, на которое он польстился. Поэтому в городах и селениях Египта, где поклоняются Анти, на золото наложен запрет.

Но и тут не успокоился Сет. Он подошел к Гору и сказал ему:

— Неужели ты боишься состязаться со мной? Давай превратимся в двух гиппопотамов

¹⁷ Здесь игра слов. Стадо по-древнеегипетски произносится как «иаут», и это слово означает одновременно «сан-титул». Поэтому Исиду нельзя обвинить во лжи, так как перед Анти она утверждает, что хочет проехать на остров, чтобы помочь юноше, защищающему свой сан.

¹⁸ Сет, в свою очередь, не замечает двусмысленности фразы: он имеет в виду «скот», а получается, что вслух он произносит «сан».

и нырнем в глубину Великой Зелени. Кто вынырнет до истечения трех месяцев с этого дня, тот не получит сана.

И стали состязаться Сет и Гор. Обернулись они оба гиппопотамами и бросились в море. Но и тут Гор одолел Сета. Сет не выдержал трех месяцев под водой. Вынырнул он из воды и спрятался в тростнике от взоров подальше. По истечении трех месяцев вынырнул Гор и ненадолго прилег отдохнуть под тенистым деревом.

Увидел Сет, что Гор обессиленный отдыхает под деревом, тихо подкрался к спящему и вырвал ему оба глаза из глазниц. Вырванные глаза он закопал на горе. Глаза Гора в земле обернулись луковицами и проросли потом цветами лотоса.

Сет затем пришел к Ра и сказал:

— Я вынырнул из моря и не нашел нигде Гора. Он не выдержал испытания и где-то прячется на берегу.

Тогда богиня Хатхор пошла на поиски, и нашла она под деревом ослепленного Гора. Хатхор поймала газель, подоила ее, и, велев Гору открыть незрячие глаза, влила в них свежее молоко, и зрение вернулось Гору, снова стал он здоровым.

Тогда Хатхор привела его к Ра и сказала:

— Вот я привела к тебе Гора. Сет ослепил его, но я вернула ему зрение!

Разгневался Ра на Сета и повелел прекратить вражду.

И крикнул Сет:

— Не будет сана царя Гору, пока ему не прикажут состязаться со мной. Мы построим каменные ладьи и оба поплывем наперегонки. Тому, кто одолеет соперника, будет дан сан Владыки, — да будет он жив, невредим и здоров!

— Я согласен, — отвечал Гор. — Но это состязание будет последним!

Состязание было назначено на следующий день. Сет пошел в горы, отколол дубиной вершину скалы и вытесал из нее громадную ладью. Была она 138 локтей длины.¹⁹

А сын Исиды построил себе ладью из кедрового дерева и обмазал ее сверху гипсом. С виду его лодка тоже казалась сделанной из камня.

Наступил день состязания. Соперники уселись каждый в свою лодку и по команде взмахнули веслами. Лодка Гора легко заскользила по воде. Ладья же глупого Сета, едва отчалив от берега, сразу же с бульканьем ушла под воду.

Разъярился Сет, превратился он в гиппопотама и бросился за лодкой Гора.

— Я убью тебя! — хрипел он. — Никогда, никогда не быть тебе царем! Я переверну твою лодку и утоплю тебя!

Боги, наблюдавшие за состязанием с берега, переполошились. Один только Гор не проявлял ни малейших признаков волнения. С невозмутимым лицом он стоял в ладье и поджидал подплывающего Сета. И вот Гор поднял руку, и все увидели у него в руке блестящий медный гарпун.

В ужас пришел гиппопотам-Сет, и глаза его округлились от страха.

— Пощади меня. Гор! — закричал он. — Великий Ра, спаси меня! Я проиграл состязание, я сдаюсь и больше никогда не буду оспаривать у Гора власть!

Но никто на берегу не двинулся с места. Все смотрели на Ра, что скажет он.

— Пощади его, не бросай гарпун, — сказал Ра. — Пощади своего соперника, Гор. Ты — царь Египта! Ликуйте же, боги! — добавил он. — Ликуйте и падите ниц перед новым властелином!

Признал Сет свое поражение и сказал:

— Ты, могучий Гор, достоин быть царем Обеих Земель!

Связал Гор Сета веревками и привел к матери своей Исиде.

— Вот, Исиде, враг твой. Исполнилось предсказание, я победил Сета и отомстил за смерть отца. Скажи слово, и я убью его.

¹⁹ Локоть — древнеегипетская мера длины, около 52,3 см.

Исида посмотрела на связанного Сета, и стало ей его жалко, ведь он ее брат. Не велела Исида убивать Сета и отпустила его с миром.

Узнал об этом Гор и рассердился на Исиду. Возмущенный, он схватил мать и сорвал с ее головы царский венец — недостойна быть царицей та, кто дает пощаду своим врагам. Однако Тот надел на нее вместо венца корону в виде коровьих рогов. С тех пор Исиду часто изображают в головном уборе с коровьими рогами, между которыми Солнечный диск.

Надели на Гора царскую корону и сказали ему боги:

— Ты — великий царь Египта, царь всей земли!

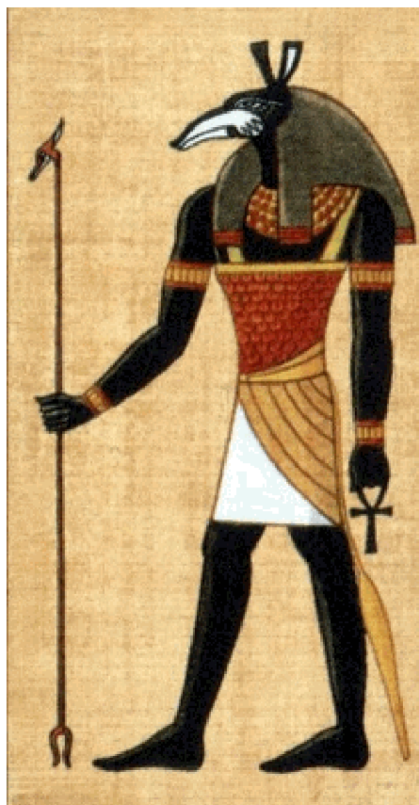
Так Гор одержал окончательную победу в споре и получил трон отца своего Осириса.

Обрадовался Ра, что окончилась тяжба. Сета, чтобы утешить его, взял Ра к себе, посадил рядом и велел ему грохотать с небес, чтобы люди боялись и поклонялись могуществу богов, обитающих на небе.

Все боги были рады, земля ликовала, когда увидели они юного Гора, сына Осириса, царем Египта.

Сын Исиды был последним из богов, царствовавших на земле. Проществовав много лет, он вознесся на небо, присоединился к свите Ра в его Небесной Ладье и вместе с другими богами стал защищать солнце от демонов и гигантского змея Апопа.

С уходом Гора на небо кончился золотой век. Земная власть перешла к фараонам. И с тех пор каждый фараон Та-Кемет считался «земным воплощением Гора».

К БОГИНЕ²⁰

О ты, шагающая так широко,
Сеющая смарагды, малахит и бирюзу, словно звезды,

²⁰ Стихи Древнего Египта в переводе Анны Ахматовой. Из книги «Поэзия и проза Древнего Востока» (Библиотека всемирной литературы. Изд. «Художественная литература», М. 1973).

Когда цветешь ты, цвету и я.
Цвету, подобно живому растению.

К УТРЕННЕМУ СОЛНЦУ

Золотая появляется на судне Солнца,
Ра любит ее.
Дневное судно могуче,
Ра любит ее.
Твоя сила достигает Средиземного моря,
Ра любит ее.
Ра вышел, чтоб узреть красоту ее,
Ра любит ее.

ПЕСНЬ СЕМИ ХАТХОР

Мерные наши удары — для тебя,
Мы пляшем для величества твоего,
До высот неба
Мы воздаем хвалу тебе.
Ведь ты владычица скипетров,
Владычица ожерелья и систра,
Владычица музыки,
Которая звучит для тебя.
Мы воздаем хвалу величеству твоему каждый день,
С вечера до той поры, когда заря встает над землей,
Мы ликуем пред ликом твоим, повелительница Дендера,
Мы чествуем тебя песнопеньями.
Ведь ты владычица ликованья, повелительница пляски,
Ты владычица музыки, повелительница игры на арфе,
Ты владычица хороводов, повелительница плетенья венков,
Ты владычица благовоний, повелительница танцев.
Мы славим величество твое,
Мы воздаем хвалу тебе,
Мы возносим твою славу
Над всеми богами и богинями.
Ведь ты владычица гимнов,
Повелительница книг,
Великая обладательница знаний,
Хозяйка дома писцов.
Мы радуемся величеству твоему каждый день,
Сердце твое ликует, когда внимаешь ты нашим песням,
Мы радуемся, глядя на тебя каждый день, каждый день,
И наши сердца ликуют при виде тебя.
Ты владычица венков, повелительница хороводов,
Владычица беспредельного опьянения,
Мы ликуем перед тобой, мы играем тебе,
И твое сердце радуется тому, что свершаем мы для тебя.

ПЛАЧ ИСИДЫ ПО ОСИРИСУ

Я — женщина, прекрасная для своего мужа,
Жена твоя, Сестра твоя,
Приди ко мне скорее!
Потому что я жажду узреть тебя
После того, как не видела лица твоего.
Тьма вокруг нас, хотя Ра в небесах.
Небо смешалось с землей. Тень легла на землю.
Сердце мое горит от злой разлуки,
Сердце мое горит, потому что стеною отгородился ты от меня,
Хотя не было зла во мне.
Оба наши города разрушены, перепутались дороги.
Я ищу тебя, потому что жажду видеть тебя.
Я в городе, в котором нету защитной стены.
Я тоскую по твоей любви ко мне.
Приходи! Не оставайся там один! Не будь так далек от меня!
Гляди, сын твой Гор гонит Сета к месту казни.
Я спряталась в камышах и спрятала твоего сына,
Чтобы отомстить за тебя.
Потому что так плохо пребывать вдали от тебя
И невыносимо для плоти твоей.

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

1

О, торопись к Сестре,
Подобно посланцу,
Вестей которого в нетерпении ждет царь,
Потому что он желает узнать их как можно скорее.
Для него запряжены все упряжки,
Для него приготовлены лошади,
Всюду, где он находится, закладывают для него колесницы,
Он не должен отдыхать в дороге.
Кто достигает дома Сестры,
Сердце того начинает ликовать.

2

Ах, если бы ты примчался ко мне,
Как царский конь,
Выбранный из тысячи упряжек,
Украшение царских конюшен.
Его кормят отборным зерном,
Хозяин узнает его поступь;

Когда он слышит свист хлыста,
Его нельзя удержать.
Лучший возница
Не может обогнать его.
Сердце Сестры знает,
Когда он недалеко от нее.

3

Ах, если бы ты устремился к Сестре,
Подобно газели, мчащейся через пустыню,
Ноги ее устали, тело ослабело,
Всю ее охватил страх.
Охотники гонятся за ней, собаки окружили ее,
Она не видна в облаке пыли,
Место отдыха — только помеха в ее бегстве,
А река стелется дорогой перед ней.
Пусть ты достигнешь ее обиталища
Быстрее, чем твою руку четырежды поцелуют.
Потому что Золотая так велела, друг мой.

ВОСХВАЛЕНИЕ НИЛА

1

Слава тебе, Хапи!
Ты пришел в эту землю,
Явился, чтоб оживить Египет.
Бег его таится, подобно мраку
Среди дня, когда слуги его воздают хвалу ему.
Он орошает поля, созданные Ра,
Чтобы дать жизнь каждой козе;
Он поит и пустыню и сушь,
Ведь это его роса падает с неба;
Он любит землю,
Он правит Непра,
Он дарует процветание ремеслам Пта.

2

Владыка рыб, повелевающий им подниматься к порогам,
Нет птиц, кружащихся над теми,
Кто сеет зерно и собирает полбу.
Когда же пальцы его пребывают в лени, а ноздри закупорены,
Нищают все люди.
Когда случается так, скудеет небо богов
И гибнут люди целыми народами.

3

Когда случается самое страшное, вся земля в бедствии,
Гибнут и большие и малые.
Но собираются в толпы люди при приближении его.
Когда Хнум сотворил его,
Когда появляется он — и земля ликует,
Всякая тварь радуется,
Каждый позвонок хохочет,
И все зубы обнажаются в смехе.

4

Приносящий пищу, богатый едою,
Творящий прекрасное.
Владыка силы, благоуханный,
Тот, кому радуются,
Кто родит траву стадам,
Кто сердцем помнит о жертвах богу,
Пребывающему под его покровительством,
Где бы ни был он: в преисподней, в небесах или на земле,
Он держит в своей власти Обе Земли,
Он наполняет житницы, и насыпает груды зерна,
И отдает добро беднякам.

5

Одаряющий деревья цветением,
Рождающий деревья в изобилие
Для всех, кто желает их видеть.
Строящий суда своей мощью,
Возлагающий на статуи белый венец
Без стараний каменотесов.
Незримый,
Он не держит слуг и сборщиков налогов.
Тайны сути его — непостижимы,
Никто не знает места, откуда он,
И, читая писания, не найти его пещеры.

6

Нет таких житниц, чтоб вместили твои дары,
Никому не надо повелевать твоим сердцем.
Тебе радуются юноши твои и дети твои.
Тебе воздают почести, как царю.
Законы при тебе непоколебимы.
Ты выходишь у Верхнего и у Нижнего Египта.
Каждый пьет очами воду твою.

Всем сердцем стремишься ты умножать прекрасное.

7

Когда о тебе возвещает глашатай,
Радость выходит наружу, каждое сердце веселится.
Крокодилы беременны, у Нейт начинаются роды.
Все твои десять богов Гелиополя — прекрасны.
Всходы на полях подобны излишкам чревоугодия.
Урожай делает людей сильными,
Одного насыщает, другого услаждает,
И нет между ними спора,
Готовящий дары кому-то, кого нет с ним рядом.
Люди ставят ему границы.

8

Все освещающий, выходящий из мрака,
Тучность стад своих,
Мощь, творящая все.
Нет среди живущих никого, кто бы не знал его.
Одаряющий людей, чтобы они выполняли его намерения,
Сердцем обращенный к работе на поле.
И вечером ласкающий свои поля.
Друг Пта,
Трудящийся с ним вместе,
Творец божественных писаний
И всего в Нижнем Египте.

9

Тыходишь с журчащей речью в середину земли,
Желанный, расстающийся с тайной.
Когда ты гневаешься, исчезает рыба,
Тогда ждут люди большой воды,
Тогда богатый подобен бедняку.
Тогда заметен всякий, идущий на поля с орудиями,
И нет друга, оставшегося ради друзей.
Нет тканей, чтобы одеться.
Нет украшений для детей из знатных семей.
Нет никого, ночью слышащего воду.
И нет в речах желанной прохлады.
Все люди умащивают кожу
На радости, что начинается половодье.

10

Утверждающий истину, которой алчут люди,

В изреченье: «Пребывай в готовности до тех пор,
Пока тебе ответят».
Тогда ответит о Ниле Великое Зеленое море.
Знатные следуют за бедняками,
Непра правит живущими,
Ему воздают хвалу боги.
Нет птиц, слетающихся из пустыни.
Руки твои помнят золото,
Когда льют серебро в формы.
Никто не ест лазурит,
Когда созревает зерно.

11

Для тебя звучит арфа,
Тебе рукоплещут.
Юноши твои и дети твои радуются тебе
И достойно воздают тебе, когда наступает урожай.
Когда приносит он ценности,
Земля украшается.
Суда его несут людям прибыль,
Он, дающий жизнь сердцам беременных,
Любящий бесконечные стада свои.

12

Когда вступаешь ты в город,
Торжествует владелец прекрасных вещей,
Бедняк говорит: «О, если бы был у меня лотос!»
Все на земле едино.
Все травы отданы детям его.
Если же вкушающие пищу забывают его
Довольство покидает дома
И земля впадает в бедствие.

13

Когда прибываешь ты, о Хапи,
Тебе приносят жертвы,
Приводят быков на закланье,
Откармливают птиц для тебя,
Ловят для тебя львов в пустыне,
Дарят тебе прекрасные вещи.
И так же, как приносят жертвы Хапи,
Приносят их каждому богу:
Небесные благовония, быки, скот,
Птицы, огонь.
Хапи прорыл пещеры в Фивах,
Но имя его неизвестно в преисподней.

Взывают люди к богам
 Из страха перед могуществом Владыки всего земного
 Моля о процветании для обоих берегов.
 Процветай же, процветай же, Хапи.
 Процветай же,
 Дарами полей
 Оживляющий людей и скот.
 Процветай же, процветай же, Хапи,
 Процветай, процветай, ты, прекрасный дарами.
 Доведено до конца благополучно в мире
 Трудами писца обоих домов серебра Кагабу.

СКАЗКИ

ФАРАОН И ВОЛШЕБНИКИ

В сказках, как и в мифах, говорится об Осирисе, Горе и других богах. Но сказка и миф — совсем не одно и то же. Мифы — это сказания о богах. Мифы сложили люди, которые сами верили в то, что рассказывалось в них. Рождение и смерть богов, их чудесное возвращение к жизни, битвы и подвиги богов все это, как верили люди, происходило в действительности. Никто не смел усомниться в существовании грозных и могучих богов. И рассказы об их жизни и волшебных деяниях считались подлинной, настоящей правдой.

Иное дело — сказка. Она — вымысел, выдумка. И те, кто ее рассказывал, и те, кто, затаив дыхание, слушали необыкновенную повесть о чудесных приключениях героев, знали, что многое из этого — неправда, фантазия. Египтяне чтили богов Осириса, Исиду и Гора, трепетали перед злобным Сетом, но знали, что никогда не было на свете ни Баты, ни Анупа, ни Правды и Кривды.

Как и в мифе, всегда в сказке действуют волшебные силы; с героями происходят удивительные, чудесные приключения. В сказке совершаются смелые подвиги, сбываются предсказания по воле могучих богов. Но в сказке часто, почти всегда, народ выражал веру в добро и правду в лучшее будущее, в победу справедливого дела.

В других странах царей называли царями. В одном лишь Египте называли их фараонами. А все оттого, что жили египетские цари в огромном дворце. Другого такого в те времена не было в целом мире. Каменных статуй стояло там больше, чем в войске иного царя числилось лучников. Среди колонн, как в пальмовой роще, нетрудно было заблудиться.

Хозяевам честь воздается по дому. Как же таких величать, чей дом в три дня ногами не обойдешь, на колеснице за день не объедешь? Вот и стали хозяев дворца называть фараонами. «Фараон» то же самое означает, что и «большой дом». А чтобы не спутать одно с другим, говоря о его величестве, добавляли почтительно: «Да будет он здрав, силен и могуч!»

Когда умирал бедняк, его зарывали в яму. Для вельможи в скале вырубали гробницу. Когда умирал фараон, саркофаг с его мумией помещали в пирамиду, огромную, словно гора.

Выходило, что снова владыка оказывался в «большом доме».

Пирамиды такие огромные, что за вершинами вечером прячется солнце. Птицам приходится огибать каменные громады. Но ни одна пирамида не сравнялась по высоте с пирамидой фараона Хуфу (Хеопса). Двадцать лет строители громоздили камни, укладывали

над рядом ряд, пока не поднялась пирамида под стать фараоновой славе и не коснулась вершиной лазуритовой синевы небес.

«Владыкой, великим мощью», «яростным львом» и «могучим быком» называли фараона Хуфу. Люди, земля и вода были ему подвластны. По его слову скалы сдвигались с места. По его велению Нил выходил из берегов и вновь возвращался. Только с одним не умел совладать фараон — с собственным сердцем.

Запала однажды в сердце его тоска и невыносимая скука.

Мрачный, без цели бродил Хуфу по дворцу. И там, где звучала поступь тяжелых шагов, становилось так тихо, что делался слышен звон золотой змеи на короне владыки.

— Звезда, предвестница бури, появилась на небосводе, — шепотом говорили придворные и в страхе прятались за колонны и статуи.

— Жди стрелу, коли лук натянут, — говорили другие, жавшиеся вдоль стен.

Пока они так шептались, Хуфу наскучило ходить из одного зала в другой. Он опустил в кресло и, положив ладони на соколиные головы золотых подлокотников, вымолвил властно:

— Царевичей сюда.

Придворные отделились от стен и бросились исполнять приказание. Они побежали с такой поспешностью, словно хотели обогнать собственные тени.

Царевичи прийти не замедлили.

Первым вошел старший царевич Хефрен. Был он рослый и сильный. Пробить стрелой с костяным оперением бронзовый щит толщиной в три пальца для него не составляло труда.

Вторым явился средний царевич, по имени Бауфрен. О его красоте и статности шла молва по всему Египту.

Вслед за старшими братьями явился и третий сын фараона, ласковый и приветливый Дедефгор. Крепким сложением младший царевич не отличался, зато говорили, что не найти такого папируса, который бы не прочитал Дедефгор.

Вошли царевичи в зал, и показалось, что ярче полился свет из окон под потолком. Это лица у всех просветлели. Один фараон оставался по-прежнему мрачным: лоб рассекли глубокие складки, глаза недобро смотрели из-под сведенных бровей.

— Скучно мне, — промолвил Хуфу, и змея на короне отозвалась тревожным звоном. — Позади меня вечность и впереди меня вечность. Воздвигли для меня пирамиду под стать моему могуществу. Слава о моей силе вышла за пределы Египта. Не обращал я спину к врагам, но встречал их лицом к лицу, как подобает воину. Стойко сердце мое в миг схватки, тверже скалы — в миг опасности. Но вот запала в него тоска и невыносимая скука. Потешьте меня, царевичи, рассказами о чудесах, случавшихся в старину.

Царевичи ослушаться не посмели, начали вспоминать.

Первым предстояло вести речь старшему из сыновей.

— В давние времена, когда царствовали твои предки, — начал Хефрен, жил чародей по имени Убаоне. Он сотворил немало чудес, но одно прославило его навеки. Вот как это случилось...

Повадился в дом Убаоне похаживать злой человек, а попросту говоря, вор.

Только хозяин из дома — вор в дом. То платье новое унесет, то в беседку у пруда заберется и самые вкусные яства прихватит.

Убаоне такое бесчинство долго терпеть не стал, кликнул слугу:

— Эй, малый! Поддай мне ларец из черного дерева, окованный золотом, да принеси кусок самого чистого воска.

Слуга исполнил, что велено.

— Вот, господин, черный ларец в оковке, вот и воск. Поутру взяли его из улья.

— Положи все, а сам ступай.

Оставшись один, Убаоне принялся разминать светлый воск. Он мял его и давил, вытягивал и сворачивал, пока не вылепил крокодила. Словно живой получился Хозяин воды: зубастая пасть приоткрыта, длинный хвост струной вытянут, глаза круглые, злые. Только

крокодил был не зеленый, а желтый и совсем небольшой — всего семь ладоней.²¹

Но Убаоне знал, как делу помочь. Он поместил восковую фигурку в большую чашу с водой, достал из ларчика свиток папируса и принялся читать заклинания:

— Спустись яд скорпиона Тетет, всплыви яд скорпиона Четет. Схватите вора, схватите вора!

Много страшных слов произнес чародей. Вслух их лучше не повторять.

Вода замутилась, вскипела, пошла пузырями. Потом успокоилась. Убаоне склонился над чашей и видит: на дне, словно в маленьком озере, лежит крокодил. Вылепил он его желтым, стал крокодил, как в жизни, зеленым. Даже черные пятна на спине обозначились.

Чародею другого и не нужно было. Он снова кликнул слугу:

— Эй, малый! Возьми восковую фигурку из чаши, а когда появится вор, забрось ее далеко в пруд.

Слуга исполнил, что велено. Только вор прокрался к беседке, он бросил фигурку в пруд. Что началось тут! Вода замутилась, вскипела, пошла пузырями. Волны вздыбились, словно ожившие скалы, с силой забили о берег. На гребне самой большой волны всплыл на поверхность Хозяин. Был он из воска — стал настоящим. Был размером в семь ладоней — стал длиной в семь локтей. Увидел он вора, раскрыл зубастую пасть, хвостом по воде ударил.

— Страшный, уйди! Заглатывающий живое, скройся! — завопил не своим голосом вор.

Да не тут-то было. Крокодил схватил его и уволок на дно.

Вскоре пришел к пруду сам Убаоне. Сотворил он заклинание, позвал крокодила:

— Крокодил, вернись! Принеси вора!..

Вода вновь замутилась, вскипела, и выплыл на поверхность крокодил. Вид его был ужасен. В пасти он держал человека.

Пожалел Убаоне человека и приказал крокодилу отпустить вора. Чародей нагнулся, прошептал какие-то слова, и вот стал крокодил снова в его руках маленьким и восковым.

Вот что за чудо сотворил Убаоне, живший в давние времена, когда царствовали твои предки. Подобное до него не свершалось.

Царевич Хефрен закончил рассказ, поклонился отцу и встал по правую сторону кресла.

— Воистину Убаоне был мудр, и никто не сумел превзойти его в знании тайного. Пусть принесут в память о нем жертву из тысячи хлебов, ста кувшинов пива и двух лепешек ладана, — промолвил Хуфу. Но взгляд владыки не прояснился, морщины на лбу не разгладились. Золотая змея продолжала звенеть невесело.

Видя такое, заговорил средний царевич, Бауфрен.

— Я расскажу твоему величеству, — да будешь ты здоров, силен и могуч! о чуде, которое сотворил мудрец Джаджаеманх, живший во времена, когда правил отец твой Снефру. Вот как это случилось.

Решил как-то отец твой фараон Снефру — да будет он невредим и благополучен — устроить катание на лодках по реке. Приказал он привести к нему двадцать самых красивых девушек с крепкими телами и прекрасными волосами, заплетенными в косы.

— Оденьте девушек в красивые одежды, посадите в ладью, куда я сам сяду. Пусть они дружно гребут веслами и поют веселые песни.

И вот поплыла по озеру золоченая ладья с лотосом на корме. Сидели в ней двадцать красавиц, разодетые, словно на пир. Платья из тонкого белого льна расцветали блестками и узорами. Ожерелья радугой переливались. Золотые браслеты вились, словно быстрые змейки. Но особенно удивительными казались подвески из самоцветных камней. Камни сверкали в пышных прическах, напоминая нарядных бабочек или блестящих жуков.

²¹ Ладонь — точнее, ширина руки без большого пальца — мера длины египтян, около 7,5 см. Семь «ладоней» составляли египетский «локоть», равный 52,3 см. Таким образом, восковой крокодил был немногим более полуметра длины. Семь — одно из священных чисел египтян, часто встречающееся в мифологических и сказочных сюжетах.

Красавицы пели и поднимали в лад песне маленькие весла с золочеными рукоятями:

Ветер затеял игру
В пышных ветвях сикомора.
Путнику весело слушать
Шелест зеленой листвы.

Тихая заводь воды расступалась. Деревья — акации и сикоморы склонялись над водой. На корме ладьи сидел фараон, и сердце его величества было радостно, когда он любовался на красивых девушек и слушал их пение.

Вдруг одна из красавиц неосторожно задела свою косу. Тут же с ее прически сорвалась подвеска из бирюзы. Не успели опомниться, подвеска рыбкой скользнула в воду.

— Ой! — всплеснула руками красавица и перестала грести.

Лад сбился, песня замолкла. Пришлось и другим бросить весла. Ладья закачалась на месте.

Подружки стали предлагать красавице другие подвески.

— Возьми мою, малахитовую. Посмотри, она словно трава под чистой росой.

— Возьми мою, лазуритовую. Она точно синее небо в полуденный час.

— Вот эту — из красного сердолика.

— Вот эту — из крапчатой яшмы.

— Не хочу, не хочу, — твердила, плача, красавица. — Не нужна мне другая подвеска!

Верните мне прежнюю.

Его величество фараон, — да будет он невредим и благополучен, — встал и спросил:

— Почему вы не гребете? Почему я не слышу звуков песни?

Отвечали девушки:

— Одна наша девушка молчит и не гребет. Она уронила в воду подвеску.

— Я дам тебе другую подвеску взамен старой, — сказал Снефру, обращаясь к девушке, потерявшей украшение.

— Моя вещь мне милее всякой другой.

Что было делать? Призадумался фараон, жалко ему было девушку.

— Надо позвать мудреца Джаджаеманха. Он может творить чудеса и найдет выход, — решил он, наконец. Сказано — сделано. Послали рабыню за Джаджаеманхом, а когда тот пришел, рассказали ему о случившемся.

— Хорошо, я знаю, как помочь несчастью, — сказал чародей.

И вот Джаджаеманх встал над озером, голову запрокинул, глазами в небо уставился, ладони к воде обратил. Что он при этом шептал, разобрать никто не сумел, да и опасно вникать в смысл заклинаний. Только расслышали, что чародей повторял то и дело:

— Пади на дно яд скорпиона Тетет, всплыви на поверхность яд скорпиона Четет. Вода, расступись, дно, откройся...

Вдруг озеро разошлось на две половины, словно воду ножом рассекли. Страшно всем стало. Дальше и того чудесней озеро себя повело.

В одной стороне воды оказалось в два раза больше, чем обычно, а было там посередине двенадцать локтей глубины. В другой стороне воды не стало совсем. Тут все увидели подвеску. Она лежала на самом дне, словно светящаяся голубая рыбка.

— Вот моя подвеска! — закричала красавица, и слезы высохли на ее щеках.

— Бери же ее быстрее, — сказал Джаджаеманх.

Потом он снова руки вытянул, ладони к воде обратил и зашептал тайные слова. Вода не стала противиться заклинаниям, тут же вернулась на место. Озеро сделалось ровным, как прежде. Красавицы сели в ладью, взмахнули веслами и запели:

Гладкие листья на солнце
Дух источают медовый.

Веток сплетенных узор
Дарит прохладу и тень.

Вот какое чудо сотворил Джаджаеманх. Подобное до него не случалось, такими словами закончил царевич Бауфрен и, поклонившись отцу, встал по левую сторону кресла.

— Воистину Джаджаеманх был мудр и никто не сумел превзойти его в знании тайного. Пусть принесут в память о нем жертву из тысячи хлебов, ста кувшинов пива, одного быка и двух лепешек ладана, — промолвил, выслушав все, Хуфу. Но взгляд исподлобья при этом не прояснился. Змея на короне продолжала качаться печально.

Понял младший царевич Дедефгор, что наступил его черед. Он вышел вперед и сказал:

— Твое величество, — да будешь ты здоров, силен и могуч! довольтвуется историями, случившимися в давние времена. Что в них правда, что — ложь, уже не проверить. Не лучше ли вспомнить о чародее, живущем в наши дни.

— О ком говоришь, царевич?

— О чародее Джели. Ему минуло сто десять лет,²² он за один присест съедает пять сотен хлебов, половину туши быка и выпивает сто глиняных кружек виноградного сула. Джели может приставить на место отрубленную голову, и мертвец оживет. Повести за собой без всяких пут льва или быка такой для него пустяк, что об этом и говорить не стоит. А кроме того, этот мудрец знает, где хранятся тайные папирусы Тота.

— Где проживает этот мудрец? Должно быть, за краем Египта, за Великой Зеленью моря?

— Не за краем Египта, не за Великой Зеленью — в твоей стовратной столице, на берегу Нила живет чародей.

— Сын мой, я хочу видеть Джели немедленно. Ты сам приведи его ко мне.

Сказано — сделано. Дедефгор сел в носилки из черного дерева с лазуритовыми узорами. Рабы подхватили золоченые ручки, и носилки поплыли по городу. Вот миновали дворец, вот позади остались дома богачей в листве сикоморов и акаций. Вот кончились мощеные улицы. Пошли пустыри да свалки, жалкие, крытые пальмовыми листьями лачуги медников и гончаров. Старый Джели жил на самом краю стовратной столицы.

Вот поравнялись носилки с покосившимся глиняным домиком. Вот и сам чародей развалился на рваной циновке возле порога.

Царевич поздоровался с Джели почтительно, словно с наставником, и сказал:

— Я приехал за тобой, почтенный Джели, по повелению моего отца, фараона, — да будет он здоров, силен и могуч! Его величество хочет видеть тебя. Отправляйся со мной во дворец. Там ты будешь жить припеваючи, а еду получать со стола самого Хуфу.

Такое предложение пришлось Джели по душе. Он сказал:

— Счастья тебе, царевич. Пусть возвеличит тебя отец, пусть возвысит над всеми вельможами. Я готов идти с тобой.

Царевич помог Джели взобраться на носилки и во время пути заботливо поддерживал старика. Когда же носилки прибыли во дворец, царевич немедля доложил о Джели его величеству фараону.

— Отец, вот доставил я чародея, как ты велел.

— Пусть войдет.

Тогда Джели вошел и склонился перед фараоном. Хуфу долго разглядывал старика и наконец задал ему вопрос:

— Как же это случилось, Джели, что я не видел тебя раньше?

— Не приходят к владыке без зова. Но вот ты позвал — и я тут.

— Встань с колен. Говорят, ты можешь приставить на место отрубленную голову. Так ли это?

²² Сто десять лет — у египтян возраст идеальной мудрости.

— Да, владыка, — да будешь ты жив, здоров и могуч! — почтительно отвечал маг.

— Приведите преступника, осужденного на смертную казнь.

— Нет, твое величество фараон, — да будешь ты здоров, силен и могуч! хоть меня самого казни, а чародействовать над человеком не буду. Запрещается делать подобное с людьми. Вели принести птицу или доставить сюда кого-нибудь из домашней скотины.

По слову фараона принесли гуся. На глазах у всех ему отрезали голову. Голову положили у стены, где стояли гранитные статуи. Тело отнесли к противоположной стене. Там в жаровнях курились благовонные смолы. Джеди встал посередине, голову запрокинул, руки вытянул ладонями от себя и зашептал заклинания. Смысл тайных слов понять никто не сумел, зато все увидели, что тело гусиное ожило, поднялось и заковыляло на перепончатых лапах в сторону статуй. Соединились тело и голова, гусь встрепенулся и загоготал, как ни в чем не бывало.

— Га-га-га!..

Все заулыбались.

Никогда во дворце до сих пор не звучали подобные звуки. У самого фараона просветлел взор. Заметив это, вельможи поспешили послать рабов за уткой. Когда утку принесли, чародей проделал с ней то же, что с гусем: сначала ее обезглавил, потом оживил. Утка почесала перышки клювом и пошла вперевалку.

— Кря-кря-кря, — раздалось за колоннами.

Трудно было удержаться от смеха. У самого фараона разгладились складки на лбу.

Тогда привели быка, такого свирепого, что два раба с трудом удерживали его на веревке. Быку отрубили голову и положили на стол. Но Джеди произнес заклинания, и голова вернулась на место.

— Му-у-у, — замычал бык и, взбрыкнув, словно теленок, подбежал к Джеди и стал лизать ему руку.

Все, кто присутствовал в зале, расхохотались в голос. Рассмеялся и сам фараон. Он смеялся так громко, что золотая змея на его короне закачалась и залилась радостным звоном.

— Хорошо! — воскликнул фараон. — Я вижу, что люди говорили правду. Поселите почтенного Джеди в доме моего младшего сына, царевича Дедефгора, сказал Хуфу, насмеявшись вволю. — И давайте почтенному Джеди ежедневно тысячу хлебов, тушу быка и двести глиняных кружек виноградного сула.

Так и сделали, как приказал фараон.

Прошло некоторое время, и однажды царь приказал позвать к себе старого чародея.

— Ты доказал, что ты действительно великий маг. А скажи: можешь ты раздобыть и принести мне папирусы Тота, великого бога мудрости?

— Нет, — отвечал Джеди. — Судьбе угодно, чтобы их принес твоему величеству, — да будешь ты жив, здоров и могуч! — старший сын жрицы Раджедет. Но это будет не скоро. Сыновья Раджедет еще даже не родились на свет.

— Что ж, я, конечно, доволен, что папирусы Тота будут у меня, — сказал фараон Хуфу. — Но кто она такая, эта жрица Раджедет?

Старый маг поклонился.

— Она жрица бога солнца Ра. Маат предсказала ей, что ее дети станут владыками Та-Кемет.

Лицо фараона сделалось мрачнее тучи. Джеди поспешил добавить:

— Не печалься, великий властелин! Мне известно, что сначала будешь царствовать ты, потом — твой сын, следом сын твоего сына, и лишь после этого престол достанется одному из сыновей Раджедет.

— Где живет эта жрица?

— В священном городе Иуну.

— А скоро ли родятся у нее сыновья?

— Это случится в пятнадцатый день последнего месяца Выходов.

— В это время пересыхают каналы, — задумчиво произнес фараон. Значит, я не смогу

приплыть к Раджедет на корабле.

— Не беспокойся, о владыка, — да будешь ты здоров, силен и могуч! Если ты прикажешь, я сделаю так, что каналы наполнятся водой.

На этом Хуфу и чародей расстались.

И замыслил в сердце своем фараон недоброе, решил он убить сыновей жрицы Раджедет и изменить предначертанное судьбой. Когда наступил пятнадцатый день четвертого месяца Выходов, Хуфу вновь призвал к себе старого волшебника и молвил:

— Я собираюсь плыть на корабле в Иуну. Ты должен отправиться со мной. Ведь ты говорил, что можешь наполнить водой пересохшие каналы.

Джеди поклонился. Вместе с фараоном он взошел на корабль. Корабельщики подняли паруса, судно отчалило и стремительно понеслось вниз по течению.

Вскоре Хуфу увидел пересохший канал. Владыка Та-Кемет обратился к старому волшебнику:

— Исполни обещанное!

— Да будет так, как угодно твоему величеству!

Джеди подошел к борту судна и зашептал заклинания. Никто не слышал, что он произносил. Но в тот же миг канал доверху наполнился водой.

Гребцы развернули корабль, дружно взмахнули веслами, но, едва судно миновало устье канала, вся вода внезапно ушла под землю. Корабль фараона сел на дно.

— Что это значит, Джеди? — в гневе воскликнул фараон Хуфу. — Не ты ли мне клялся, что наполнишь каналы водой?

— О владыка, — да будешь ты жив, здоров и могуч! — ответил старый маг. — Я открыл тебе тайну будущего, а ты захотел его изменить. Но никто не силах противиться воле великой Маат. Она наблюдает за порядком в мире, следит, чтобы все дела шли своим чередом и чтобы свершилось то, чему суждено быть судьбой. Богиня говорит тебе: «Вернись, не посягай на жизнь сыновей Раджедет!»

— Да свершится воля богов! — воскликнул благоразумный фараон. И едва он произнес эти слова, канал тотчас наполнился водой, и судно Хуфу поплыло обратно в Мемфис.

Его величество фараон Хуфу прожил до старости. А когда он умер, престол унаследовал старший царевич Хефрен. Став фараоном, Хефрен приказал возвести для себя пирамиду рядом с отцовской. Двадцать лет громоздили строители камень на камень. Поднялась пирамида Хефрена выше самой высокой горы. Но не коснулась она лазуритовой сини небес, не сравнялась с пирамидой Хуфу — Хеопса, а стала по высоте второй среди пирамид.

А когда прошло много лет, уже после правления Хефрена, свершилось то, чему суждено было свершиться, что было предсказано старым чародеем, и престол царей Египта перешел к сыновьям жрицы Раджедет.

СКАЗКА О ПОТЕРПЕВШЕМ КОРАБЛЕКРУШЕНИИ

Спокойна Великая Зелень. Чист лазурит небес. Небо смотрится в море, как в ясное зеркало.

По бирюзовым волнам птицей несется корабль. Весла с его бортов взлетают, подобно крыльям. Бьется на крепких ряях ветром наполненный парус.

Полотнище паруса так велико, что им управляют четверо. Два рулевых поворачивают руль-кормило. А всего на борту сто двадцать один человек: посланец фараона, — да будет он здоров, силен и благополучен, — и моряки. Все они люди бывалые и отважные — отборные матросы. Видали они землю, видали они и небо, храбры были их сердца более чем у львов. Встретиться с бурей им нипочем. И корабль также крепок и велик. Длина его сто двадцать локтей, а ширина сорок.

— А ну, торопись, а ну, торопись! — кричит на корме надсмотрщик, и ременная треххвостая плеть рассекает прозрачный воздух.

Гребцы все вместе откидываются назад. Весла взлетают и падают в воду. Соленые брызги бьются о волнорез.

Куда несется быстрый корабль? В какую даль смотрят два глаза, нарисованные на борту?

Есть за краем Египта угрюмые скалы. Ни трава, ни кусты не растут по обрывистым склонам. Птицы там не щебечут, звери голоса не подают. Лишь лязг цепей да грохот кувалд разносит гулкое эхо. Это рабы в цепях и колодках бьют и дробят породу, добывая для фараона золото.

Вот уже скрылась из виду земля. Вышел корабль в открытое море. Моряки посмотрели на небо: чист лазурит небес. Посмотрели они на воду: спокойно Великое Зеленое море.

— Бури не должно быть, — сказали все как один.

Но только успели вымолвить, как стало хмуриться небо, рев прокатился по морю. Примчался ветер, завыл, засвистал. Поднялись огромные волны, стеной пошли на корабль. Первая волна ударила с носа, и на бортах не стало обшивки. Вторая волна упала на палубу, и мачта переломилась словно тростник. Третья волна поднялась на восемь локтей и накрыла корабль. И вот самого корабля не стало. Он был разбит и затонул.

Все моряки погибли в бушующем море. Спасся один фараонов посланец. Ухватился он из последних сил за проплывавшее бревно — волна понесла и выбросила его на берег пустынного острова.

Ветер скоро утих. Великая Зелень свернула волны. Бури словно и не бывало.

Три дня провел мореплаватель на берегу в одиночестве. Собственное сердце было ему вместо товарища. Тень сикомора заменяла дом. На четвертый день силы к нему вернулись, он встал и пошел вглубь острова поискать для себя еды.

Нашел он там смоквы и виноград, чеснок, прекрасные плоды кау и некут, огурцы²³ какие только бывают, разных рыб и птиц. И было на острове все, что только можно себе представить.

Насытился человек и положил еще на землю, ибо слишком много было на его руках.

«Чудо дивное, диво дивное этот остров», — подумал про себя мореплаватель, однако долго дивиться чуду не стал, изготовил огниво и принялся разводить костер.

Вдруг загудело вокруг, загромыхало. Дрожь прошла по Великой Зелени. Забились волны о берег. Затряслась, как в лихорадке, земля. Задрожали цветы, закачались деревья. Расступились по обе стороны, и появился огромный чешуйчатый Змей. Борода длинная, брови торчком. Каждая чешуйка золотом переливается, брови и борода лазуритом сверкают. Случалось кому-нибудь видеть подобное?

И было в том змее тридцать локтей длины, а его борода больше двух локтей.

Понял фараонов посланец, что перед ним сам владыка острова.

Вышел Змей из рощи, повел глазами по сторонам, зашипел, засвистал страшным свистом и двинулся на незваного гостя. Он двигался, как человек на ногах. Золотые ступни тяжело проминали траву. Золотое тело вилось огромными кольцами.

Помертвел от страха мореплаватель. Рухнул на землю ни жив ни мертв. Руки лишились силы, ноги утратили крепость. Глаза открыть — и то мочи не стало. Один слух сохранился. Слышит мореплаватель — разнесся по острову голос, подобный раскатам грома.

— Кто принес тебя сюда, кто принес тебя, человечек? — грозно спрашивал Змей. — Кто доставил тебя на пустынный остров, спрятанный в водах Великой Зелени?

У мореплователя со страху язык отнялся. Он жизнь от смерти не отличает. Где ему Змею ответить?

Разгневался Змей, раскрыл свою пасть, схватил мореплователя, но умерщвлять передумал. Поставил его невредимым на землю и снова стал вопрошать:

²³ «Кау» и «некут» — плоды сикоморы. «Огурцы» — это, по-видимому, какое-то другое растение, со съедобными плодами. Египтянам не был известен огородный огурец.

— Кто принес тебя, маленький человечек? Если будешь молчать и не скажешь, как попал ты на остров, спрятанный в волнах, я уничтожу тебя, сожгу, как траву. От тебя останется только горсть пепла, и станешь ты невидим в этом мире.

Понял мореплаватель, что дело идет о жизни и смерти. Собрался он с духом и заговорил:

— Послали меня проверить работу на рудниках фараона, — да будет он здоров и благополучен. Спустился я к морю, сел на корабль со ста двадцатью гребцами. Один отважней другого были все моряки. Такие пройдут сквозь землю и небо. Справиться с бурей им нипочем. И был корабль большой и крепкий сто двадцать локтей в длину и сорок в ширину. Но буря пришла, о какой и не слыхивали. Вздрыбились волны и стеной пошли на корабль. Рухнула мачта, слетела с бортов обшивка. И была волна восьми локтей высоты. И вот корабль разбился и затонул. Все погибли в бушующем море. Спасся лишь я. Схватил я бревно, подхватила меня большая волна, понесла и выбросила на берег. Вот кто принес меня на этот остров, со всех сторон окруженный волнами, вот кто доставил меня.

Выслушал мореплователя Змей, покачал головой, потом сказал:

— Не бойся меня, человечек, прогони из сердца страх. Ничего дурного с тобой не случится. Ты потерпел кораблекрушение, но чудом спасся и пребываешь на острове, где вдоволь всего, чего душа пожелает. Ты проживешь здесь месяц за месяцем, не зная ни бед, ни забот. И вот на исходе четвертого месяца приплывет по морю корабль. Приведут его моряки, тебе хорошо знакомые. Вместе с ними отправишься ты в Египет и будешь жить-поживать в благоденствии, пользуясь милостью самого фараона, — да будет он здоров, силен и могуч! О своих теперешних злоключениях ты и не вспомнишь. Со мной же случилась беда, которую мне не забыть вовеки.

Змей вздохнул — и с деревьев посыпались листья, второй раз вздохнул и облетели лепестки у цветов.

— Жил я здесь не один, а с дружной семьей, — заговорил он снова. Было нас семьдесят пять Змеев и еще одна Змейка, моя младшая дочь. Она была такая ласковая и веселая, что ее я любил больше других. И вот, когда я уплыл в открытое море, с неба сорвалась звезда и рухнула прямо на остров. Загорелись деревья, запылали кусты. Весь остров стал огромным костром, и спрятаться было некуда. Никто не вышел живым из огня. Резвая Змейка сгорела вместе со всеми.

Из Змеевых глаз выкатились две большие слезы. Они упали на землю и превратились в два золотых самородка.

— Что твое горе рядом с моей бедой? У меня чуть сердце не разорвалось, когда я вернулся на остров и никого там не нашел. Ты обнимешь своих детей и поцелуешь свою жену и увидишь ты свой дом, а это лучше всех вещей.

Плохие дни пройдут, словно сон. Ты достигнешь столицы и будешь жить в ней до конца своих дней среди своих братьев. Ради этого стоит быть мужественным и перенести выпавшие невзгоды.

Мореплаватель упал на колени, поцеловал землю между ладонями и сказал:

— Я расскажу его величеству фараону, — да будет он здоров, силен и могуч! — о твоей доброте, поведаю ему о твоём могуществе. Он прикажет доставить тебе благовония, прекраснее которых нет в целом мире. Я прославлю твою силу перед вельможами, и они повелят заколоть для тебя быков и забить птиц. Поплывут к твоему острову корабли, груженные всем, чем богат Египет.

Змей в ответ рассмеялся. Гулко и звонко понесся смех, словно бронзовые кувшины раскатились среди камней.

— Много ль благовоний у тебя, человечек, что ты хочешь со мной поделиться? На моем же острове душистых смол больше, чем во всем мире. Выходит, ты собираешься меня одарить тем, чем я владею) с избытком. Поистине, это смешно. Не нужно мне смол, не нуждаюсь я в золоте, не испытываю нехватки лазурита и малахита. Да и острова больше никто не увидит. Как только скроется твой корабль, я опущу остров под воду.

— Ты оказал столько милостей потерпевшему кораблекрушению вдали от родных берегов. Чем отплатить тебе за твою доброту?

— Расскажи обо мне сыну и дочери, расскажи всем людям твоей страны: пусть обо мне узнает и стар, и млад. Расскажи его величеству фараону, — да будет он здоров, силен и могуч! Вот что ты можешь для меня сделать. И не для этого ли большая волна принесла тебя на мой остров?

— Сделаю все, как ты велишь.

Побежали дни один за другим. Незаметно промчались три месяца. Вот уж четвертый спешит к концу. Вдруг вдали показался корабль. Весла с его бортов взлетали, подобно крыльям.

Мореplаватель бросился к сикомору, росшему на берегу. Как кошка вскарабкался он на вершину и глазам своим не поверил.

Тот самый корабль, что вез его к рудникам, несется по бирюзовой воде. Цел он и невредим. И мачта на месте, и парус не сорван, а бьется на крепких реях. Глаза, нарисованные на борту, смотрят на берег острова.

Случалось ли в мире большее чудо?

А кто на корме поворачивает кормило, кто управляет парусом, поднимает и опускает весла? Живы отважные мореplаватели! Недаром шла о них слава, что пройдут они небо и землю, что справиться с бурей им нипочем.

Не помня себя от радости, мореplаватель бросился к Змею. Но тот лишь рассмеялся в ответ:

— Разве я не сказал, что корабль придет с моряками, тебе хорошо знакомыми?

— Все так и вышло, о великий Змей!

— Возвращайся на берег, человек, встречай моряков и отправляйся в путь. Через два месяца окажешься ты на родине, обнимешь жену и детей и будешь с ними жить-поживать во дворце самого фараона, — да будет он здоров, силен и могуч!

На прощание Змей приказал загрузить корабельные трюмы пахучими смолами и благовонными травами, привести на палубу обезьян и доставить быстрых собак для фараоновой охоты. К этим дарам он прибавил много других.

— Спасибо тебе, владыка острова, — кланялся мореplаватель.

— Пусть будет жизнь твоя вечна, как небо, — кланялись Змею все моряки.

Потом пришло время, и корабль отплыл на север. Фараонов посланец стоял на корме и смотрел на удалявшийся берег. Над островом плыли золотые тучи. То ли солнце сияло с особой силой, то ли светился владыка острова — Змей. Вдруг все исчезло. И сколько ни вглядывался фараонов посланец, он видел одно безбрежное море.

Плавание длилось ровно два месяца. И все это время Великая Зелень пребывала в покое. Ни единое облако не затемняло лазурита небес. Небо смотрелось в воду, как в ясное зеркало.

Наконец показалась родная земля. Был брошен канат и обмотан вокруг причала. На пристань сбежались люди. Радостно приветствовали они тех, кого считали погибшими. Мореplаватель обнял жену и детей и поспешил во дворец. Мог ли он медлить, выполняя наказ, данный Змею?

— Прекрасен пустынный остров, — сказал он, когда провели его к фараону. — Благороден его владыка великий Змей.

Рассказав обо всем, мореplаватель сложил возле трона благовония и другие дары. От себя он прибавил два золотых самородка, каждый величиной с кулак. Змей разрешил мореplавателю взять их с собой.

Фараон немало дивился приключениям своего посланца. Потом сказал:

— Этот человек ни разу не потерял мужества: ни в бурю, ни на пустынном острове. Повелеваю назначить его в нашу свиту и поселить в нашем дворце. Повелеваю также наградить его золотыми кольцами без числа.

Все так и вышло, как сказал Змей. Много бед пережил мореplаватель, зато к земле

причалил он счастливо. И похвалу заслужил, и награду. И жить-поживать вместе с женой и детьми стал не где-нибудь, а во дворце фараона.

СКАЗКА О ПРАВДЕ И КРИВДЕ

Эта сказка возникла под влиянием мифов об Осирисе и Горе. Так же как в мифе, младший брат ненавидит старшего и старается его извести, но ему не удается осуществить это до конца. Мстителем за старшего брата выступает его сын, который в суде богов добивается истины и наказания младшего брата злодея.

Сказка написана на свитке папируса, начало ее оборвано, но по дальнейшему содержанию сказки можно догадаться, как она начинается.

Вот что произошло.

Были два брата от одного отца и от одной матери. Правда было имя старшего брата, Кривда — младшего.

Старший брат был добрым и красивым юношей. Не было случая, чтоб Правда кого-нибудь обманул, обидел или поступил не по справедливости.

Все любили Правду. Один только младший брат — уродливый карлик ненавидел старшего, потому что ему завидовал, и старался его погубить.

И вот однажды Кривда заказал у ремесленника дорогой кинжал с ножнами. Когда заказ был готов, карлик взял хлеба в котомку и посох и сделал вид, что отправляется в дальний путь.

Он пришел к дому Правды и дал на сохранение старшему брату этот кинжал. Правда пригласил брата в дом и положил кинжал в сундук.

— Не волнуйся, дорогой брат, отправляйся в дорогу со спокойным сердцем. Я сохраню кинжал до твоего возвращения.

А Кривда далеко не стал уходить. Подговорил коварный карлик служанку Правды, и она тайно вынула кинжал из сундука и отдала его Кривде.

Обрадовался Кривда, ибо посчитал, что настало время для начала злого дела против Правды.

Прибежал Кривда к дому брата и стал требовать свой кинжал обратно. Пошел Правда к сундуку, а кинжала нет.

— Кинжал исчез, и я не знаю, кто его взял. Но не огорчайся. В моей кладовой есть разные драгоценные кинжалы. Выбирай любой. Можешь взять даже два или три кинжала взамен потерянного.

— Как! Ты потерял мой кинжал? О, злодей! — закричал Кривда. — Я тебе не верю. Ты не потерял, ты украл мой кинжал, и это зло должно быть наказано! Где найдется другой такой кинжал? Мой кинжал был очень дорогой. У него лезвие было такое широкое, как Нил во время половодья, рукоятка, как дерево из Колтоса, а рубины на рукоятке были величиной с гору.

— Разве может быть кинжал таким большим? — удивился добрый Правда. Возьми в моей кладовой любые драгоценности и сделай себе кинжал, какой тебе нравится.

Отказался Кривда, не стал слушать Правду.

— Ты украл мой кинжал, зло должно быть наказано! — сказал он и повел брата к судьям.

Он рассказал судьям о том, что он доверил брату драгоценный кинжал, а брат его потерял.

— А кинжал тот был необыкновенный! Такого кинжала не было на свете и его невозможно возместить. Лезвие у него было, как Нил во время половодья, а рубин в рукоятке был величиной с гору...

— Ответь, Правда, — спросили судьи, — верно ли то, что говорит твой брат? Брал ли ты драгоценный кинжал у своего брата, а теперь не возвращаешь?

— Да, это так, — ответил простодушно Правда, — я брал у Кривды кинжал и не знаю,

куда он пропал. Пусть возьмет взамен чего хочет.

Признали судьи Правду виновным и спросили Кривду:

— Какого же ты требуешь приговора?

Обрадовался Кривда, что получилось так, как он и замышлял, и сказал:

— Пусть накажут Правду за это, ослепив его на оба глаза, и пусть Правда станет рабом-привратником в моем доме.

Так закончил Кривда свою речь.

Судьи согласились со всем, что сказал Кривда, и свершили над Правдой приговор, и слепой юноша стал рабом-привратником в доме у своего младшего брата.

Но и тут не оставил в покое Кривда своего брата. Увидел Кривда, как кроток и красив остался Правда, хоть и был незрячим, и решил совсем избавиться от него. Позвал он двух слуг и велел им отвести Правду в пустыню и оставить его там.

— Возьмите Правду — моего раба, — приказал он слугам, — и отведите его в пустыню, в то место, где живет злой лев и львица, и убейте его там, пусть люди думают, что звери растерзали его.

Поднялись слуги вместе с Правдой вверх на холмы, где пустыня, и Правда догадался обо всем. Он стал просить слуг не выполнять приказания брата:

— Не поступайте со мной, как сказал брат, отпустите меня, и я уйду далеко от дома брата. Кривду же можно обмануть, сказав, что все было сделано, как он велел.

Пожалели слуги Правду, так как знали его доброту, и сделали, как он просил. Отпустили они Правду, а Кривде сказали, что выполнили приказание.

— Боги вознаградят вас! — сказал Правда и пошел один бродить по свету, не видя дороги и не ведая куда.

Так ходил он по пустыне три дня и обессилел от жары и жажды. На четвертый день дошел он до некоего дома. Устал он от ходьбы и лег отдохнуть в тени у подножия холма, недалеко от усадьбы. А в доме том жил знатный человек со своей дочерью.

Вышли из дому девушки, прислужницы дочери хозяина. Они заметили отдыхающего Правду и увидели красоту его, равной которой не было во всей стране. Прибежали девушки домой и рассказали о прекрасном юноше. Дочь хозяина велела привести в дом юношу и, увидев его красоту, сразу же в него влюбилась.

И так понравился Правда девушке с первого взгляда, что она подошла к нему и сказала:

— Войди в мой дом, прекрасный незнакомец. Будь моим супругом.

Так Правда поселился в богатом доме и стал там хозяином.

Но недолго оставался Правда во дворце. Скоро он надоел жене, и она отправила его опять к воротам, сделав привратником.

А тем временем у жены Правды родился сын. Мальчик был так красив, что не было никого подобного ему во всей стране, он был похож на молодого бога.

Когда мальчик вырос, его отдали в школу писцов, и он стал хорошо учиться. Он научился прекрасно писать, выучился всем искусствам и превзошел во всем своих старших товарищей.

Тогда товарищи стали спрашивать его:

— Чей ты сын? Где твой отец?

Они смеялись над ним и дразнили его, говоря:

— На самом деле у тебя нет отца!

Пришел мальчик домой и спросил у матери:

— Как зовут моего отца? Я должен сказать его имя моим товарищам, так как они смеются надо мной, спрашивая: «Где твой отец?», Так они говорят мне и дразнят меня.

Тогда мать ответила:

— Видишь ты слепого человека, который сидит у ворот? Это отец твой.

Мальчик страшно рассердился на мать.

— Надо было созвать всех людей, чтобы они привели крокодила и кинули тебя ему! — в сердцах гневно сказал он.

И пошел он к отцу, привел его в дом, усадил его в кресло около себя, поставил ему под ноги скамеечку, положил перед ним хлеб и заставил отца есть и пить.

Потом мальчик спросил отца:

— Скажи, отец мой, кто ослепил тебя, чтобы я мог отомстить твоему обидчику?

Тогда Правда ответил:

— Это сделал мой младший брат.

И рассказал Правда сыну все, что с ним случилось.

— Я сделаю так, что злодей понесет наказание! Знай, отец: ты будешь отомщен! — воскликнул сын Правды.

И вот отправился мальчик искать Кривду, чтобы отомстить за отца.

Он взял с собой десять хлебцев, посох, пару сандалий, бурдюк и меч. Он поймал быка, красивого и сильного, и отправился туда, где пастух стерег стадо Кривды.

Сказал мальчик пастуху:

— Возьми у меня десять хлебцев, посох, меч и пару сандалий и сбереги моего быка в твоём стаде, пока я не вернусь из города.

Много дней находился бык в стаде Кривды. Однажды пришел Кривда посмотреть на свое стадо. И увидел он красавца-быка своего племянника. И был бык тот очень хорош, он очень понравился Кривде.

— Заколи для меня этого быка, — сказал он пастуху, — я хочу отведать его мяса.

— Это не мой бык, — ответил пастух. — Я не могу этого сделать. Что я верну настоящему хозяину?

— Весь мой скот у тебя. Отдай владельцу быка любого другого взамен.

И пастух послушался хозяина.

Когда мальчик услышал, что Кривда забрал его быка, он пошел к пастуху Кривды и спросил:

— Где мой бык? Я не вижу его в твоём стаде.

— Все стадо перед тобой, — ответил пастух, — выбирай любого!

— Здесь нет ни одного быка, равного моему. Когда он стоит в Пайсмуне (в центре Египта), то конец хвоста достигает зарослей папируса (дельты Нила). Когда один его рог лежит на горах востока, то второй рог лежит на горах запада, и Великая река — место его отдыха.

— Разве бывают такие быки? — ответил пастух.

Но мальчик не слушал его. Он взял с собой пастуха туда, где был Кривда, и потом вместе с Кривдой пошел в суд, где сидели те же судьи, которые когда-то судили спор обоих братьев. Мальчик повторил судьям все, что он сказал пастуху о быке.

— Клянусь именем Ра, этот человек убил моего быка, чтобы насытить свое брюхо! А равного этому быку не было в целом мире. Когда мой бык стоял в центре Египта, то конец его хвоста достигал зарослей папируса в дельте Нила. Когда один его рог лежал на горах востока, то второй рог был на горах запада.

Судьи сказали мальчику:

— Ты лжешь. Мы никогда не видели такого большого быка, как ты рассказываешь.

И тогда мальчик ответил:

— А разве бывает такой кинжал, у которого лезвие, как Нил, рукоятка, как дерево из Коптоса, а рубин в рукоятке величиной с гору? Рассудите же справедливо Правду и Кривду, — прибавил он, — так как я сын Правды.

Тогда выступил Кривда и сказал перед судом:

— Как жив бог Амон и как жив фараон, — да будет он здоров и благополучен, — если кто найдет Правду живым, пусть ослепят меня на оба глаза и сделают привратником в доме Правды!

Тогда вышел мальчик и обратился к судьям:

— Как жив бог Амон и как жив фараон, — да будет он здоров и благополучен, — если Правда будет найден живым, пусть Кривде дадут сто палочных ударов и ослепят его на оба

глаза, и сделают его привратником в доме Правды! Я — сын Правды!

И мальчик привел своего ослепленного отца, и Кривда был наказан так, как он сам назначил себе в своей клятве.

Так отомстил сын за оскорбление своего отца. Кончился спор Правды и Кривды, и справедливость восторжествовала.

СКАЗКА О ДВУХ БРАТЬЯХ

Главный герой сказки Бата, его имя значит Душа Хлеба («Ба» по-египетски душа, «та» — хлеб), и это указывает на то, что он связан с растительностью, с земледелием, как Осирис. Брат носит имя Ануп, это имя бога Анубиса — бога-бальзамировщика, помогавшего Исиде оживить Осириса. И в сказке Ануп находит мертвого Бату и оживляет его. Как и Осирис, Бата умирает, потом воскресает и в конце концов становится царем.

На связь с растительным миром указывает и рассказ о смерти Баты. Сердце Баты лежит на кедре (вспомним про гроб Осириса, вросший в кедр), когда дерево срублено, наступает смерть. Бата воскресает, когда сухая горошина — его сердце — набухает от воды, и Бата проглатывает ее. Осирис воскресает, когда он проглатывает жертву своего сына, его глаз.

Но сказка о двух братьях — это народная сказка.

Вот что произошло.

Жили два брата от одной матери и от одного отца. Старшего брата звали Ануп, Бата было имя младшего.

У Анупа был дом, была жена. Бата жил у Анупа как сын и помогал ему работать в поле и дома. Он ухаживал за скотом и пахал землю, выполнял все, что ему поручали. Бата был хорошим работником, и не было равного ему во всем крае.

Вставал Бата рано утром, пек хлеб, клал его перед старшим братом и выгонял стадо на пастбище. Коровы говорили ему:

— Сегодня хороша трава на лугу, у реки.

Он понимал язык животных и гнал коров туда, где была прекрасная трава. И коровы, которых он пас, делались тучными, давали много молока, и телят у них становилось все больше и больше.

Вечером возвращался Бата с поля, пригонял скот, приносил с собой молоко, полевые травы. Он относил все это в дом и отдавал брату, который сидел со своей женой.

После этого Бата ужинал, а потом уходил в хлев к скоту и ложился там спать. Он никогда не расставался со своим стадом.

И когда наступило время пахоты, Ануп позвал брата и сказал:

— Приготовь быков для работы в поле. Земля вышла из воды после разлива Нила и как раз теперь время пахать. Поди ты в поле и отнеси туда зерно, так как выйдем мы завтра на работу рано утром.

Так сказал старший брат, и младший исполнил все, что ему было велено.

Утром, чуть рассвело, братья отправились в поле, ведя за собой скот. Начали они пахать, работа спорилась и радостно было у них на сердце.

Так прошло несколько дней. Они поднимались с рассветом, пахали землю, сеяли хлеб и, когда становилось темно, ложились спать в поле. Наступил день, когда у них вышло все зерно, и нечем было сеять. Тогда Ануп послал Бату за зерном и сказал ему такие слова:

— Поторопись, принеси зерно из деревни.

Бата застал жену брата в доме, когда она причесывалась.

Он сказал ей:

— Встань и дай мне зерно. Поторопись. Мне нужно скорее возвращаться в поле. Ануп велел мне не задерживаться.

Жена Анупа не любила Бату. Ей всегда казалось, что муж любит брата больше, чем ее. Она всегда искала случая навлечь на Бату гнев мужа.

И ответила она Бате:

— Поди сам, открой амбар и возьми там, что тебе нужно. А я не могу идти, пока не окончу свою прическу. Я боюсь, как бы мне не обронить на дорогу хоть один волосок.

Бата пошел в амбар, взял большой глиняный сосуд, чтобы унести много зерна в поле. Он насыпал ячмень и пшеницу и вышел из амбара с тяжелой ношей на плече.

Жена, увидев его, спросила:

— Сколько зерна у тебя на плече?

Бата ответил ей:

— Ячменя три меры, пшеницы две, всего — пять. Вот сколько я несу на плече.²⁴

Так отвечал он ей. Она же заговорила с ним злым голосом и сказала ему такие слова:

— Не много же ты несешь. Боишься, что плечи будут болеть! И зерно ты просыпал на землю. Вот я расскажу мужу, что ты сам залез в амбар, а меня вытолкал оттуда, чтобы я не видела, как ты разбросал зерно, и не пожаловалась мужу.

— Зачем ты говоришь неправду? Ты хочешь посорить меня с братом! Ведь он для меня все равно как отец. А тебя я всегда почитал, как родную мать.

И Бата взвалил на плечи свою ношу и отправился в поле. Там он вместе с братом продолжал пахоту. Когда же наступил вечер, они окончили работу и собрались идти домой. Ануп пошел вперед, а Бата нагрузил себя полевыми травами и погнал стадо на ночлег в хлев.

Между тем жена Анупа взяла сало и тряпки и вымазала свое лицо и руки. И лицо сделалось покрытым синяками, как будто ее избили. Она легла в постель и решила сказать мужу, что ее избил Бата.

И вот, когда Ануп вернулся домой, он увидел, что в доме темно, свет не горит, жена не вышла к нему, как всегда, навстречу, не полила ему воды на руки.

Ануп вошел в дом. В полном мраке лежала жена на постели и громко стонала.

Что с тобой, кто был тут? — испуганно спросил Ануп.

Вот что отвечала она ему:

— Никого не было здесь, кроме твоего младшего брата. Когда он пошел в амбар, я сказала ему: «Подожди, я насыплю тебе зерно, чтобы ты не рассыпал его на землю». Но он оттолкнул меня и сказал: «Я сам все сделаю». И вот он рассыпал зерно в амбаре. Я сказала ему: «Зачем ты не послушал меня? Теперь зерно на земле, и твой брат будет недоволен». Так сказала я ему. Тогда он испугался и побил меня, сказав: «Смотри, если ты пожалуешься на меня брату, я побью тебя так сильно, что ты не сможешь встать!» И вот, если ты его не накажешь, я умру. Он придет домой вечером, оправдается перед тобой, узнав, что я на него пожаловалась, а потом будет мне мстить.

Поверил Ануп словам жены и сделался он гневен, как южная пантера. Он достал свой нож, наточил его и пошел в хлев. Там стал он за дверью с ножом в руках ожидать, когда придет брат.

И вот, когда зашло солнце и стало совсем темно, Бата, как всегда, подошел со стадом к дому. Когда он подходил к хлеву, то корова, идущая впереди, повернулась к Бате и сказала своему пастуху:

— Смотри, твой старший брат стоит за дверью с ножом, чтобы убить тебя. Беги же скорее отсюда!

Услыхал Бата слова коровы и усомнился. Но тут вторая корова вошла в хлев и повторила те же слова.

Заглянул Бата за дверь, увидел своего брата с ножом в руке, бросил свою ношу на землю и кинулся бежать со всех ног. Ануп погнался за ним. Долго бежали братья. И выбился из сил Бата, вот-вот уже настигнет его Ануп с ножом.

Тогда взмолился младший брат богу Ра:

— О мой владыка! Ты тот, кто видит истину! Ты осуждаешь злодея и спасаешь

²⁴ Мера — древняя единица измерения сыпучих тел. Составляла около 56,5 литров. Таким образом, Бата нес на себе груз, равнявшийся 380 литрам примерно 280 килограммов зерна.

праведного! Помоги мне!

Ра услышал его молитву. И сделал Ра реку между обоими братьями и наполнил ее воду крокодилами. И оказался один брат по одну сторону реки, другой — по другую.

Рассердился Ануп, что не догнать ему брата, и со злости дважды ударил себя по руке.²⁵

А Бата закричал с другого берега:

— Подожди до рассвета. Когда взойдет солнце, будем судиться с тобой. Ра рассудит, кто из нас прав, кто виновен.

И когда наступил другой день и засияло солнце, бог Ра и братья увидели друг друга, обратился юноша к старшему брату со словами:

— Зачем ты гнался за мной и за что ты хотел убить меня? Ты не выслушал того, что хотели сказать уста мои, ты поверил только словам твоей жены. Ведь я твой младший брат, ты для меня все равно что отец, а жена твоя все равно что мать. Как мог я поднять руку на нее? Когда я пришел за зерном и попросил ее дать мне его, она послала меня одного в амбар. И вот смотри, теперь во всем обвинила меня.

И поклялся Бата, что злая жена оговорила его перед своим мужем.

И поверил ему Ануп. Он стоял на берегу и рыдал; хотел Ануп подойти к брату, но не мог этого сделать из-за крокодилов, наполнявших реку. Он молил Бату вернуться домой.

Но Бата сказал

— Ты хотел убить меня. Ты позабыл все хорошее, что я для тебя делал. Иди домой и сам теперь ухаживай за своим скотом. А я не останусь жить там, где находишься ты. Я уйду в долину Кедр и буду там жить. Сердце свое я выну из груди и положу его на цветок кедр. Знай же, если срежут кедр, сердце упадет на землю, и я умру. Вот тогда ты приходи в долину Кедр, ищи мое сердце и не ропщи, если даже ты будешь искать его семь лет. А когда ты найдешь мое сердце, положи его в чашу с водой, я оживу и отомщу моему убийце.

И вот как ты узнаешь, что со мной случилась беда: тебе дадут кружку пива, и оно вспенится. Вот тогда не оставайся дома, немедленно иди выручать меня.

И братья расстались. Бата пошел в долину Кедр. Ануп вернулся домой. Он прогнал свою злую жену и стал жить один, не переставая грустить о своем младшем брате.

А Бата жил один в долине Кедр. Весь день охотился он на зверей в пустыне, а вечером приходил в долину и ложился спать под кедром, на цветке которого лежало его сердце.

Так прошло много дней. И вот построил Бата высокий дом в долине Кедр и украсил его всякими хорошими вещами.

Жена Анупа блуждала по дорогам и плакала. Взмолилась она злему богу пустыни Сету:

— О Сет, могучий владыка пустыни! Помоги мне отомстить, помоги погубить Бату!

Услыхал Сет мольбу ее и приказал он сотворить для Баты жену, которая станет причиной его гибели. И была эта девушка прекраснее любой другой женщины во всей земле. Звали ее Шепсет.²⁶

И вот однажды Бата встретил Шепсет. Он полюбил ее и привел в свой дом. И стала она женой Баты.

Бата по-прежнему охотился на зверей пустыни, а жена оставалась дома. Вечером Бата приходил к жене и клал перед ней пойманную за день добычу.

Только об одном просил Бата жену:

— Не выходи из дому, так как море может увлечь тебя, и ты не сможешь спастись от него, так как ты только женщина.

²⁵ Жест величайшей досады у египтян; брат Баты ладонью одной руки дважды ударил по тыльной стороне кисти другой руки.

²⁶ В оригинале сказки имя жены Баты не указано. Ее называют Шепсет, что переводится как «знатная дама», «фаворитка фараона».

И Шепсет сначала слушалась мужа. Однажды рассказал ей Бата все, что с ним случилось, как он попал в долину Кедр. И открыл ей Бата свою тайну что сердце его лежит на цветке кедр, и если кедр будет срублен, то сердце упадет, и он, Бата, умрет.

И вот однажды, спустя много дней, когда Бата, как обычно, отправился на охоту, жена его пошла гулять на берег моря, туда, где рос большой кедр. Вдруг поднялись на море волны и погнались за Шепсет. Она испугалась и побежала домой.

Тогда море крикнуло кедру:

— Как бы мне завладеть этой женщиной?

Дерево опустило ветку,хватило прядь волос Шепсет и кинуло этот локон в море. Упала эта прядь в море, и волны понесли ее в страну Кеми-Египта и прибили ее к берегу, где прачечники стирали белье фараона.

И стало царское белье благоухать запахом волос женщины.

Недовольны остались прачечники:

— Что за запах притираний и душистых мазей в белье фараона, — да будет он жив, здоров и благополучен!

Но и на другой день повторилось то же самое, ведь прядь волос оставалась у берега и никто ее не видел.

Никто не знал, откуда этот запах. Не было ли тут злого колдовства? Все были этим обеспокоены и недовольны прачечниками.

Не знали прачечники, что им делать. Начальник прачечников пришел на берег, чтобы посмотреть, что там произошло. И тяжело у него было на сердце, так как царь гневался на него.

И вдруг он заметил прядь волос и велел принести ее. Принесли ему эту прядь, и запах ее был необыкновенно приятен. Отдал начальник прачечников эту прядь царю.

Захотел фараон узнать, чьи это волосы и как они попали к берегам Египта. Были приведены к фараону мудрецы, которые сказали ему следующие слова:

— Волосы эти принадлежат дочери Ра — Гор-Ахути, самой прекрасной женщине во всей земле. Она этой прядью прислала тебе как бы привет из другой страны. Пошли во все страны разведчиков, чтобы найти ее.

Тогда сказал фараон, — да будет он жив, здоров и благополучен:

— Это очень хорошо, то, что сказали мудрецы. Я хочу видеть эту женщину.

Послал царь быстроногих гонцов в чужеземные страны.

Прошло много времени. Все гонцы вернулись домой. Только из долины Кедр не пришли люди, они остались там. Они встретились с Батой и сразились с ним. Всех поразил Бата и только одного оставил в живых, чтобы мог он вернуться к фараону и рассказать об этом.

И рассказал оставшийся в живых, что жена Баты и есть та женщина, которую они ищут.

Послал тогда фараон конное и пешее войско в долину Кедр, чтобы привести к нему эту женщину. И была с войском одна женщина. Она везла с собой прекрасные одежды и украшения.

Достигли воины долины Кедр в то время, как Бата был на охоте. Шепсет была дома одна. Разложила перед ней царская служанка нарядные одежды и красивые украшения. Обрадовалась Шепсет, увидев их, и сказала ей служанка:

— Идем с нами в Египет, и все это будет принадлежать тебе. И еще много других сокровищ подарит тебе его величество, — да будет он жив, здоров и благополучен.

Согласилась Шепсет пойти в Египет. Привели ее во дворец, и обрадовались все ее приходу, и сделал фараон ее своей женой.

Стали расспрашивать Шепсет о Бате, и сказала она фараону:

— Пошли людей в долину и прикажи им срубить кедр, и тогда Бата умрет.

Послал царь вооруженных людей в долину Кедр. Они нашли кедр Баты и срезали цветок, на котором лежало его сердце. И в то же мгновение упал мертвым Бата.

И вот, на другой день после смерти Баты, пришел Ануп домой, вымыл руки и сел

ужинать. Дали ему кружку пива, и пиво вспенилось. Дали ему кружку с вином, и вино помутнело.

Тогда вскочил Ануп со своего места, надел сандалии, взял свой посох и оружие и пустился в дорогу. Пришел он в долину Кедр и вошел в дом своего младшего брата. И увидел Ануп, что на постели лежит неподвижный Бата.

Зарыдал Ануп над телом своего любимого брата и пошел он искать сердце Баты.

Три года искал Ануп сердце и не мог его найти. Каждое утро приходил Ануп к кедр и до поздней ночи искал сердце своего брата. И еще четыре года прошло, а Ануп все искал сердце Баты.

Устал Ануп искать, и захотелось ему вернуться в Египет. Собрался он уже идти и решил в последний раз пойти к кедр. Весь день с утра искал он сердце. И вечером опять пришел он продолжать поиски, и вдруг он нашел горошину — это и было сердце брата.

Ануп положил горошину в чашу со свежей водой и сел у изголовья Баты. Ночью горошина-сердце наполнилось водою, и тогда Бата вздрогнул и посмотрел на брата. Тогда Ануп схватил чашу с водой, где было сердце, и дал Бате выпить. Выпил Бата все, что было в чаше, и сердце его встало на свое место. Ожил Бата, и стал он таким, как был прежде.

Обняли братья друг друга и стали беседовать. Бата сказал старшему брату:

— Я превращусь в быка с красивой шерстью. Ты сядь на меня верхом, и мы отправимся в то место, где живет моя жена. Ты пойдешь к фараону и тебя наградят серебром и золотом за то, что ты привел меня.

На другой день, когда рассвело, Бата превратился в быка, и Ануп сел к нему на спину.

Прибыли братья в Египет и достигли того места, где жил фараон. И привел Ануп быка царю. Взглянул царь на быка, и обрадовался он быку:

— Великое чудо этот прекрасный бык!

И дал царь Анупе золото и серебро, дал ему людей и много хороших вещей. Вернулся Ануп к себе в селение. И любил его царь больше, чем кого бы то ни было во всей земле.

А бык остался во дворце у царя.

И вот однажды, спустя много дней, бык вошел в комнату, где находилась жена царя. Он подошел к ней и сказал:

— Вот смотри, я жив!

— Кто ты? — удивилась Шепсет.

— Я Бата! Ты знала, что я умру, когда ты велела срубить кедр. Но видишь, я жив. Я стал быком!

Царская жена страшно испугалась. Она пошла к царю и, когда они вместе сидели за столом, сказала:

— Если ты любишь меня, то обещай мне, что исполнишь мою просьбу!

И фараон поклялся, что он сделает все, что ей будет угодно.

Тогда Шепсет сказала:

— Пусть мне дадут поесть печени быка. Ведь все равно бык никуда больше не годен.

Огорчила фараона ее просьба, и сердце царя очень болело за быка. Но он дал клятву и не мог нарушить своего слова.

И вот, когда земля озарилась солнцем и наступил следующий день, был устроен праздник жертвоприношения быка. Царь приказал главному жрецу заколоть быка.

И слуги понесли на плечах убитого быка. Когда они поравнялись с большими воротами дворца, с шеи быка скатились две капли крови, одна капля по одну сторону ворот, вторая — по другую. И тотчас же из крови выросли два прекрасных дерева, две смоковницы,²⁷ одна лучше другой.

Прибежали к царю слуги и доложили ему:

²⁷ Плодовое дерево, издревле выращивавшееся людьми, и игравшее очень часто важную роль в сказаниях. Это дерево называют также фиговым, современное название — инжирное дерево.

— Свершилось чудо. Две прекрасные смоковницы выросли у ворот твоего дворца.

Обрадовался фараон и захотел посмотреть на эти деревья.

Он выехал на своей золоченой колеснице из дворца. На нем была корона из лазурита и венки из красивых цветов на шее. Сзади царя на колеснице ехала Шепсет. Сел фараон под одним деревом, жена села под другим. И наклонилась к ней смоковница и сказала:

— О, злодейка! Я — Бата! Я — жив! Ты велела срубить кедр, чтобы погубить меня. Я превратился в быка, и ты заставила меня убить!

Задрожала Шепсет от этих слов.

Прошло несколько дней, и жена опять заставила царя дать ей клятву, что он выполнит ее просьбу.

И тогда она попросила царя:

— Прикажи срубить обе смоковницы, пусть из них сделают хорошую мебель.

Опять очень огорчился фараон, но он не мог нарушить клятву. Он послал искусных мастеров-дровосеков, и были срублены обе смоковницы.

А Шепсет стояла и смотрела на то, как рубят деревья. И вдруг одна щепка отлетела и попала ей в рот.

После этого прошло некоторое время и от этой щепки родился у Шепсет мальчик. Это был все тот же Бата.

Обрадовался фараон, — да будет он жив, здоров и благополучен, рождению мальчика и велел приставить к ребенку кормилицу и няню.

А спустя много времени, когда мальчик вырос и превратился в юношу, царь назначил его своим наследником и дал ему титул «царский сын страны Куш».²⁸

И вот, через много лет, когда фараон окончил дни своей жизни и поднялся на небо (то есть умер), царевич вступил на престол и стал править Египтом.

Тогда Бата сказал:

— Пусть приведут ко мне всех вельмож, и я расскажу им все, что со мной случилось.

Собрались все вельможи. Привели туда и Шепсет. И Бата рассказал все, что с ним было, всю правду о том, как она велела срубить кедр, как заставила убить быка и срезать смоковницы. Судили ее вельможи, и признали они Шепсет виновной и наказали ее.

А Бата, когда стал фараоном, — да будет он жив, здоров и благополучен, — позвал к себе старшего брата Анупа и стал жить с ним во дворце.

Тридцать лет был Бата царем Кеми, и все люди любили его. А когда он покинул жизнь, его старший брат стал царем Кеми вместо него.

СКАЗКА ОБ ОБРЕЧЕННОМ ЦАРЕВИЧЕ

В этой сказке проявилась вера людей в то, что их судьба находится в руках всемогущих богов, и никто никогда не может уйти от предначертаний небесных сил. Беспомощность человека перед грозными явлениями природы и вековой несправедливостью на земле породила мысль о том, что воля богов определяет всю жизнь людей.

Жил некогда в Египте царь, и не было у него сыновей. Царь был очень опечален этим и постоянно молился богам, чтобы они подарили ему наследника. И вот однажды боги предсказали царю, что у него родится сын.

Прошло некоторое время, и сбылась воля богов — у жены царя родился мальчик.

Пришли во дворец семь богинь судьбы — Семь Хатхор — посмотрели на младенца и сказали:

— Он погибнет от крокодила, или от змеи, или от собаки.

Услышали это слуги, бывшие у колыбели ребенка, побежали они к царю и рассказали

²⁸ Титул наместника фараона в Нубии.

ему о предсказании богов.

Опечалился царь. Задумчиво смотрел он в окно вдаль — туда, где за рекой, в городе мертвецов, как неприступные скалы, высились пирамиды. Много столетий назад были они построены, и казалось, время и рок не властны над ними. И захотел фараон избежать предсказаний богинь судьбы. Он приказал построить на высокой горе в пустынном месте большой каменный дворец, богато обставил красивыми вещами из своего дворца, наполнил слугами и поселил в нем своего маленького сына. Дворец был окружен высокой стеной, и никогда не должен был выходить царевич из своего дома, верные слуги охраняли его жизнь.

Прошло много времени, мальчик рос в заточении. Он превратился в сильного и красивого юношу. Ни разу за все время не довелось ему выйти за ограду. Сколько не упрашивал он стражников открыть ворота, те оставались глухи к его просьбам.

Но вот однажды он поднялся на плоскую крышу своего дворца и увидел, что по дороге идет человек, а за ним бежит собака.

— Что это? Кто бежит за человеком, который идет по дороге? — спросил юноша у слуги, который стоял рядом с ним.

— Это собака, — ответил слуга.

— Она мне очень нравится. Принеси мне такую же собаку! — попросил юноша.

Что было делать? Пошел слуга во дворец к царю и рассказал ему обо всем.

Сильно огорчился царь и произнес:

— Что ж, от судьбы не уйти. Дайте ему маленького щенка, пусть не огорчается царевич!

И принесли юноше щенка.

Прошло еще немного времени. Щенок превратился во взрослого пса. Это был верный, преданный пес, самый надежный друг юного царевича. Послал царевич своего слугу к отцу и повелел передать ему такие слова:

— Зачем мне сидеть у себя во дворце? Мне предсказаны три судьбы. И что бы я ни делал по своему желанию, боги все равно сделают со мной то, что задумали! Так если мне суждено, лучше я умру на воле! Пусть мне будет дозволено остаток дней провести так, как я хочу. А я хочу отправиться в путешествие.

Сердце царя разрывалось от горя, но противиться воле сына он не стал. Он согласился с ним и разрешил ему путешествовать.

Юношу снарядили в путешествие. И дали юноше колесницу, запряженную лучшими лошадьми, боевое оружие и послали с ним верного слугу.

Переправили царевича на восточный берег Нила и сказали ему:

— Иди куда хочешь!

И захотелось царевичу отправиться на север, через пустыню, и собака его бежала за ним. Так шли они много дней и питались дичью, которую ловили в пустыне.

И добрался, наконец, царевич до царства Нахарины (в северной Сирии).

У царя Нахарина была единственная дочь. Он построил для нее дом и повелел сделать в нем окна на высоте семидесяти локтей от земли. И созвал царь сыновей всех правителей страны Хуру (в северной Сирии) и сказал им:

— Кто взберется в окно к моей дочери, тот станет ее мужем!

Прошло некоторое время. Ежедневно пробовали созванные юноши прыгнуть в окно, но никто не смог достигнуть царевны.

И вот пришел египетский царевич в этот город. Увидели его юноши и позвали его к себе, дали ему искупаться, накормили лошадей, дали хлеб его слуге. Они натерли тело царевича душистым маслом, перевязали раны на его ногах и наконец спросили его:

— Откуда ты, прекрасный юноша?

Царевич не захотел рассказывать им о своей судьбе и потому решил скрыть от них, кто он такой:

— Я сын военачальника из Египта, — сказал он. — Мать моя умерла, отец мой женился на другой женщине. Мачеха возненавидела меня, и я убежал от нее.

Тогда юноши обняли царевича и расцеловали его.

Когда прошло несколько дней, он спросил у юношей:

— Что делаете вы здесь в этом городе?

Они ответили ему:

— Мы пытаемся влезть в окно к царской дочери. Кто это сделает, тот станет ее мужем.

— И я хотел бы попробовать, — сказал царевич. — Когда отдохнут мои ноги, я попытаюсь это сделать.

Пошли юноши, как обычно, к дому царевны, и царевич отправился с ними и стоял в стороне, и смотрел, как они прыгают в окно. Вдруг царевна повернула голову и увидела египетского царевича. И был царевич так прекрасен собой, что царевна сразу полюбила его.

Через несколько дней пошел царевич с юношами, подошел к дому царевны, прыгнул высоко и вскочил через окно в комнату, где сидела дочь нахаринского царя. Она поцеловала и обняла царевича.

Побежал слуга к царю, чтобы обрадовать его этим известием:

— Один человек достиг окна твоей дочери!

Спросил царь:

— Чей он сын? Какой правитель его отец?

— Он сын египетского военачальника, он убежал из Египта от злой мачехи.

— Разве я отдам свою дочь замуж за беглеца из Египта? Пусть он возвращается обратно, пока я не приказал его обезглавить!

Пришли слуги к царевичу и передали ему повеление царя:

— Уходи туда, откуда ты пришел!

Но царевна воскликнула:

— Если его отнимут у меня, то, клянусь богом Ра, я перестану пить, есть и сразу умру!

Доложили об этом царю, и он приказал к вечеру убить юношу. Но царевна узнала об этом и сказала слугам:

— Клянусь богом Ра, как только солнце зайдет, я умру. Я не проживу ни часу дольше, чем юноша!

Опять передали царю ее слова, и приказал царь привести к нему юношу и свою дочь.

Испугался царевич и задрожал всем телом, когда увидел царя. Но царь, увидев, как он прекрасен, обнял его, расцеловал и сказал:

— Расскажи мне все о себе, юноша, ведь ты теперь для меня сделался родным сыном.

Ответил юноша царю:

— Я сын египетского военачальника. Моя мать умерла, а мой отец женился на другой женщине; она возненавидела меня, и я от нее убежал.

Тогда царь отдал ему в жены свою дочь и подарил им дом, и слуг, и поле, и скот, и много всякого добра. Юноша и его молодая жена поселились там и жили беззаботно.

И вот однажды, когда прошло уже много дней после того, как они поженились, рассказал царевич жене о своей судьбе, на которую он обречен:

— Мне предсказаны три судьбы: я погибну от крокодила, от змеи или от собаки!

— Так прикажи убить твою собаку, которая бежит за тобой! воскликнула молодая женщина.

— Я не могу поступить так, — ответил царевич. — Я взял ее маленьким щенком и сам вырастил ее! Этот пес — самое преданное мне существо. Если я его теперь убью, я стану предателем.

Царевна очень боялась за жизнь своего мужа, она оберегала его и никогда не позволяла ему выходить одному.

Захотелось однажды царевичу посетить Египет, и он отправился в дорогу вместе со своей женой.

Оба они не знали, что уже в тот день, когда они покинули Нахарину, крокодил, предназначенный судьбой царевичу, вылез из реки и последовал за ними. Остановился царевич со своей женой в одном городе, чтобы отдохнуть от путешествия. И крокодил

остался неподалеку в водоеме.

В том водоеме обитал водяной дух. Этот дух решил спасти сына царя и не давал крокодилу выходить на сушу.

Запер он крокодила в особое помещение и приставил к нему слугу-великана, который не давал крокодилу выходить оттуда. Только ночью, когда крокодил засыпал, шел великан на улицу, чтобы подышать воздухом, но как только всходило солнце, великан снова был на своем месте и сторожил отвратительное чудовище. И так продолжалось ежедневно в течение двух месяцев.

И вот однажды царевич весь день сидел дома. Когда наступила ночь, он лег на свою кровать и крепко уснул. Жена его наполнила чашу пивом и поставила ее на пол, а сама села около мужа и охраняла его сон. Вдруг из норы в полу вылезла огромная змея, чтобы укусить спящего юношу. Но царевна поставила перед змеей чашу с пивом. Змея напилась пивом, опьянела и заснула тут же на полу. Тогда царевна взяла топор, разрубила змею на части и после этого разбудила мужа.

— Смотри, бог отдал тебе в руки одну из твоих трех судеб! Он отдаст тебе и другие!

Царевич принес благодарность богу Ра и каждый день славил его в своих молитвах.

Через несколько дней пошел царевич погулять недалеко от дома, и, так как он никогда не выходил один, собака бежала за ним.

— Мой самый верный друг! Разве можешь ты меня убить? Нет. Судьба пошлет мне на погибель другую собаку.

— Нет! Я — твоя судьба! — вдруг прорычал пес человеческим голосом.

Пес оскалил зубы и прыгнул, норовя вцепиться в горло. Юноша едва увернулся от клыков и в ужасе бросился бежать, призывая на помощь.

Но пес бежал быстрее. Он уже готов был схватить юношу. Сын царя в страхе прыгнул в пруд.

И вдруг вылез крокодил, схватил царевича и потащил его. Крокодил утащил юношу на дно и принес в пещеру, где обитал водяной дух. Здесь он разжал челюсти и выпустил свою жертву.

— Я — твоя судьба! — проговорило водное чудовище. — Знай: я бы давно тебя убил, если бы не водяной дух. Я пощажу тебя, если ты мне поможешь убить водяного духа. Поблагодари его за то, что он оберегал твою жизнь, а сам исподтишка ударь его ножом.

— Нет! — гордо ответил сын фараона. — Пусть лучше я погибну, чем предам того, кто меня бескорыстно защищал.

— Тогда я убью тебя! Пусть свершится твоя судьба! Я убью и съем тебя завтра, — сказал крокодил и запер юношу в пещере.

И вот, когда наступил следующий день и лучи солнца озарили землю...

На этом месте оборван папирус, и мы не знаем конца сказки. Но его легко угадать. В таких сказках предсказание судьбы всегда исполняется. Царевич избежал смерти от змеи, собаки и, видимо, избежит ее от крокодила. Но скорей всего, царевич обязательно погибнет по другой причине, с которой собака, змея и крокодил связаны каким-нибудь неожиданным образом.

Возможно, мы так никогда и не узнаем, что же произошло с царевичем, если не найдут папирус, где будет окончание этой сказки.

ХИТРЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ ДЖХУТИ

Однажды в столицу Та-Кемет въехала колесница. Она с грохотом пронеслась по улицам, взвихривая пыль и отгоняя прохожих к заборам и обочинам.

Конями правил гонец войска фараона. И колесница, и конские крупы, и тело возничего — все было облеплено грязью. Видно было, что гонец проделал неблизкий путь.

Колесница остановилась у дворца фараона. Гонец спрыгнул на землю и сразу побежал в зал приемов.

Фараон в это время совещался со своими визирями и военачальниками. Сидя на троне, он выслушивал их доклады и отдавал приказы. Придворные стояли, затаив дыхание и боясь пошевелиться. И в этот момент вбежал гонец.

Фараон прервал свою речь, удивленно оглядел его с ног до головы и спросил:

— Откуда ты? Кто и зачем тебя прислал?

— О владыка, да живешь ты вечно! — сказал гонец. — О великий, могучий и несравненный сын богов! В городе Яффе, завоеванном тобой, вспыхнуло восстание. Правитель Яффы изменил тебе. Он собрал злоумышленников и возглавил их. Они перебили всех воинов твоего величества. Они разгромили все войска, которые пытались подавить мятеж.

Фараон молчал. Лицо его побледнело от гнева.

— Владыка! Прикажи послать в Яффу как можно больше войск, — взмолился гонец. — Только силой можно усмирить бунтовщиков.

— Клянусь жизнью и любовью ко мне бога Ра, я так и сделаю! воскликнул фараон.

Придворные закивали, спеша выразить свое горячее одобрение, и перебивая друг друга, стали расхваливать мудрость великого владыки, принявшего такое разумное решение. Каждый из придворных нет-нет да и поглядывал на фараона: слышит ли он его льстивые речи? Хорошо бы, чтоб услышал и наградил за верную службу.

И вдруг один из приближенных фараона, полководец Джхути, решительно шагнул вперед.

— О великий, которому весь мир воздает почести! — сказал он, смело глядя фараону в лицо. — Не надо посылать целые полчища против Яффы. Дай мне всего пятьсот воинов, и я разобью бунтовщиков в прах. Тем более что негде нам набрать большую армию для подавления мятежа, разве что вывести войска из какого-нибудь другого города и отправить в Яффу. Но тогда этот город останется незащищенным.

— Ты прав, верный мой Джхути! — воскликнул фараон. — Ты единственный служишь мне честно, а не выслуживаешься ради награды. Но скажи: как ты собираешься идти в бой с таким малым войском?

Джхути смиренно поклонился.

— Этот гонец сказал, что только силой можно усмирить бунтовщиков, ответил он. — Но гонец ошибается. Моя сила — это хитрость. Я одолею их хитростью.

— Что ж, — сказал фараон. — Я тебе верю. Отправляйся в поход.

Через несколько дней Джхути со своим отрядом прибыл в Сирию. Отряд встал лагерем неподалеку от Яффы, и Джхути послал в город гонца.

— Я слуга Джхути, полководца из Та-Кемет, — сказал гонец правителю Яффы. — Мой господин служил фараону верой и правдой, одержал во славу его величества много побед, выиграл пять кровопролитных сражений, — и вот благодарность: фараон назначил главным военачальником не Джхути, а вельможу, который заработал эту почетную должность ничего не делая, одним только своим сладкоречивым языком. Он не участвовал в боях, зато умело льстил фараону. Другой вельможа получил должность верховного советника. Третьего одарили богатыми подарками. А моему господину Джхути не досталось от фараона ничего! Вот как жестоко и несправедливо обидел фараон моего господина. Теперь он послал его воевать против тебя. Но Джхути затаил злобу на фараона, он хочет ему отомстить и перейти на сторону мятежников. Все это он велел тебе передать и ждет меня с ответом.

— Хвала богам! — вскричал правитель Яффы. — Как мне благодарить великого Ра за то, что Джхути, доблестный полководец, стал моим союзником!.. Но скажи, велик ли его отряд и хорошо ли он вооружен?

— Джхути привел сто человек на боевых колесницах, — сказал гонец. Теперь это все принадлежит тебе. Но отряд пришел издалека, люди и лошади устали. Прикажи открыть городские ворота и впустить нас в город, чтобы мы смогли отдохнуть и задать корм лошадям.

— Воистину, я так и сделаю! — правитель Яффы торжествующе, зло расхохотался. —

Я открою ворота перед отрядом Джхути, чтоб вооруженные воины спокойно въехали в город на боевых колесницах, застали мой гарнизон врасплох и перебили его на месте! Взять город без боя! Ловко придумано. Послушай, неужели вы все надеялись, что я поверю в эту выдумку? — и правитель Яффы, гордый тем, что так легко разгадал вражескую хитрость, засмеялся еще громче.

— Ты не веришь моему господину? Ты думаешь, что он тебя обманывает? спросил гонец.

Правитель Яффы неожиданно рассвирепел:

— Убирайся прочь, не то я велю повесить тебя вниз головой на площади!

Но гонец не уходил:

— А если воины Джхути отдадут тебе все сто колесниц и бросят к твоим ногам все оружие, — тогда ты согласишься, что мы не замысливаем никакого зла против тебя?

Правитель Яффы задумался.

«Значит, это все-таки правда, — сказал он про себя. — Доблестный Джхути в самом деле хочет перейти на мою сторону и воевать против фараона. Но если это так, мне очень повезло! Выходит, боги во главе с всемогущим Ра тоже на моей стороне! Теперь я сумею отразить любое войско».

— Скажи, — обратился он к гонцу, — почему Джхути выступил в поход с таким маленьким отрядом? Неужели фараон думал, что сто человек смогут захватить город? — и он подозрительно прищурился, глядя на гонца.

— Нет, фараон дал Джхути очень много воинов. Но все они разбежались, когда узнали, что Джхути намерен совершить измену. Остались только те, которые сами не любили фараона: те, кого фараон обделил землей или у кого сборщики налогов отобрали все имущество, так что он, дабы не помереть с голоду, был вынужден продать в рабство собственных детей, бросить дом и уйти служить в войско.

Услыхав такой ответ, правитель Яффы окончательно успокоился.

— Пусть доблестный Джхути сдастся мне, — сказал он. — Я буду ждать его в пустыне, к югу от города. Со мной будет отряд в сто двадцать человек. Пусть сперва придет Джхути и с ним не больше чем двадцать воинов. Пусть они принесут луки, мечи и копья всего отряда и бросят их к моим ногам. И только после этого могут прийти остальные воины — без оружия, пешком.

— Я передам моему господину Джхути твой приказ, — поклонился гонец. Все будет так, как ты хочешь. Воины придут без оружия, ведя под уздцы коней, а колесницы будут нагружены богатыми дарами.

Два часа спустя правитель Яффы, сидя в шатре, ждал прихода Джхути. Неподалеку от шатра отдыхали сто двадцать сирийских конников.

Но вот вдаль за клубилась пыль. Это возвращались дозорные, которых правитель Яффы выслал на разведку. На полном скаку всадники влетели в лагерь и осадили коней.

— Они идут, — доложили всадники правителю Яффы.

— Сколько их? — спросил тот.

— Двадцать безоружных воинов и сто колесниц, на которых они везут корзины с дарами. А впереди — Джхути.

— Хвала великому Ра! — вскричал правитель.

Когда Джхути пришел в лагерь, египетские воины сразу же бросили на землю оружие — копья, мечи, луки и колчаны со стрелами — и встали в стороне.

— Я привез тебе также богатые подарки: золото, серебро, драгоценные ожерелья и ларцы из черного дерева, — сказал Джхути, идя навстречу правителю Яффы. — Взгляни на эти корзины. Все они твои. А в руках у меня видишь? — жезл фараона Та-Кемет.

Приосанившись, с торжествующим видом правитель Яффы сделал Джхути знак, чтоб он положил жезл к его ногам. Джхути поклонился и, держа жезл в вытянутой руке, как бы нечаянно постучал им о камень. И, едва раздался стук, в тот же миг открылись корзины, и оттуда стали выскакивать вооруженные воины. Весь отряд Джхути — все пятьсот человек —

был здесь! Размахивая копьями, с грозным боевым кличем ринулись они на сирийских конников, безмятежно отдыхавших у костра. Запели стрелы в воздухе, понеслись вперед боевые колесницы. Ни один из сирийцев не успел вскочить на своего коня или выхватить меч из ножен. Многие из них сразу упали замертво, сраженные стрелами, а те, кто остался жив, в ужасе обратились в бегство.

— Взгляни на меня, побежденный злодей! — воскликнул Джхути, потрясая жезлом. — Вот жезл фараона! Великий владыка Та-Кемет, — да будет он жив, здоров и благополучен, — сразил тебя им!

Правителя Яффы связали, надели ему на шею деревянную колодку, а ноги заковали в кандалы. После этого Джхути сказал воинам:

— Полезайте опять в корзины и отравляйтесь к воротам Яффы. Привратникам скажите: Джхути захвачен в плен с остатками его войска, все воины обращены в рабов, и вот они везут во дворец трофеи. Стража вас пропустит. Когда въедете в город, сразу выскакивайте из корзин, хватайте всех жителей и вяжите их.

И вот сто боевых колесниц фараонова войска въехали в мятежную Яффу. Едва миновав городские ворота, воины тотчас открыли корзины, и спустя час все было кончено.

Поздно вечером Джхути отправил в Фивы гонца, велел ему передать фараону:

«Пусть возрадуется твое сердце, несравненный владыка Та-Кемет, — да будешь ты жив, здоров и могуч! Великий бог Ра, твой отец, покарал злодеев и отдал в твои руки изменника. Пришли нам людей, чтоб отвести в Та-Кемет пленных сирийских воинов, которые склоняются перед тобой в прах отныне и навсегда».

Так хитроумный Джхути с малым числом воинов усмирил мятежников.

ФАРАОН И ВОР

Фараон Рампсенит воевал очень много. Его сердце не знало страха, рука не ведала поражения. Недаром про него сложили такую песню:

Стреляет из лука он вправо,
Мечет копье он влево.
Сильнее один Рампсенит,
Чем сотни сотен отрядов.

Все соседние страны выплачивали фараону дань. Правители горных земель посылали окованные золотом колесницы. Страны, расположенные в низинах, отправляли узорные ткани с золотой бахромой. С островов поступали благовония и самоцветы.

Вскоре у Рампсенита скопилось так много богатств, что во дворце сделалось тесно.

Торопились на зов фараона вельможи и набивали себе синяки и шишки об углы сундуков. Прозрачные в блесках платья придворных красавиц цеплялись за ножки кресел. Слуги то и дело опрокидывали в тесноте ларцы. Крышки открывались, содержимое вываливалось на каменные плиты пола. Браслеты и кольца со звоном раскатывались в стороны — попробуй потом разыщи. Ожерелья из нежных фаянсовых бусин превращались в груды цветных осколков.

Рампсенит не раз высказывал недовольство. А когда оказалось, что дань, привезенную по Великой Зелени на трех кораблях, негде разместить, его величество, — да будет он здрав, силен и могуч! — приказал немедля позвать строителя.

Строитель явился, упал перед креслом владыки, поцеловал пол между ладонями.

— Я пришел по твоему приказу, о владыка, — да будешь ты здрав, могуч и благополучен!

— Поручаю тебе, — сказал Рампсенит, — возвести надежное здание рядом с моим дворцом.

— Прикажи — и скалы сдвинутся с места. Вымолви слово — и Нил выйдет из берегов.

Но с какой целью строится здание? Сколько должно быть в нем окон, сколько дверей? — спросил, не поднимаясь, строитель.

— Стены должны быть толстыми, двери из прочного дерева, окон вовсе не нужно. А для чего предназначено здание, знать тебе не положено.

Строитель был человек догадливый. Он мигом смекнул, что к чему. Однако работу исполнил на славу: стены глухие — тараном не разломать, двери медью обитые — топором не разбить. Ворам ни силой, ни ловкостью внутрь не проникнуть.

Рампсенит остался доволен и велел перенести в новое здание большую часть своих богатств. Строителю только того и нужно было. Сам он сокровищем не воспользовался, а перед смертью позвал двух своих сыновей и сказал:

— Оставляю вам не усадьбу с садом, не стада на лугу, а сокровищницу фараона. Можете ею распорядиться как собственным сундуком.

— Что ты говоришь, отец?

— Дети мои, слушайте меня внимательно. Я вам расскажу то, что в страхе скрывал от людей всю жизнь. Твердо запомните каждое мое слово, а уж потом, когда я умру, действуйте так, как сочтете нужным. Один из камней в наружной стене не скреплен с остальными. Вынуть его ничего не стоит. Запомните: третий ряд снизу, пятый по счету камень от северного угла. Третий снизу, пятый от угла.

Сказав так, строитель глубоко вздохнул, закрыл глаза и умер.

Спустя некоторое время после похорон зодчего его сыновья решили, что пора браться за дело. Темной ночью они вышли из дома и пробрались к сокровищнице. Без труда им удалось отыскать камень, что указал отец; они проникли внутрь и унесли столько золота, сколько могли поднять. Уходя, они не забыли задвинуть камень на место.

А стражники стояли, охраняя опечатанные двери сокровищницы, и ни один из них не слышал, что творится внутри.

Утром в сокровищницу наведалься Рампсенит. Он сразу увидел, что золота стало меньше, и закричал на стражей:

— Бездельники, воры! Куда подевалось золото?

Стражи от страха чуть на пол не попадали, забегали, заметались, вместо дверей в стены толкаться начали. Наконец осмотрели все и докладывают:

— Двери не сломаны, запоры не сорваны, печати висят на месте.

— Как же проникли грабители?

— Знать не знаем, ведать не ведаем.

На следующий день Рампсенит снова проверил сокровищницу — золота вновь поубавилось. Проверил он на третий день — снова нехватка. Разгневался фараон.

— Расставьте повсюду капканы, — сказал он со злостью.

Так и сделали, как приказал фараон.

Братья ничего дурного не подозревали. Дождались они ночи и поспешили на тайный промысел. Но только проникли в сокровищницу, старший тут же попался в ловушку. Капкан с лязгом захлопнулся. Младший брат все руки в кровь изодрал, пытаясь вызволить старшего, но ничего не вышло. Крепким оказался фараонов капкан.

— Уходи! — твердо сказал старший брат. — Мне спастись не удастся.

— Что ты, — плача, воскликнул младший, — разве брошу тебя в беде?

— Меня все равно казнят. И ты погибнешь, если останешься. Зачем нам гибнуть обоим? Уходи, не медли. Я старший в роду, и ты не смеешь ослушаться.

Младшему брату ничего другого не оставалось, как выполнить волю старшего.

Утром явился в сокровищницу Рампсенит. Видит: запоры не тронуты, двери не взломаны. А в капкан угодил вор.

Разгневался Рампсенит, кликнул стражу:

— Эй, стража! Отведите вора в темницу, допросите с пристрастием и казните у городской стены!

Младший брат узнал, когда старшего поведут на казнь. Стал он думать, как

изловчиться и брата отбить.

Думал-думал и вот что надумал. Хранился у него заветный сосуд с настоем дурман-травы. С виду — простая водица, а на деле — капля настоя буйвола вгонит в сон. От двух капель — гиппопотам задремлет. Разлил младший брат настой по бурдюкам с красным соком, давленным из спелого винограда, навьючил осла и погнал к городской стене. Видит: стражи ведут старшего брата. Поравнялся он с ними и незаметно вынул затычки из трех бурдюков. Сладкие струи с силой забили по сторонам.

— Ох! — закричал хитрец. — Помогите, спасите! Пропал мой сок, в землю уходит!

— Не ори, деревенщина, простофиля. Такому горю мигом поможем, расхохотались стражи и давай подставляя под струи ладони, а то и просто раскрытые рты. — Видишь, ни капли на землю не льется.

— Пропал мой сок! — заорал хитрец громче прежнего, а сам незаметно открыл еще три бурдюка.

Хлынул сок в разные стороны. Стражи от смеха за животы схватились.

Через малое время все было кончено. Стражи повалились на землю и захрапели с присвистом. Хитрец только того и ждал. Он развязал старшего брата и помог ему сесть на осла. Но прежде чем тронуться в путь, он обрезал у каждого стража по правому усу. Пусть запомнят, как лакомиться чужим добром.

Когда во дворце стало известно, что вор бежал, а стражи навек опозорены, его величество фараон призадумался. Во что бы то ни стало захотел он узнать, кто этот отважный хитрец. Но как изловчиться поймать неуловимого? Рампсенит думал-думал и вот что надумал.

Во все стороны стовратной столицы помчались вестники с царским указом.

— Его величество фараон, — да будет он здоров, силен и могуч! — отдаст свою дочь в жены тому, кто окажется самым хитрым во всем Египте! прокричали вестники на базарной площади.

— Царевна достанется самому ловкому из пройдох! — возгласили они у переправы.

— Хитрецы и обманщики, спешите во дворец. Самого ловкого там ожидает счастье, — раздавалось всюду, где собирался народ.

Пока вестники объявляли жителям стовратной столицы фараонову волю, сам фараон позвал к себе дочь и сказал:

— Каждого, кто придет к тебе свататься, спрашивай о его самой хитрой проделке. И того, кто скажет: «Я одурачил стражей», немедля вели хватать.

Царевна ослушаться не посмела. Каждому, кто приходил к ней свататься, она говорила:

— Расскажи о самой хитрой твоей проделке.

— Я обманом оттягал половину соседской земли.

— Я золочу браслеты из меди и сбываю как золотые.

— Я надул заезжего торговца, подсунул вместо зерна сто мешков с песком.

Нет, не могли эти мелкие плутни сравниться с проделками хитреца. А тому не терпелось вновь провести фараона. Он запасся рукой от высохшей мумии, спрятал под складчатый плащ и смело отправился во дворец.

— Кто ты, как прозываешься и зачем пожаловал? — спросили его привратники.

— Я — плут. Хитрецом прозываюсь, а пожаловал одурачить его величество фараона, — да будет он здоров, силен и могуч!

— Проходи, не задерживайся в воротах.

Юноша вступил во дворцовый зал с сорока цветными колоннами, а навстречу царевна выходит. Платье в золотых блесках колышется от мелких шажков. Плащ, перекинутый через руку, шуршит золотой бахромой.

Первый раз в жизни юноша растерялся. Никогда он не видел подобной красавицы. Глаза у царевны синевой отливают, тонкие брови взметнулись, как два крыла, пухлые губки бутон лотоса напоминают. Глаз отвести невозможно. А царевна подошла совсем близко и спрашивает:

— Ты так молод, какую же хитрость ты успел совершить, что пришел ко мне свататься?
— Правда твоя, царевна, хитрость моя невеликая. Я лишь стражей побрил да брата отбил. А что мы с братом сокровищницу твоего отца слегка разгрузили, так о таком пустяке и говорить не стоит.

Догадалась царевна, кто к ней пожаловал, но виду не подала. Сказала приветливо:

— Воистину ты самый ловкий человек во всем Египте. Дай твою руку и пойдём к отцу.

Хитрец протянул руку, да не свою, а мумии. В полумраке царевна не разглядела, вцепилась и как закричит:

— Стражи, сюда!

Стражи ворвались, думали вора схватить. А вместо того увидели царевну, едва живую от страха, с костлявой кистью в руках.

Где же ловкач? Того уж и след простыл.

Рассказала царевна фараону о том, что произошло. Рампсениту по нраву пришлись ум и отвага юноши. Он снова послал своих вестников огласить во всех уголках стовратной столицы новый фараонов указ.

— Даруется прощение ограбившему сокровищницу! Все проделки забыты. Пусть похитивший брата явится во дворец! — возглашали вестники на площади и у переправы.

Юноша поверил и отправился во дворец. На этот раз он явился без всякого плутовства. Рампсенит тоже хитрить на стал. Увидев, как молод обманщик, фараон рассмеялся и сказал:

— Поистине нет никого умнее тебя.

— Слово владыки не возражают, — нашелся и тут хитрец.

— Хочешь взять в жены царевну?

— Не было бы никого глупее меня, если бы я отказался.

— Отдаю за тебя свою дочь. Живите в любви и согласии.

Семь дней, семь ночей длился веселый пир. Рампсенит на свадьбу золота не пожалел. Столы ломились от яств. Плясали и пели во всех городах до самых краев страны.

КОРШУН И КОШКА

Когда-то в давние времена жил на вершине дерева коршун. В пышной лиственной кроне он свил гнездо и выращивал птенцов. Но редко ему удавалось досыта накормить своих маленьких, пушистых, еще не оперившихся коршунят. Бедные птенцы жили почти впроголодь: коршун боялся улетать из гнезда за кормом для детей, поскольку у подножия дерева жила кошка с котятками. В отсутствие коршуна она могла вскарабкаться по стволу к гнезду и передуть коршунят. Но и кошка не осмеливалась покидать свое логово: ведь ее котят мог унести голодный коршун.

Так продолжалось довольно долго, и вот как-то раз коршун слетел вниз и обратился к кошке:

— От того, что мы не доверяем друг другу, и тебе и мне только тяжелей живется, — сказал он. — Что проку во вражде? Лучше будем добрыми соседями! Поклянемся перед лицом великого бога Ра, что если один из нас отправится за кормом для своих детей, другой не причинит им никакого зла.

Кошка с радостью согласилась. Призвав в свидетели солнечного бога, соседи принесли священную клятву: жить отныне в мире и согласии.

И началась для коршуна и кошки новая жизнь — спокойная, сытая, без прежних волнений и тревог. Каждый смело покидал свой дом, отправляясь за кормом для детей. Котята и коршунята больше не голодали.

Но недолго суждено было длиться дружбе и согласию.

Вернувшись однажды домой, кошка увидела своего котенка плачущим. Коршун отобрал у него кусок мяса и отдал одному из своих птенцов.

Разгневалась кошка.

— Это ему даром не пройдет! — воскликнула она. — Я отомщу коварному предателю!

Она притаилась под деревом, дождалась, пока коршун улетит из гнезда, вскарабкалась на ствол и вонзила в коршуненка свои когти.

— Откуда у тебя это мясо? — зловеще прошипела она, вздыбив шерсть на загривке. — Я его добыла и принесла для своих детей, а не для тебя!

— Я ни в чем не виноват! — воскликнул перепуганный коршуненок. — Я не летал к твоим котяткам! Если ты расправишься со мной или с моими братьями, великий Ра жестоко накажет тебя за клятвопреступление!

Вспомнив про клятву, кошка устыдилась и разжала когти. Но едва коршуненок почувствовал, что его больше не держат, он, все еще объятый страхом, рванулся, не рассчитав своих сил — и выпал из гнезда. Он не умел летать, даже крылышки его еще не успели обрасти перьями. Беспомощно трепыхаясь, он упал к подножию дерева и остался лежать на земле.

Когда коршун вернулся к гнезду и узнал, что случилось во время его отсутствия, он пришел в неопишумую ярость.

— Я отомщу! — воскликнул он. — Я отомщу этой предательнице кошке убью ее котят!

И он стал следить за кошкой, лелея в сердце мечту о кровавой расправе над ни в чем не повинными котятками. И вот однажды, когда кошка покинула ненадолго свое логово, коршун издал воинственный клич, слетел с дерева, похватал котят в когти и унес в свое гнездо. Там он убил их всех до одного, разорвал на кусочки и скормил птенцам.

Вернувшись и обнаружив, что котят нет, кошка едва не обезумела от горя. В отчаянии воззвала она к солнечному Ра:

— О великий владыка! Мы поклялись тебе священной, нерушимой клятвой, и ты видел, как злодей нарушил ее. Рассуди же нас!

И бог солнца услышал мольбу несчастной кошки. Он призвал к себе богиню Возмездия и велел обрушить на голову клятвопреступника самую чудовищную кару.

Через несколько дней коршун, паря в небе и высматривая сверху добычу, увидел охотника, который жарил на костре дичь. Голодный коршун подлетел к костру, схватил кусок мяса и понес его в гнездо, не заметив, что к мясу прилип раскаленный уголек.

И вот от этого уголька гнездо коршуна вспыхнуло и занялось ярким пламенем! Тщетно молили птенцы о помощи, тщетно метался коршун вокруг огня. Гнездо, а следом за ним и дерево сгорели дотла.

Когда пламя погасло, к дымящемуся пепелищу подошла кошка.

— Клянусь именем Ра, — сказала она, — ты долго вынашивал свой подлый замысел. А я даже теперь не трону твоих птенцов, хотя они так аппетитно поджарились!

Так кончилась вражда коршуна и кошки. Так же может кончиться и спор любых людей, у которых не хватает разума договориться обо всем честно и сполна.

СКАЗКИ О САТНИ-ХЕМУАСЕ И ЕГО СЫНЕ СА-ОСИРИСЕ

Много времени тому назад у одного фараона был взрослый сын. Звали его Сатни-Хемуас. Этот Сатни-Хемуас слыл великим мудрецом. Он был самым лучшим лекарем в стране Та-Кемет, самым искусным магом и звездочетом, знал даже те заклинания, которые не были известны верховному жрецу бога мудрости Тота.

Молва о Сатни-Хемуасе облетела мир. Во всех городах, на всех языках люди повторяли его имя, передавали его из уст в уста, рассказывали о великом маге детям. Иноземные мудрецы приезжали за советом к Сатни-Хемуасу.

Дом Сатни-Хемуаса стоял в живописном месте на горе. Это был высокий просторный дом с увитой плющом террасой, где можно было наслаждаться прохладой в знойные дни, встречать восход Ладьи Вечности поутру и любоваться закатами по вечерам. Ни в чем не знал Сатни-Хемуас недостатка. Амбары его ломились, сокровищница была полна, его окружали верные слуги, готовые выполнить любое желание своего господина. И была у него красавица жена по имени Мехитуасехет. Только детей не дали боги Сатни-Хемуасу и его

жене. Это их очень печалило. День и ночь просили супруги богов даровать им детей, приносили жертвы и воскурjali благовония.

И вот однажды Мехитуасехет пришла в храм великого Птаха и обратилась к богу с молитвой.

— О великий Птах! — взывала она, стоя на коленях и воздев руки. Услышь мою мольбу. Пошли мне сына или дочь!

Но каменная статуя безмолвствовала. Вновь и вновь Мехитуасехет оглашала храм мольбой; много часов простояла она на коленях перед жертвенником, пока наконец ее не сморил сон. Женщина склонила голову на каменный постамент и задремала.

И вот во сне услышала она голос, который говорил:

— Слушай меня внимательно, Мехитуасехет! Пробудись, встань и иди домой. Завтра утром в твоём доме вырастет стебель дыни. Свари из него питье и выпей.

Мехитуасехет проснулась. Она поняла, что это был вещий сон. Возблагодарила женщина Птаха и бегом устремилась к дому.

На пороге ее встретил Сатни-Хемуас. Завидев бегущую Мехитуасехет, он воскликнул:

— Радуйся, жена! Мне только что снился вещий сон! У нас родится сын! Боги повелели дать ему имя Са-Осирис и предсказали, что он совершит множество чудесных подвигов.

Мехитуасехет решила не говорить мужу про то, что с ней случилось в храме Птаха. Она прошла в дом. Всю ночь она не могла уснуть от волнения и, едва забрезжил рассвет, побежала осматривать комнаты.

В самой маленькой комнате вырос тонкий стебелек. Это и был предсказанный во сне стебель дыни. Женщина сделала все так, как повелел Птах в вещем сне: сорвала стебелек, сварила зелье и выпила.

И вот год спустя у нее родился сын. Мальчика назвали Са-Осирисом.

Маленький Са-Осирис рос так быстро, что не только лекари и знахари в недоумении разводили руками, но даже сам мудрый Сатни-Хемуас — и тот не переставал удивляться. Когда Са-Осирису исполнился год, все, кто видел его, говорили: «Ему два года», а когда он достиг двухлетнего возраста, всем уже казалось, что это пятилетний мальчик. Сатни-Хемуас очень любил своего сына и каждый день подолгу с ним играл в саду.

Когда Са-Осирис подрос и окреп, его отдали на обучение в школу при храме. Прошло совсем немного времени, и он уже знал столько же, сколько и его учителя. Прошло еще время, и Сатни-Хемуас стал знать гораздо больше, чем все его наставники. Еще через год мальчик состязался в знаниях с лучшими чародеями страны. Сам фараон, — да будет он здрав, могуч и благополучен, — присутствовал на этом состязании! И умудренные старцы вынуждены были признать полное превосходство Са-Осириса.

Тогда Сатни-Хемуас, слывший величайшим из мудрецов, сам стал обучать Са-Осириса. Однако и Сатни-Хемуас вскоре понял, что мальчика попросту нечему учить — он уже знает все.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАГРОБНОЕ ЦАРСТВО

Однажды Сатни-Хемуас и его сын Са-Осирис отдыхали на террасе дома. Солнце уже клонилось к западу. Был приятный, тихий вечер.

Вдруг воздух наполнился криками, горестными стонами и плачем. Сатни-Хемуас взгляделся вдаль.

Хоронили богатого горожанина. Кедровая ладья везла через Нил роскошный гроб, украшенный золотом и драгоценностями. Подле гроба надрывались плакальщицы. А позади погребальной ладьи плыло великое множество лодок. Это друзья и родственники провожали богача в его вечное жилище.

— Посмотри теперь туда, отец, — тронул его за плечо Са-Осирис.

Сатни-Хемуас повернулся и посмотрел туда, куда показывал его сын.

Неподалеку от грузовой пристани, в углой тростниковой лодчонке везли на запад

умершего бедняка. Тело его было завернуто в грубую циновку. И никто не пришел проводить умершего в последний путь. Только лодочник устало греб веслом, да плачущая вдова сидела рядом.

— О Осирис! — воскликнул Сатни-Хемуас, отводя взгляд от этого тягостного зрелища. — Великий бог Дуата! Сделай так, чтоб мне воздали в твоём Царстве, как воздают тому богачу, и да не постигнет меня участь бедняка!

— Нет, отец, — возразил Са-Осирис. — Ты получишь в Дуате то, что получит бедняк.

Сатни-Хемуас удивился. Некоторое время он не мог вымолвить ни слова.

— Не ослышался ли я?! — воскликнул наконец он. — Неужели это слова сына, который любит своего отца?

— Прости меня, отец, но это будет именно так, — промолвил Са-Осирис. Пойдем, я покажу тебе то, что не дано видеть живым.

Он взял отца за руку и потянул его за собой. Удивленный Сатни-Хемуас пошел следом за сыном.

Они переправились через Нил и очутились в городе мертвых, среди жертвенников и заупокойных молелен. Са-Осирис приблизился к подножию скалы, остановился и прошептал заклинание.

В тот же миг раздался страшный грохот. Земля разверзлась, и Сатни-Хемуас увидел огромную пещеру.

— Эта пещера ведет в Преисподнюю, — сказал Са-Осирис и взял отца за руку.

Они вошли в огромный полутемный зал. Здесь, при колеблющемся свете факелов, сгорбившись, сидели какие-то люди. Их было так много, что невозможно было сосчитать. Люди сидели на полу, теснились вдоль стен, их ряды терялись в полумраке подземелья.

Все были очень заняты. Они сучили веревки из волокна, их пальцы были содраны в кровь, но позади людей стояли ослы и пожирали эти только что сделанные веревки.

Как зачарованный смотрел на это Сатни-Хемуас, пока Са-Осирис опять не потянул его за собой.

— Пойдем дальше, отец, — шепотом промолвил он.

Они подошли к двери, которая вела в следующий зал. Сатни-Хемуас толкнул ее плечом. Дверь стала медленно открываться, и вдруг подземелье огласил душераздирающий крик.

Сатни-Хемуас замер, холод пробежал по его телу. В желтом свете горящих факелов он увидел, что на полу перед ним лежит человек. Нижний шип двери был воткнут в его глаз. Дверь медленно открывалась, и шип так же медленно, с хрустом поворачивался в его окровавленной глазнице.

Сатни-Хемуас содрогнулся от ужаса и попятился. Весь бледный, он вошел в следующий зал.

У самых дверей стояла на коленях целая толпа народу. Все с плачем молили о прощении. Вдали же, на почетных местах, сидели праведники.

Вдруг позади опять раздался истошный крик.

— Что это? — спросил Сатни-Хемуас. — От этого крика кровь стынет в жилах.

— Это еще один умерший открыл двери и вошел в Дуат, — ответил Са-Осирис. — Всякий раз, когда открывается дверь, шип поворачивается в глазу того человека... А сейчас мы войдем в Великий Чертог Двух Истин!

И они вошли в зал Загробного Суда.

Здесь посреди зала на троне царственно восседал сам владыка Преисподней. У Трона стояли Тот, Маат и Хатхор. Они следили за тем, как Анубис взвешивает сердце умершего на весах. А в темной пещере, в самом углу зала, хищно пылали два глаза. Это чудовищная Амнат затаилась там в нетерпеливом ожидании, готовая, как только бог мудрости огласит обвинительный приговор, броситься на жертву и растерзать ее.

И еще Сатни-Хемуас заметил возле трона Осириса какого-то человека, облаченного в одежды из тончайшего полотна. Запястья его рук украшали драгоценные браслеты с

изображениями богов, а на груди блестел лазуритовый амулет в виде жука-скарабея.

— Отец мой Сатни, — тихо проговорил Са-Осирис. — Видишь ли ты благородного человека, который стоит на почетном месте около владыки умерших? Это и есть тот самый бедняк, которого хоронили безо всяких почестей и везли на запад в убогой лодчонке, завернутого в грубую циновку. Это он! Его привели на Суд, взвесили его сердце и нашли, что содеянное им добро перевешивает зло. Но в земной жизни на его долю выпало слишком мало радостей. Поэтому боги велели отдать бедняку погребальное убранство богача, которого хоронили с роскошью и почестями. Ты видишь, отец: бедняка поместили среди чистых душ умерших.

— А где же богач, что случилось с ним?

— Ты видел и богача, отец мой Сатни! Дверной шип торчит в его глазу. Вот почему я сказал тебе: «С тобой поступят так же, как с бедняком, и да минует тебя доля богача».

— Сын мой Са-Осирис! — воскликнул Сатни-Хемуас. — Немало чудес видел я в Дуате! Но объясни мне: кто те люди, которые беспрерывно вьют веревки, и почему эти веревки пожирают ослы?

— Знай, — ответил Са-Осирис. — Люди, которые вьют веревки, — это подобие тех, над кем на земле тяготеет проклятие богов. Они трудятся день и ночь, стараясь увеличить свое богатство, но золото утекает, как вода сквозь решето, и у них не хватает даже хлеба, чтоб досыта наесться. Когда они приходят в Дуат и выясняется, что их злодеяния многочисленнее добрых дел, боги обрекают их на то же, что было и на земле. Тем, кто на земле творил добро, здесь тоже воздается добром, а тем, кто совершал зло, воздается злом. Так было, так есть — и не изменится никогда!

С этими словами Са-Осирис взял отца за руку и вывел его из подземелья.

СА-ОСИРИС И ЧАРОДЕЙ ИЗ ЭФИОПИИ

Это удивительное событие произошло в последний год жизни Са-Осириса. Мальчику тогда исполнилось всего двенадцать лет.

Однажды к отцу Сатни-Хемуаса, к великому фараону Та-Кемет, прибыл чернокожий гонец из Эфиопии.

Войдя в зал приемов, гонец поклонился всем присутствующим, поклонился фараону и протянул ему свиток папируса.

— Кто может прочесть этот папирус, не разворачивая его и не повредив печати? — спросил он и насмешливо оглядел зал. — Даю вам десять дней. Через десять дней я снова буду здесь. Если окажется, что в Та-Кемет нет столь искусных мудрецов, которым это под силу, то пусть ваша страна будет посрамлена навеки и пусть признает она превосходство Эфиопии!

Сказав это, гонец поклонился, еще раз окинул насмешливым взглядом всех присутствующих и вышел.

Придворные мудрецы и маги стояли, словно окаменев. Никто не решался поднять глаза, ни у кого не хватало смелости заговорить первым.

Молчание нарушил сам фараон.

— Я жду вашего ответа, мудрецы, — проговорил он с тревогой в голосе. Неужели же ни один из вас не в силах тягаться с презренной страной варваров?

Мудрецы угрюмо потупили взгляды. Фараон посмотрел на сына. Но Сатни-Хемуасу тоже было нечего сказать.

— Сын мой Сатни! Что это? Или даже тебе не справиться с такой задачей? — воскликнул изумленный фараон.

— Да, владыка, — да будешь ты жив, здоров и могуч, — признал Сатни-Хемуас, — кто же может прочесть послание, не разворачивая папирус? Но эфиопский посланник дал нам десять дней сроку. Я сделаю все, что в моих силах, чтоб не пришлось Египту признать превосходство Эфиопии.

Фараон нахмурился. Сатни-Хемуас отвесил низкий поклон и ушел домой.

Близился вечер. Вот уже несколько часов Сатни-Хемуас сидел на террасе в кресле, в мрачной задумчивости уставившись в одну точку и ничего вокруг не замечая. Мехитуасехет не тревожила мужа, боясь прервать течение его мыслей.

Но вот стали загораться звезды. Пора было идти спать, а Сатни-Хемуас все так же неподвижно сидел. Тогда Са-Осирис подошел к отцу и спросил:

— Отец мой Сатни, скажи, чем ты так угнетен? Может быть, я сумею тебе помочь?

— Оставь меня, сын, — хмуро ответил Сатни-Хемуас. — Ты еще слишком мал, и незачем тебе знать, какая забота у меня на сердце.

Но Са-Осирис не оставил отца в покое. Он надоедал ему своими вопросами до тех пор, пока Сатни-Хемуас наконец не сдался и не рассказал про эфиопского чародея.

— И вот теперь я думаю, как прочесть этот папирус, — закончил свой рассказ Сатни-Хемуас, тяжело вздохнул и умолк.

Са-Осирис разразился смехом.

— И ты смущен из-за такого пустяка! — воскликнул он. — Встань, отец. Я прочту это эфиопское послание.

Сатни-Хемуас гневно посмотрел на сына. Но тот продолжал смеяться. Гнев Сатни-Хемюаса постепенно сменился удивлением. Немного подумав, он кликнул раба:

— Принеси мне из дома какой-нибудь папирус!

Когда раб вернулся и с поклоном подал свиток, Сатни-Хемуас сказал сыну:

— А ну-ка прочти, что здесь написано.

— Это «Книга Мертвых», — ответил Са-Осирис и, не развернув папируса, стал его читать. Он читал до тех пор, пока Сатни-Хемуас сам его не остановил.

— Достаточно! — закричал Сатни-Хемуас. — Сын мой! Завтра же мы идем к фараону, завтра же посрадим перед его величеством посланца варварской страны!

На другое утро все придворные мудрецы и маги во главе с Сатни-Хемюасом собрались в зале приемов. Фараон распорядился привести эфиопа.

Вскоре вошел эфиопский посланник. Бережно прижимая к груди, он нес свое загадочное послание. Не скрывая презрительной ухмылки, он оглядел всех и подал Сатни-Хемюасу папирус.

Сатни-Хемюас тут же передал свиток сыну.

Глаза эфиопа расширились от изумления, когда до него дошло, что папирус собирается читать двенадцатилетний мальчик.

— Читай же! — приказал фараон, и Са-Осирис стал читать то, что было написано в папирусе:

«Было это в давние времена. Однажды царь Эфиопии, отдыхая в беседке на берегу пруда, услышал неподалеку голоса. Какие-то люди тихо разговаривали в зарослях. Царь прислушался.

— Если б меня не страшило возмездие, исходящее от великого Ра, молвил первый голос, — я бы напустил на жителей Та-Кемет свои чары и сделал так, что их поля на три года стали бы неплодородными.

— Им не страшен неурожай, — со знанием дела возразил второй голос. На случай голода в их амбарах хранятся богатые запасы зерна... Нет! Чтоб унижить Египет и доказать его ничтожество перед Эфиопией, надо сделать из их страны посмешище. Смех губительней всего на свете! Тот, с кем жестоко расправились, вызывает в людских сердцах сострадание и жалость. Но никогда не пожалеют того, кто смешон!.. Вот если бы ты мог, к примеру, сделать так, чтоб их владыку, фараона, высекли розгами на глазах у всего народа...

— Я могу это сделать! — воскликнул первый голос. Царь Эфиопии не стал слушать дальше. Он сразу же бегом устремился к зарослям, туда, где раздавались голоса. В кустах акации беседовали два молодых эфиопа.

— Который из вас сказал, что может высечь владыку Та-Кемет на глазах у рабов и черни? — нетерпеливо потребовал ответа царь, глядя то на одного, то на другого.

— Я это сказал, — не сразу последовал ответ. — Меня зовут Гор. Я сын негритянки.

Так соверши же свое волшебство, Гор, и я тебя щедро награжу!..»

Са-Осирис замолчал, поднял глаза и пристально посмотрел на эфиопа.

— Да покарает тебя великий Ра! — сказал он. — Это ли написано в твоём папирусе?

— Это, — тревожно озираясь, подтвердил эфиоп. Он упорно избегал взгляда мальчика. — Продолжай.

«Гор — сын негритянки слепил из воска носилки и четырех носильщиков, стал читать дальше Са-Осирис. — Затем Гор — сын негритянки произнес над восковыми фигурками заклинание, оживил их и приказал им:

— Отправляйтесь в Та-Кемет. Принесите сюда фараона, дайте ему здесь, при всем народе, пятьсот ударов розгами и унесите обратно. Все это вы должны сделать не больше чем за шесть часов.

И вот порождения эфиопского чародея ночью отправились в долину Нила. Они проникли в покои властителя, схватили его, связали, швырнули на носилки и бегом помчались в Эфиопию. Здесь они избили фараона розгами и гиппопотамовыми плетками и той же ночью унесли обратно в Та-Кемет.

Наутро фараон вызвал своих приближенных.

— Я велю казнить начальника дворцовой стражи и всех, кто стоял ночью в карауле! — воскликнул он в негодовании. — Как могло случиться, что в спальню моего величества беспрепятственно проникли враги?! Они унесли меня в Эфиопию и там избили плетками. Клянусь всемогущим богом Птахом, все было так, как я говорю!

Придворные изумленно переглянулись: не помутился ли у фараона разум?

— О владыка, — да будешь ты жив, здоров и могуч! О наше солнце! проговорил один из них. — Не печалься. Великая Исида исцелит твой недуг. Прикажи послать за лекарем.

— Вы думаете, я сошел с ума? Так поглядите же!

И фараон показал свою жестоко избитую спину. Вся спина была в синяках и кровоподтеках.

У всех, кто был в зале, невольно вырвался крик изумления.

Но тут к фараону подошел придворный мудрец, чародей и хранитель папирусов Гор — сын Па-Неше.

— Владыка, — да будешь ты жив, здоров и могуч, — сказал он. Начальник стражи невиновен. Это эфиопские чародейства. Но, клянусь жизнью, я проучу злодея!..»

Тут Са-Осирис снова прервал чтение:

— Верно ли я читаю то, что написано в папирусе, презренный эфиоп? Отвечай!

Эфиоп стоял сжавшись, склонив голову. Колени его дрожали.

— Каждое твое слово правда, мальчик, — еле слышно пролепетал он.

Са-Осирис стал читать дальше.

«Гор — сын Па-Неше дал фараону перстень с амулетом. Ночью скороходы Гора — сына негритянки опять проникли во дворец, чтобы унести фараона в Эфиопию и там избить плетями. Но они не смогли одолеть чудодейственной силы амулета и ушли ни с чем.

Зато эфиопский царь был похищен в ту ночь! Гор — сын Па-Неше тоже слепил из воска четырех носильщиков и повелел им принести царя Эфиопии в Та-Кемет, всыпать ему при всем народе пятьсот ударов плетью и унести обратно.

Утром царь Эфиопии призвал к себе Гора — сына негритянки, показал свою жестоко избитую спину и напустился на чародея с криком:

— Посмотри, что сделали со мной в Египте! Видишь?! Клянусь: если ты не сумеешь впредь уберечь меня от их волшебства, я тебя предам самой лютой казни!

Гор — сын негритянки изготовил свои талисманы и отдал их царю. Но едва наступила ночь, восковые скороходы Гора — сына Па-Неше вновь явились в Эфиопию, унесли царя и опять высекли его при всем народе.

И на следующую ночь повторилось то же самое.

Эфиопский царь пришел в отчаяние.

— Горе тебе, злодей! — визжал он, потрясая кулаками. — Из-за тебя я претерпел от египтян столько унижений! Клянусь всемогущими богами, завтра на рассвете тебя казнят! Эй, стража!

— Господин мой и повелитель! — в слезах воскликнул Гор — сын негритянки. — Если ты велишь меня казнить, кто другой спасет тебя от восковых скороходов? В Эфиопии нет больше мудрецов, кроме меня. Дозволь отправиться в Та-Кемет. Я должен увидеть и убить этого чародея.

Царь подумал и наконец произнес:

— Хорошо, ступай. Даю тебе полмесяца строку.

Гор — сын негритянки поклонился и, пятась, вышел из покоев.

В тот же день он снарядился в путешествие и отправился в Та-Кемет. Путь ему предстоял далекий. Лишь через несколько дней он достиг фараонова дворца.

Стража угрожающе выставила копья ему навстречу. Но Гор — сын негритянки околдовал охранников и спокойно прошел в покои владыки.

— Эй! Кто здесь осмелился чародействовать против моего царя?! закричал он на весь дворец. — Выходи, презренный! Я бросаю тебе вызов: мы будем состязаться в искусстве колдовства!

На шум сбегались придворные, потом пришел и сам фараон. Увидев эфиопского колдуна, все испуганно притихли.

— Где же ты? Или ты боишься? Отзовись! — продолжал кричать Гор — сын негритянки, с презрительной усмешкой глядя в лицо то одному, то другому придворному из свиты фараона.

— Я здесь! — раздалось в ответ, и в тот же миг в зале невесть откуда возник Гор — сын Па-Неше.

— Значит, это ты чародействуешь против меня, шакал! — оскалась, проговорил Гор — сын негритянки. — Прокляни же тот час, когда ты появился на свет.

Он произнес магическое заклинание, и вдруг посреди зала взвился огненный вихрь. Мгновение спустя уже весь дворец был охвачен пламенем. Каменные колонны горели точно сухая древесина.

Тогда Гор — сын Па-Неше сотворил свое заклинание. Едва он произнес его, с неба хлынул ливень и загасил огонь.

Эфиоп пришел в ярость. Он взмахнул рукой — и вся земля Та-Кемет погрузилась в темноту. Стало холодно.

Вопли ужаса огласили дворец. Но Гор — сын Па-Неше только усмехнулся. Он тронул рукой волшебный талисман — и над землей снова засверкало солнце.

Эфиоп даже засопел от гнева. На лбу его вздулись жилы, похожие на узловатые веревки. Он опять что-то пробормотал — и внезапно вокруг фараона выросла каменная стена.

— Вот гробница для вашего повелителя! Он жив, но навеки замурован!

Гор — сын негритянки торжествующе оглядел собравшихся. Но не прошло и минуты, как сложенная из гигантских глыб стена растаяла, словно туман.

И понял наконец эфиоп, что не под силу ему бороться с египетскими чародеями. В страхе он пролепетал заклятие, сделался невидимым и бросился из дворца вон.

Но Гор — сын Па-Неше успел схватить его за шею:

— Вот он, эфиопский злой колдун! Смотрите на него все!

И все вдруг увидели, что Гор — сын Па-Неше держит за шею, высоко подняв над головой, жалкого общипанного гусенка.

— Не губи меня, могучий чародей! — взмолился гусенок. — Преврати меня снова в человека. Я больше не причиню зла вашей стране!

Гор — сын Па-Неше глубоко задумался. Все ждали, замерев.

— Ты даешь священную клятву? — спросил наконец Гор.

— Да, да, господин! Именем Ра клянусь не возвращаться в Египет, пока не пройдет

полторы тысячи лет!..»

— На этом кончается рассказ, что записан в папирусе, — объявил Са-Осирис. — Верно ли я его прочел? Отвечай, презренный эфиоп!

Эфиоп не ответил. Он стоял, весь дрожа и закрыв лицо руками.

— О владыка, — да живешь ты, да здравствуешь и да благоденствуешь! воскликнул Са-Осирис, обращаясь к фараону. — Смотри же на этого злодея! Клянусь богами, этот человек и есть тот самый Гор — сын негритянки, о котором я рассказал. Он не раскаялся в своих злодеяниях и, когда прошло полторы тысячи лет, вновь вернулся в нашу страну, чтобы чародействовать. Но клянусь, владыка, что и я не кто иной, как тот самый Гор — сын Па-Неше. Я узнал в царстве мертвых, что наш враг, эфиопский колдун, хочет вновь напустить чары на Та-Кемет. А среди твоих подданных нет столь искусного мудреца, чтобы с ним бороться. Я умолил великого Осириса, чтобы он позволил мне вновь появиться на свет и не допустить посрамления Египта. И вот я воплотился в стебель дыни, из которого Мехитуасехет, жена Сатни-Хемуаса, сварила напиток и выпила его.

Тут Са-Осирис произнес заклинание. Рухнул эфиоп на пол, корчась в страшных судорогах, и затих. Потом вспыхнуло пламя и превратило мертвого эфиопа в пепел.

От изумления все потеряли дар речи. Никто даже не успел сообразить, что произошло, как Са-Осирис вдруг стал бледнеть, таять — и навсегда исчез.

Сатни-Хемуас, сраженный горем, громко зарыдал.

Прошло много лет. У Сатни-Хемуаса подрастал уже второй сын — выдумщик и озорник по имени Уси-Мен-Гор.

Но до конца своих дней не переставал Сатни-Хемуас приносить жертвы в честь Са-Осириса, великого писца и мудреца.

ВЕРОВАНИЯ ЕГИПТЯН

РОЖДЕНИЕ И ПРЕДСКАЗАНИЕ СУДЬБЫ

Когда человек появляется на свет и издает свои первый крик, к его колыбели приходит богиня Месхент — молодая женщина в головном уборе из разноцветных перьев. Добрую богиню сопровождает ее свита: мохнатые уродцы карлики Бэсы и богиня Таурт — самка бегемота с человеческими волосами и зубами крокодила. Месхент, Бэсы и Таурт пускаются в радостный пляс вокруг запеленутого малютки.

Однако нельзя слишком долго плясать и радоваться! Услышав громкий плач малыша, к нему со всех сторон слетаются злые духи. Если их вовремя не прогнать, они с помощью колдовства напустят на ребенка хворь, и радость в доме египтянина сменится безысходной печалью. К тому же около дома, в траве, много скорпионов и змей, которые могут переползти порог и забраться в колыбельку.

Но Бэсы всегда настороже. Почувяв приближение злых демонов, мохнатые карлики ударяют в бубны и, корча ужасающие гримасы, с истошными воплями начинают прыгать и метаться по комнате.

Напуганные гримасами Бэсов, грохотом бубнов и лязганьем крокодильих зубов Таурт, скорпионы, гады и злые духи кидаются прочь. Тем временем Месхент и ее супруг бог Шаи отправляются к Небесному Дереву.

Небесное Дерево растет в заоблачной вышине среди звезд. В его кроне живут семь молодых богинь с коровьими рогами. Эти богини зовутся Семь Хатхор.²⁹ Они наделены пророческим даром и могут предсказывать судьбу.

²⁹ Семь Хатхор — очень сложная разновидность культа богини Хатхор. Однако с самой Хатхор этих богинь смешивать не следует.

Семь Хатхор объявляют Месхент и Шаи, какая судьба уготовлена новорожденному: будет ли он беден или богат, будут ли у него дети, сколько лет он проживет и от чего умрет. Месхент и ее супруг внимательно слушают прорицательниц. Ведь бог Шаи должен отныне стать покровителем человека. Он будет следить за его поведением всю его жизнь и на Загробном Суде Осириса расскажет, добрый это был человек или злой, есть ли у него грехи на сердце. И если Суд оправдает умершего, Шаи проводит его душу к месту вечного блаженства — в Поля Камыша.

Если Семь Хатхор предрекают малютке доброе будущее, Месхент от радости пляшет и смеется. Но и если ему выпал плохой жребий, например гибель от укуса ядовитой змеи, — Месхент тоже не слишком огорчается. Потому что жизненный путь — все то, чему предстоит свершиться в жизни человека — не самое важное, на что следует обращать внимание. Главное — это готовиться к жизни в Загробном Мире, и подготовку эту надо начинать чуть ли не с самого рождения.

ПЯТЬ ДУШ ЕГИПТЯНИНА

Отец и мать дают своему ребенку Рен — имя. Имя так много значило в жизни египтянина, что считалось даже его душой, вернее, одной из пяти его душ. Знающий имя человека или демона приобретал над ним власть. Если кто-либо хотел причинить зло своему недругу, он писал его имя — Рен на кусочке папируса и потом сжигал этот папирус. В эпоху правления фараона Рамсеса Второго (Великого) придворные ваятели высекали Рен своего владыки на статуях других, давно умерших фараонов. После этого считалось, что статуя изображает Рамсеса Великого. Внешнему сходству не придавали особого значения, гораздо важнее был Рен.

Даже к грабителям и разрушителям гробниц закон был снисходителен, если Рен владельца гробницы был уже утрачен. В этом случае покойный считался «приобщившимся к божеству» и «раздающим добро людям». Если же Рен покойного был известен, то разрушение гробницы рассматривалось как преступление и сурово наказывалось.

Не меньшее значение имел Рен и для богов. Сам великий Ра в Загробном Царстве дал имена четырем человеческим расам, тем самым установив закон, по которому одни расы должны считаться высшими, а другие низшими, одни должны господствовать, а другие подчиняться. А стражи Дуата, охраняющие врата, не распахнули бы их перед Небесной Ладьей, но Упуаут знает имена огнедышащих охранников, и только поэтому они беспрекословно подчиняются солнечному богу. Помимо Рена, у богов и у людей есть и другие души: Ка, Ба, Ах и Шуит. Ах — это сияние, Шуит — тень. Об этих двух душах и о связанных с ними верованиях ученые-египтологи в настоящее время знают очень мало.

Ка — это подобие человека, дословно «двойник». На рельефах, украшающих стены храмов и погребальных камер, и на рисунках в папирусах эта душа изображалась в виде темного, похожего на тень силуэта.

О Ка существовали одновременно два разных представления. С одной стороны, считалось, что Ка живет в гробнице умершего. Ему приносили в жертву пищу, которую оставляли возле захоронения. С другой стороны, считалось, что Ка обитает на небесах, в некоем «четвертом измерении», и ни в земной, ни в загробной жизни эта душа с человеком не встречается.

Душа Ба — жизненная сила — изображалась в виде сокола с человеческой головой. Человек умирал, когда Ба покидала тело, и оживал, когда Ба возвращалась к мумии. Именно поэтому и бальзамировали умерших: чтоб сохранить тело для души Ба.

В некоторых современных арабских деревнях до сих пор бытует обычай: в доме, где умер человек, ставить на окно кувшин с водой, чтоб отлетающая душа Ба могла умыться.

Мертвое тело считалось священным после того, как его перед началом бальзамирования омывали водой из Нила. Омытое тело называлось Сах. И в земной, и в загробной жизни Сах играло не менее важную роль, чем Ка и Ба. Однако само Сах, строго

говоря, душой не считалось.

Каждый, кто наносил увечье священному телу Сах, считался преступником, даже парасхит — человек, обязанностью которого было вскрыть труп перед мумификацией. Несмотря на то, что, кроме парасхита, произвести вскрытие никто не мог и специально для этого его приглашали в бальзамировочную мастерскую, его вина от этого нисколько не становилась меньше. Сделав на животе умершего надрез кремневым ножом, парасхит сразу же обращался в бегство, а все присутствующие — жрецы-бальзамировщики и родственники покойного — преследовали парасхита, осыпая его проклятиями, моля богов жестоко наказать святотатца и швыряя ему вдогонку камни. Дом парасхита считался «нечистым» местом, и всякий, кто по какой-либо причине входил в этот дом, должен был после этого пройти обряд «очищения» и принести богам жертву.

Гробницы очень часто подвергались разорительным опустошениям, причем воры мало того что забирали все драгоценности, — они вдобавок уничтожали мумию, чтоб мумия не ожила и не отомстила, когда вернется душа Ба. Покойному наносился страшный вред: Ба лишалась своего тела! Кроме того, со временем мумия могла просто истлеть. Поэтому, чтоб застраховаться от потери мумии, египтяне ставили в гробнице ее подобие — статую из «вечного» материала, камня. А чтобы душа Ба не ошиблась, чтобы она узнала свою статую, лик статуи должен был иметь как можно больше сходства с лицом умершего. Мастерам заказывали скульптурные портреты. В истории мирового искусства скульптурные портреты первыми появились в Древнем Египте. Эти портреты выполнялись искусными резчиками по камню и достигали большого сходства с оригиналом.

Что касается грабителей, их сурово наказывали: бросали на съедение крокодилам или львам, тем самым лишая их вечной жизни в Загробном Мире: ведь Ба не могла вернуться ни в мумию, ни в скульптуру.

Погребальные камеры украшались рельефами и магическими надписями. Изображения должны были сохраниться навечно. Поэтому иероглифы, фигурки людей, растения, звери, хлеб, фрукты, овощи и кувшины с напитками — все изображения сперва вырезались на камне и только потом раскрашивались. Произнеся заклинание, их можно было превратить в настоящие, причем не один раз, а сколько угодно — столько, сколько требовалось покойному.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Похоронный ритуал

Египтянин прожил долгую, счастливую жизнь. Но вот душа Ба покинула его. Он умер.

Согласно верованиям древних египтян, человек после смерти не только «соединялся» с богом Осирисом, но и сам становился Осирисом.³⁰ Если у покойного был взрослый сын, он «становился» Гором. А родственницы умершего — его сестра и жена — превращались на время ритуала в Нефтиду и Исиду.

Оплакав усопшего и облачившись в голубые траурные одежды, родственники относили тело в «Дом Золота» — в мастерскую бальзамировщиков.

В течение семидесяти дней — поскольку Исиды, Нефтиды и Анубиса восстанавливали разрубленный труп Осириса ровно семьдесят дней бальзамировщики изготавливали мумию. Сперва они омывали тело водой из Нила, после чего оно становилось священным и называлось Сах. Затем, после того как парасхит сделал надрез на животе, бальзамировщики

³⁰ В древнейшие времена с Осирисом отождествлялись только умершие фараоны. Начиная примерно с XVII–XVI веков до нашей эры Осирисом считался любой умерший египтянин. К его имени прибавлялось имя загробного бога: например, о каком-нибудь Яхмесе после смерти говорили Яхмес-Осирис.

извлекали внутренности и опускали их в специальные погребальные сосуды — канопы. Эти канопы изготавливались в виде богов Загробного Царства: Дуамутефа, Кебехсенуфа, Имсета и Хапи.³¹ Их доверху наполняли специальными настоями из трав и наглухо закрывали крышками.

Закрыв канопы, бальзамировщики обрабатывали тело различными смолами, снадобьями из благовоний и трав и туго пеленали его матерчатыми бинтами.

Бальзамировщиков было пятеро. Самый главный из них надевал маску шакала и становился богом Анубисом. Четверо его помощников надевали маски Дуамутефа, Кебехсенуфа, Имсета и Хапи.

Родные и близкие должны были следить, чтобы все похоронные обряды соблюдались самым строжайшим образом. Ни один из ритуалов нельзя было нарушить, ни одно магическое заклинание нельзя было забыть. В противном случае Ка покойного был бы жестоко оскорблен пренебрежением к себе со стороны живых. Ка не прощал обид. Он становился злым демоном и вечно преследовал свой род, насылая беды и мстя не только своим родственникам, но и их далеким-далеким потомкам.

Если египтянин был беден, его мумию клали в простой деревянный гроб. На стенках гроба, с внутренней стороны, писали имена богов, которые должны были оживить умершего и проводить его в Дуат, а на крышке — обращение к владыке мертвых: «О ты, Уннефер,³² благой бог! Дай же этому человеку в твоём Царстве тысячу хлебов, тысячу быков, тысячу кружек вина».

Гробы состоятельных египтян клали еще и в каменные саркофаги. Очень часто для мумии делали несколько футляров в форме человеческой фигуры, которые включались один в другой.

Погребальная процессия, оглашая окрестности плачем и стонами, переправлялась на лодках через Нил. Часто для оплакивания богатых вельмож специально нанимали плакальщиц и плакальщик. Эти люди за небольшую плату профессионально изображали плач и страдания по умершему, усиливая тягостное впечатление.

На западном берегу процессию встречали жрецы, облаченные в маски богов Преисподней. Они вели родственников к гробнице. Эту гробницу покойный, как правило, заказывал еще при жизни. За очень большую цену он покупал в некрополе штольню — горизонтальный или чуть наклонный тоннель, прорубленный вглубь скалы. Став владельцем штольни, египтянин опять же за очень высокую плату нанимал камнетесов, писцов, скульпторов и художников, которые разукрашивали стены гробницы рельефами, надписями, содержащими различные заклинания, высекали статую для души Ба и статуи богов, которые должны были охранять саркофаг, а также изготавливали всякую утварь — все, что пригодится покойному в Дуате, когда он оживет: кресла, одежды, амулеты, оружие и священные книги.

Своим «вечным пристанищам» — гробницам — египтяне уделяли гораздо больше внимания, чем земным жилищам. Греки говорили, что «вся жизнь египтянина состояла из приготовлений к смерти».

У входа в последнее, вечное, пристанище египтянина погребальная процессия останавливалась. Гроб опускали на землю, и жрецы, облаченные в одежды и маски богов Дуата, совершали над мумией обряд «отверзания уст».

Этот обряд символизировал приход Гора к мумии отца и воскресение Осириса. Совершался он так. Жрец в маске сокола, изображавший Гора, касался жезлом губ покойного и клал ему на грудь амулет в виде глаза. Это означало, что Гор принес свой глаз и

³¹ Не следует путать это божество с Хапи — богом Нила.

³² Уннефер — «существо благое», самый распространенный эпитет Осириса. От него произошло русское имя Онуфрий.

дал его проглотить Осирису. Обряд «отверзания уст», согласно верованиям, возвращал умершему способность есть, пить, дышать и, самое главное, говорить. Ведь по пути в Великий Чертог Двух Истин ему придется заклинать загробных стражей, чтоб они пропустили его.

Закончив ритуал, жрецы относили гроб в усыпальницу и ставили в каменный саркофаг. Вход в гробницу опечатывали печатью некрополя, тщательно заваливали камнями и щебенкой и маскировали.

Воскресение и путешествие по Преисподней

Наступал день, когда к мумии прилетала душа Ба. По ее зову в гробницу являлись боги подземного мира и с помощью магии возвращали умершего к жизни.

Воскреснув, египтянин оказывался перед каменными воротами, которые охраняли два чудовища. Умерший должен был приблизиться к ним и сказать:

— О великий владыка Дуата Осирис! Я пришел к тебе, чтобы обрести блаженство в твоём Царстве. Сердце мое безгрешно. Пусть же твои стражи откроют ворота и пропустят меня!

Еще при жизни каждый египтянин должен был прочесть священный папирус, который назывался «Книга Мертвых». Эта книга содержала подробное описание Загробного Царства; в ней перечислялись имена всех демонов, охраняющих ворота, а также заклинания, которые необходимо было знать умершему, чтобы благополучно миновать все преграды и избежать опасностей.

На тот случай, если египтянин вдруг забудет какое-либо заклинание или, заблудившись в Дуате, не сможет найти дорогу в Великий Чертог Двух Истин, ему помимо амулетов и прочей погребальной утвари обязательно клали в гроб «Книгу Мертвых». А самые важные заклинания высекали еще на стенках гробницы.

Сразу за первыми воротами начинались две извилистые тропы. Обе они вели к Чертогу Двух Истин; оставалось только решить, по какой из тропинок безопаснее идти. Впрочем, в обоих случаях путь предстоял нелегкий. Тропы разделяло огненное озеро. Бешено ревели пламя, сверху на голову сыпались раскаленные угли, душил и выедал глаза ядовитый дым. Чтобы не задохнуться, умерший должен был иметь при себе деревянную фигурку бога воздуха Шу.

На берегах озера жили страшилища — драконы, демоны, змеи, и безнаказанно пройти по тропе мог только тот, кто знал имена стражей, заклинания и имел при себе волшебные амулеты, спасающие от бед и опасностей. За озером тропинки вновь смыкались. Здесь дорога упиралась во вторые ворота.

Чтобы облегчить умершему странствие, боги создали в Загробном Царстве ариты. Это были тихие безопасные уголки. Ни змеи, ни скорпионы в ариты не заползали. Здесь покойный мог отдохнуть и набраться сил для дальнейшего путешествия. Но, опять же, не всякий мог войти в ариту. Для этого надо было знать волшебные заклинания и, разумеется, имена демонов, стоящих на страже.

Пройдя все ворота, умерший наконец достигал цели своего путешествия Великого Чертога Двух Истин.

Суд Осириса и вечная жизнь в Полях Камыша

На пороге Великого Чертога умершего встречал шакалоголовый бог Анубис.

— Приветствую тебя, великий среди богов Загробного Мира! Я пришел к тебе, господин мой, — говорил умерший, согнувшись в поклоне до земли.

Бог смерти хранил величественное безмолвие. Выслушав приветствие, он брал египтянина за руку и вел в зал, где должно было вершиться Загробное Судилище.

Они шли мимо каменных статуй и мимо колонн, обвитых живыми змеями. Из темноты

навстречу им то и дело выползали чудовища и, оскалив пасть, требовали назвать их имена.

Но вот открывались последние двери, и умерший вслед за Анубисом вступал в зал Суда.

Здесь в тишине и торжественном полумраке сидели боги-судьи. Они делились на две группы — на Великую и Малую Эннеады.³³ Перед каждой из двух Эннеад египтянин должен был держать ответ за свои земные дела, дважды должен был доказать, что его клятвы в собственной безгрешности не лживы, а истинны. Поэтому зал Суда и назывался Чертогом Двух истин.

Головные уборы всех судей украшало перо Истины — перо богини Маат.

Великая Эннеада, в которую входили Ра, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Нефтида, Исида, Гор — сын Осириса, Хатхор, Ху (Воля) и Сиа (Разум), начинала допрос умершего.

— Кто ты? Назови свое имя! — требовали боги.

Покойный называл себя.

— Откуда ты прибыл? — следовал второй вопрос.

Подсудимый называл город, в котором он жил.

Когда допрос заканчивался, перед Великой Эннеадой выступали Месхент, Шаи и душа Ба покойного египтянина. Они подробно рассказывали, какие этот человек совершал в жизни хорошие и дурные поступки.

Если кто-либо из богов требовал сурового наказания для грешника, Исида, Нефтида и Нут вставали на его защиту. Египтяне изображали этих богинь на саркофагах в виде женщин с распростертыми крыльями, потому что распростертые крылья считались символом защиты.

Ответив на все вопросы, умерший приступал к «Исповеди отрицания»:

— Я не совершал несправедливостей против людей, — каялся он. — Я не притеснял ближних. Я не грабил бедных. Я не делал того, что неуютно богам. Я не подстрекал слугу против его хозяина...

Так покойный перечислял сорок два преступления и клятвенно заверял богов, что ни в одном из них он не виновен.

После «Исповеди отрицания» умерший обращался к Малой Эннеаде. Называя по имени каждого из сорока двух богов, он вновь перечислял сорок два преступления и клялся в своей непричастности к ним.

Затем боги приступали к взвешиванию сердца покойного на «Весех истины». На одну чашу весов клали сердце, на другую — перо богини Маат, символизирующее справедливость, правду и правосудие. Если стрелка весов отклонялась, покойный считался грешником и Великая Эннеада выносила ему обвинительный приговор.

Умерший в отчаянии падал на колени, моля о пощаде. Но боги оставались безучастными к запоздалому раскаянию. Имя грешника объявляли несуществующим, а сердце отдавали на съедение богине Амнат «Пожирательнице», чудовищу с телом гиппопотама, львиными лапами, львиной гривой и пастью крокодила. Чавкая и рыча, Амнат съедала сердце, и египтянин лишался жизни — теперь уже без надежды на воскресение, навсегда.

Если же чаши весов оставались в равновесии, это значило, что плохие дела покойного уравниваются его хорошими поступками, и он признавался оправданным. Великая Эннеада торжественно оглашала свое решение даровать ему вечную жизнь, и бог Тот записывал на папирусе имя египтянина.

Бог Гор брал умершего за руку и вел его к трону владыки Преисподней Осириса. Во все время Суда Осирис молча наблюдал за происходящим. Он не принимал участия ни в допросе умершего, ни во взвешивании сердца, а только освящал весь ритуал своим присутствием.

Умершего проводили мимо сидящего на престоле бога. На этом Суд заканчивался.

³³ Слово «эннеада» в переводе с греческого языка означает «девятка». Однако в Великую Эннеаду входило 11 богов, а в Малую — 42.

Оправданный египтянин мог теперь отправиться к месту вечного блаженства — в Поля Камыша. Туда его сопровождал бог-покровитель Шаи.

В Полях Камыша умершего ждала такая же жизнь, какую он вел и на земле, только здесь царил полное изобилие и никогда не бывало засух и неурожаев. Семь Хатхор, Непри и другие боги обеспечивали египтянина пищей, делали его загробные пашни плодородными, а его скот — тучным. Чтоб покойный мог наслаждаться отдыхом, чтоб не пришлось ему самому обрабатывать поля и пасти скот, в саркофаг клали ушебти — деревянные или глиняные фигурки писцов, жнецов, пастухов.

Ушебти — «ответчик». Шестая глава «Книги Мертвых» рассказывает о том, как заставить ушебти работать. Когда в Полях Камыша боги позовут покойного на работу, человек-ушебти должен вместо своего хозяина выйти вперед и откликнуться: «Я здесь!», после чего отправиться работать, куда ему прикажут.

Богатые жители Та-Кемет могли купить себе для вечной жизни сколько угодно ушебти. Те, кто был победнее, покупали их 360, по одному на каждый день года. Бедняки же покупали одного-двух человечков, но вместе с ними клали в гроб список трехсот шестидесяти таких «помощников». Благодаря чудодейственным заклинаниям перечисленные в списке человечки оживали.

БОГИ и ДЕМОНЫ ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН

АКЕР — бог земли и подземного мира. Изображается в виде двойного сфинкса или льва, считался грозным обитателем Загробного Мира, стражем ворот и помощником Ра-солнца в борьбе с Апопом. Акер не принадлежал к кругу великих богов и, несмотря на свою роль в Загробном Мире, не имел своих храмов и мест культа.

АММАТ — «Пожирательница», богиня-чудовище с телом гиппопотама, львиными лапами, львиной гривой и пастью крокодила. Съедала сердце человека, если Великая Эннеада выносила ему обвинительный приговор после взвешивания его сердца на «Весак истины».

АМОН, АМОН-РА — «Сокровенный», или «Незримый». Впервые упоминается в «Текстах пирамид». Бог солнца, центром его почитания был город Фивы. Когда Фивы сделали столицей Египта, Амона стали считать главным богом, отождествляя его с Ра. Священными животными Амона были баран, гусь и змей. Бог изображался часто в виде человека с бараньей головой и в короне из двух высоких перьев, с телом голубого цвета, что указывает на связь Амона с небом. Греки отождествляли Амона с Зевсом.

АНУБИС — бог-бальзамировщик, покровитель умерших. Изображался в виде черного животного — собаки или шакала, либо в виде человека с головой шакала. Покровитель некрополей и кладбищ, один из судей царства мертвых. Священные животные Анубиса шакалы и собаки. Вблизи храмов Анубиса археологи находят захоронения мумий собак. Греки отождествляли его с богом времени Кроносом.

АНХ — символ жизни, жизненной силы. Анх представлял собой крест, получивший название египетского, у которого вместо верхнего конца была петля. Часто служил амулетом, дающим жизненную силу человеку. Анх одевали новорожденному на шею, чтобы тот выжил.

АПИС — священный бык, символ плодородия, почитавшийся в Египте до самых последних времен. Центром культа был город Мемфис. В храме Пта в Мемфисе находилось место культа живого быка Аписа и специальный оракул, делавший предсказания по поведению животных. Бег живых быков, олицетворявших Аписа, праздновался как церемония, приносящая плодородие и достаток. Похороны Аписа и выбор его приемника считались крупными религиозными событиями. Мумии быков в громадных саркофагах складывали в подземельях мемфисского некрополя.

АПОП — огромный змей, обитатель подземного царства, олицетворение мрака. Извечный враг солнца и мирового порядка, он, вместе с тем, участвовал в наказании

осужденных на Суде Осириса, помогая вершить правосудие. Чаще всего Апоп изображался в виде огромного связанного змея, пронзенного ножами. Греки считали Апопа братом Гелиоса.

АСТАРТА — сирийско-палестинская богиня. В Египте она считалась богиней-воительницей, дочерью Ра, и была вместе с Анат покровительницей боевых колесниц. В Мемфисе Астарте и ее супругу Ваалу был посвящен храм.

АТУМ — «Полный», «Совершенный» — бог-творец, старейший из Гелиопольской Великой Девятки. Со времени составления «Текстов пирамид» его отождествляли с Ра, и он стал воплощением заходящего солнца. Изображали Атума обычно в облике человека, увенчанного двойной короной Египта. Но иногда он выступал также в виде змея, жука-скарабея или обезьяны.

БЕН-БЕН — первый клочок твердой земли, холм, возникший по воле Атума-Ра из вод первозданного океана.

БЕНУ — священная птица в Гелиополе, прообраз греческого Феникса, изображался в виде цапли. Египтяне считали, что Феникс-Бону появился в начале творения и летал над водами Нуна-хаоса, из которых возник изначальный холм Бен-Бен. Бену жил на священной вербе (Дом Бен-Бен). Изначальное существо, он не был никем сотворен, подобно Атуму или Ра. Иногда Бену воспринимался египтянами как одно из воплощений Ра. Позже, с распространением культа Осириса, Бену стал олицетворять душу Осириса, являясь символом возрождения.

ВААЛ — сирийско-палестинский бог, почитавшийся в Мемфисе. Иногда его отождествляли с Сетом.

«ВЕЛИКАЯ ДЕВЯТКА» богов — в Гелиополе в нее входили: первый бог Ра, его дети — творения Шу и Тефнут, их дети — Геб, Нут и боги третьего поколения Осирис, Сет, Исида, Нефтида.

В различных городах Египта были девятки богов, в которые входили боги, считавшиеся главными богами города.

ВЕЛИКИЙ ЧЕРТОГ ДВУХ ИСТИН — зал Суда в Загробном Царстве, куда попадал умерший, и где должен был перед богами-судьями отвечать за свои земные поступки. В зале сидели две группы богов — Великая и Малая Эннеады — и человек должен был перед каждой поклясться в своей безгрешности.

ВЕННОФРЕ — одно из имен Осириса, в переводе означает «прекрасный».

ГЕБ — «Земля» — древний бог земли. Согласно «Текстам пирамид» умерший входит во врата Геба на пути в Загробное Царство. Известен очень древний миф, где говорится о том, что Геб и Нут вместе породили солнце. В Гелиополе Геба считали сыном Шу и Тефнут, тем самым относя его к третьему поколению богов.

В одном из папирусов сообщается, что Геб был предшественником Осириса на престоле. Египтяне обычно изображали Геба в виде человека со знаками царской власти. Известны также его изображения с головой змея.

ГОР, ХОР — бог солнца, изображался в образе сокола или солнечного диска с соколиными крыльями. Согласно древнему преданию, Гор был богом неба, а солнце и луна — его глазами, считался покровителем власти фараона.

Египтяне верили во многих богов с именем Гор. Считается, что Хароерис (Гор Старший, или Великий Гор, Гор Бехдетский) — изначальный бог, от которого произошли затем другие ипостаси Гора. Наиболее известные: Гор сын Исиды (Харпократ), Гор — обитатель горизонта (Хорахте), Гор объединитель Обеих Земель (Харсомт).

Противоборство между Гором — сыном Исиды и Сетом многозначно. С одной стороны, это отражение противоречий, заложенных в природе: Гор представлял небо и свет. Сет — землю, бурю, мрак. С другой стороны, вероятно, в древности какое-то время Гор был главным богом Нижнего Египта, а Сет Верхнего.

Греки отождествляли Гора с Аполлоном.

ДУАТ — одно из названий Загробного Царства.

ИМАХУЭМАНХ — демон, предводитель свиты Осириса. Ему подчинялся другой демон, Джесертеп. Изображался в виде человека с головой сокола и с двумя ножами в руках.

ИСИДА — жена (сестра) Осириса, мать Гора. Богиня плодородия, покровительница детей и матерей. Вместе с сестрой Нефтидой, в облике соколицы и коршуна, они оплакивали погибшего Осириса. Поэтому их часто изображали на саркофагах в роли охранительниц умершего.

Культ Исида, чей образ служил символом супружеской преданности и материнской любви, приобрел огромную популярность в Египте, а в греческую эпоху — и за его пределами, распространившись практически во всех странах Средиземноморья. В античном мире Исиду отождествляли со многими богинями, прежде всего с Афиной, Селеной, Персефой, Фетидой.

«**КНИГА МЕРТВЫХ**» — священный папирус, содержащий описание Загробного Царства, имена всех демонов и заклинания, которые должен был знать умерший, чтобы, избежав опасностей, благополучно добраться до Чертога Двух Истин. Эту книгу каждый египтянин должен был прочесть еще при жизни, а когда он умирал, ее обязательно клали в гроб, на тот случай, если он забудет какие-либо заклинания.

ЛАДЬЯ ВЕЧНОСТИ — ладья, в которой из года в год, из века в век путешествуют боги во главе с великим Ра и перевозят солнце по небесному Нилу. Днем Ладья Вечности имеет имя Манджет, ночью — Месектет. Иногда Ладью Вечности называют Ладьей Миллионов лет.

МААТ — богиня законов и справедливого миропорядка. Она руководила всеми явлениями природы — разливами Нила, сменой времен года, движением созвездий на небе, строго следила за их выполнением. Изображалась с высоким пером в головном уборе.

МАНДЖЕТ — ладья, в которой бог Ра перевозит солнечный диск днем по небесному Нилу.

МЕСЕКТЕТ — ладья, в которой бог Ра и другие боги плывут по Загробному Миру в то время, когда на земле ночь.

МЕСХЕНТ — добрая богиня-покровительница, встречавшая человека при его появлении на свет. Вместе со своим мужем богом Шаи следила за поведением человека всю жизнь, и на Загробном Суде перед Великой Эннеадой они рассказывали о плохих и хороших поступках этого человека. Изображалась в виде молодой женщины в головном уборе из разноцветных перьев в сопровождении мохнатых уродцев — карликов Басов и богини Таурт — самки бегемота с человеческими волосами и зубами крокодила.

МЕХЕН — «Тот, кто окружает» — великий змей, сопровождавший Ра в его странствии по подземной стране. Иногда Мехен служил даже буксирным канатом для ладьи Ра или обвивал кольцами то место, где возлежал бог.

НЕЙТ — «Устрашающая» — богиня-воительница. Изображалась в виде женщины в короне Нижнего Египта с луком и стрелами в руках. Почитался также ее символ — две скрещенные стрелы и щит. Греки отождествляли ее с Афиной.

НЕПРИ — бог зерна, чей праздник торжественно отмечали в первый день месяца сбора урожая. По верованиям египтян, он играл большую роль не только в земной жизни земледельцев, но и в потустороннем мире, где Непри — «Тот, кто живет после смерти»- как величают его «Тексты саркофагов», помогал умершим выйти из гробниц, чтобы они могли отправиться в царство мертвых, кормил и поил их пивом. Непри изображался в виде змея или как мужчина с телом, покрытым колосьями.

НЕФЕРТУМ — бог, олицетворявший первозданный лотос. Его изображали то в виде младенца на цветке лотоса, то в образе человека с короной в форме лотоса.

НЕФТИДА — «Владычица Дома» — младшая из детей Геба и Нут, сестра Исида и жена Сета. Греки объединяли Нефтиду с Афродитой и с Никой.

НЕХЕБКАУ — демон подземного царства, привратник у ворот подземного мира. Имел человеческое тело и змеиную голову.

НУН — водное божество, хаос, из которого возник бог солнца Атум-Ра.

НУТ — «Небо» — богиня неба, супруга Геба, мать Исиды, Нефтиды, Осириса и Сета. Она обычно изображалась в виде женщины, перекинувшей дугой через все небо и опирающейся на землю кончиками пальцев рук и ног. По одному из мифов, она по утрам рождала солнце, чтобы вечером снова проглотить его. Звезды были ее детьми. Иногда ее изображали в виде женщины с распростертыми руками-крыльями и с иероглифом на голове, означавшим ее имя.

ОСИРИС — бог Загробного Мира, судья в царстве мертвых, бог природы. Символом Осириса был столб Джед. Изображение этого столба было одной из самых распространенных священных эмблем. В канун юбилея царствования фараона в городе Мемфис происходила церемония поднятия столба Джед с участием фараона и жрецов, которые сами тянули канаты. Эта церемония должна была обеспечить фараону долгое и благополучное царствование.

Изображался Осирис в облике человека, чье тело перевито бинтами подобно мумии. Лицо его окрашивали в зеленый цвет, что указывает на то, что он является богом растительности. На голове Осириса корона с перьями корона Атеф. Иногда изображали только одну корону с символами царской власти.

ПОЛЯ КАМЫША — место вечного блаженства, куда попадал умерший человек, если его признавали безгрешным на Суде Осириса.

ПТА, ПТАХ — в Мемфисе бог-творец и глава всех богов, которые являются его воплощениями. Покровитель искусств и ремесел. Верховный жрец бога Пта носил титул «начальника-ремесленников».

РА — бог солнца, странствующий в ладье по небосклону, создатель богов и людей. Изображался в виде сокола или человека с головой сокола в двойной короне Нижнего и Верхнего Египта и с другими атрибутами царской власти. Иногда изображался человек с головой овна или просто голова овна, окруженная светящимся нимбом. С Ра отождествляли множество богов, давая им имена: Амон-Ра, Монту-Ра, Себек-Ра, Хнум-Ра и другие. Его часто называли Ра-Амон-Хепри, объединяя имена утреннего, заходящего и светящего днем солнца.

Имя Ра являлось составной частью имени фараона, так как они носили титул сыновей Ра.

Когда столицей был город Гелиополь, где почитали Ра, он считался царем всех богов.

СЕБЕК — бог-крокодил. Крокодил, живущий в воде, приобрел большое значение, так как считалось, что он властвует над водой, которая так ценилась в Египте. Его изображали или в виде крокодила с короной на голове, или в виде человека с головой крокодила.

СЕТ — бог пустыни, бог грозы, олицетворяющий собой злое начало. Младший брат Осириса. Изображался часто с ослиной головой или в облике гиппопотама.

Первоначально этот бог, видимо, не был воплощением зла. Однако по мере распространения культа Осириса образ доброго бога, коварно убитого братом, завоевал всенародную любовь. Возникло и постепенно утвердилось представление о Сете как о ненавистном боге.

В разных городах и областях в разные исторические периоды складывались совершенно разноречивые представления о Сете. Одни мифологические тексты рисуют Сета злодеем, представителем сил тьмы — змей, крокодилов и гиппопотамов, называют его врагом солнца, нередко отождествляют с Апопом. Другие причисляют Сета к свите Ра; вместе с другими богами, охраняющими солнце в Небесной Ладье, Сет сражается с Апопом. В эпоху правления фараонов XIX династии (14–13 вв. до н. э.) Сет считался покровителем царской власти, и фараоны, всходя на престол, брали имя в его честь (Сети Первый, Сети Второй).

Самое интересное, что эти взаимоисключающие верования просуществовали бок о бок на протяжении почти всей истории Древнего Египта. «Положительный» и «отрицательный» образы Сета нередко присутствуют в пределах одного и того же текста, одного сказания.

СЕШАТ — богиня письма и счета, которая вела также и летопись царей. Она

присутствовала при составлении планов постройки различных сооружений, поэтому ее почитали как покровительницу строительства и строителей. Она была тесно связана с богом Тотом, считалась его сестрой или дочерью. Сешат изображали в виде женщины со сложным головным убором: семиконечной звездой на полукруглой дуге с двумя перьями наверху.

СОХМЕТ, СЕХМЕТ — «Могучая» — страшная богиня войны, богиня палящего солнечного жара. Гнев ее, по египетским представлениям, приносил мор и эпидемии. Часто Сохмет отождествляли с Хатхор и Тефнут.

Священное животное Сохмет была львица, и изображалась она с львиной головой. Фараон Аменхотеп III установил шестьсот крупных статуй Тефнут-Сохмет в виде женщины с львиной головой.

ТЕФНУТ — богиня влаги, супруга бога Шу, являвшаяся вместе с ним первой парой богов, созданных Ра-Атумом. Считалось, что она родилась из слюны Атума. Тефнут была так тесно связана с Шу, что часто их воспринимали как единое целое, а в римский период эту пару богов включили в созвездие Близнецов.

ТОТ — бог мудрости, счета и письма. Священные животные Тота — павиан и птица ибис. Бог изображался с головой ибиса или в образе павиана.

Тот имел для древних египтян огромное значение. Считаясь владыкой Луны, он охранял и спасал ее, возвращая на свое место на небе. Он ведал порядком, справедливостью и гармонией в мире. Как лунный бог, он был Владыкой счета и Исчислителем лет, ибо на основе фаз луны составлялся календарь. Тот считался изобретателем письменности, творцом священных книг, покровителем писцов, врачей, а также всех видов знаний. В окружении богов Тот исполнял роль судьи.

УДЖАТ — Всевидящее Око. «Оком» в египетских текстах называются разные божества: Шу, Тефнут, Хатхор-Сохмет, Маат и др. Под другим Оком («Великолепным») подразумевается змея-урей, охраняющая Ра.

Особая роль отводилась глазу Гора, которое вырвал у него Сет во время битвы. Чаще всего Око Уджат является именно этим глазом. Его изображение стало могущественным амулетом, защищавшим от всевозможных бед. Глаз Гора имел также еще одну функцию: в математике с его помощью обозначали дроби. По одной из версий мифа, Сет разрезал глаз Гора на 64 части. Рисунок зрачка означал дробь $1/4$, брови — $1/8$ и т. д.

УПУАУТ — бог-волк, привратник подземного царства.

ХАПИ — древнеегипетское имя Нила, бог животворных сил реки, берущей свое начало в водах первозданного океана Нуна. Разлив Нила называли приходом Хапи. Хапи регулировал уровень воды в реке, пребывая в пещере недалеко от города Асуана. Было также место на острове в дельте, именуемое Домом Хапи, откуда он следил за разливом Нила в Нижнем Египте. Изображали Хапи в виде мужчины с женской грудью (символ кормильца), с повязкой рыбака на бедрах и пучком камыша на голове. В его изображениях преобладали цвета воды — зеленый и голубой. Хапи был одним из самых любимых в народе богов.

ХАТХОР — «Дом Хора» — богиня неба, богиня любви, веселья, пляски, от которой зависело также и плодородие. Священное животное Хатхор — корова. Изображалась она в виде женщины с коровьими рогами на голове, между которых находился солнечный диск. В «Текстах пирамид» Хатхор является матерью Хора, хотя в Гелиополе эту роль играет Исида.

Египтяне отождествляли Хатхор с богинями Нут, Тефнут, Сохмет и Исидой. Часто говорили о ней как о Солнечном Оке, охраняющем Ра от врагов.

ХЕПРИ — «Тот, кто возникает», «Тот, кто приводит к возникновению» бог-скарабей, отождествлявшийся с Атумом и являвшийся символом утреннего солнца. Одно из имен бога солнца Ра.

Такое отношение к скарабею объяснялось тем, что египтяне считали, что этот жук способен возникать из ничего, отсюда его божественная созидательная сила. А вид маленького скарабея, толкающего перед собой огромный шар, подсказал образ бога, катящего солнце по небу. Приписываемая этому невзрачному насекомому могучая сила стала причиной его необычайной популярности — бесчисленные амулеты с изображением

скарабея, преподносимые живым и мертвым, должны были защищать их от всевозможных сил зла и, что самое главное, помочь после смерти возродиться к вечной жизни, как возрождается сам скарабей.

ХНУМ — бог в облике барана или человека с бараньей головой, почитавшийся во многих местах Египта как бог плодородия, покровитель гончаров; согласно мифу, он вылепил из глины на гончарном круге первого человека. Часто изображался вместе с гончарным кругом, на котором он создает человека.

ШАИ — бог-покровитель человека. Следил за его поведением всю жизнь и на Загробном Суде Осириса рассказывал, праведный это был человек или нет. И если Суд признавал умершего безгрешным, Шаи проводил его душу в Поля Камыша.

ШУ — бог воздуха, его имя означало пустоту. Он родился из Атума, как воздух, который тот выдохнул через нос. Он приносил освежающий северный ветер. Изображения Шу в виде человека с распростертыми крыльями, держащего в руках символы жизни и воздуха, помещали в храмах вблизи окон, чтобы обеспечить приток свежего воздуха. Умершим давали с собой в дорогу в Загробный Мир маленькие фигурки Шу, чтобы они под землей не задохнулись. Бог должен был обеспечить им свободное дыхание.

В «Текстах саркофагов» Шу называют «тем, кто мраку приносит свет», так как он вместе с Тотом поймал в сети пропавшую Луну и водворил ее на прежнее место.